

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОРОНЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ ФСИИ РОССИИ**

П. Б. Стукалов

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
СОЮЗ И ЕГО ИДЕОЛОГИ**

**ВОРОНЕЖ
2011**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С88

Научный редактор
доктор исторических наук *Л. М. Искра*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А. Ю. Минаков*
доктор политических наук *Н. П. Поливаева*

Стукалов П. Б.

С88 Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологии / П. Б. Стукалов; ФКОУ ВПО Воронежский институт ФСИН России. – Воронеж : *****, 2011. – 175 с.

ISBN

В монографии рассматриваются основные вехи истории политической организации русских националистов начала XX века – Всероссийского национального союза, анализируются причины и предпосылки возникновения данной организации, основные направления ее деятельности, причины кризиса и распада. В центре внимания работы также находятся политические воззрения главных идеологов Всероссийского национального союза – П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова. Впервые на серьезном научном уровне проанализированы их представления о феноменах «нация» и «национализм», концепция идеального государственного устройства, взгляды на проблемы межнациональных отношений в Российской империи.

Монография может быть интересна профессиональным историкам, политологам, а также студентам, курсантам и слушателям, обучающимся по историческим и юридическим специальностям.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN

© Стукалов П. Б., 2011

© ФКОУ ВПО Воронежский институт
ФСИН России, 2011

Введение

Начало XXI века, безусловно, является определяющим периодом в истории России. С одной стороны, к этому времени в основном завершился переходный этап в истории российского государства, в ходе которого новое геополитическое образование, Российская Федерация, прошло свое становление и сохранило свою государственную идентичность. При этом благодаря несомненным успехам правительства, а также чрезвычайно выгодной конъюнктуре мировых цен на энергоносители были решены некоторые острые социальные проблемы, и обеспечена относительная стабильность развития. С другой стороны, новые цивилизационные вызовы, стоящие перед нашей страной в начале нового тысячелетия, требуют выработки адекватной и долгосрочной стратегии государственного развития, с помощью которой возможно обеспечить конкурентоспособность Российской Федерации в быстро меняющемся мире. В данной связи важнейшей проблемой, которая должна быть решена в ближайшее время, является поиск и оформление некоего «идеологического концепта», национальной идеи, определяющей цели, задачи, приоритеты жизнедеятельности государства.

Стоит заметить, что сегодня в мировой практике существуют как минимум два варианта решения данной задачи. Во-первых, в мире усиливаются процессы интеграции и глобализации, предпринимается попытка разработки единой для всех стран стратегии развития, создания универсальных общественных институтов. Примером такого рода модели развития служит американская доктрина «развитой демократии», искусственно насаждаемая в других странах. Беспрекословное ее копирование является на

сегодняшний день фактически своеобразным «пропуском» в мировое сообщество, главным показателем «цивилизованности» той или иной страны. При этом национальная специфика государств во многом игнорируется.

Во-вторых, очевидно, что глобализационные процессы объективно ставят под угрозу суверенитет государств, поскольку их правительства, попадая в зависимость, теряют возможность решать актуальные социально-политические задачи. Последовательная пропаганда идеологии глобализма, отрицающего национальную специфику отдельных стран и наций, провоцирует ответную реакцию с их стороны, выражающуюся в форме появления масштабных национальных движений. В мировой истории начала XXI века примеров таких явлений достаточно. В итоге стоит согласиться с А. И. Солженицыным, который утверждает, что «явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями, не в меньшей степени, чем личностями?»¹. Таким образом, с этой точки зрения изучение политической идеологии и практики национализма позволяет не только определить характерные черты национальной идеологии той или иной страны, но и дает возможность попытаться вскрыть историческо-онтологический смысл существования всего человечества.

Факты обострения национальных противоречий все чаще заставляют правительства и общественность многих стран обращаться к проблемам разработки собственной национальной идеологии, что дает возможность правильно определить стратегию государственного развития, обеспечить интеграцию в мировое сообщество при сохранении жизненно важных национальных характеристик.

Для нашей страны, очевидно, вариант интеграции в мировое сообщество при универсализации государственной идеологии в соответствии с «европейско-американскими» стандартами является неприемлимым сценарием развития событий, что доказывает и исторический опыт. Российское государство с самого начала своего существования разрабатывало свой «идеологический концепт», альтернативный западному. Однако, к

---

¹ Цит по: *Сергеев С. М.* Пришествие нации? М. : СКИМЕНЬ, 2010. С. 129.

сожалению, приходится констатировать тот факт, что данная проблема до сих пор не решена. Ни славянофильство, ни официальная триада Уварова, ни столыпинский либерал-консерватизм, ни большевистский социализм, ни «гайдарово-чубайсовская» рыночная экономика не только не стали универсальной национальной идеей русской государственности, но и во многом дискредитировали себя с исторической точки зрения.

В данной связи, учитывая сложность проблемы, на наш взгляд, стоит обратиться к характеристике такого неоднозначного явления, как русский национал-консерватизм, теоретики которого в разные периоды времени также занимались разработкой универсальной государственной идеи. Исходя из сказанного, очевидно, что отношение к феномену национализм в настоящее время двоякое. Так, с одной стороны, данное понятие воспринимается общественностью крайне отрицательно, вульгарно, часто бесосновательно отождествляется с шовинизмом и ксенофобией. Интерпретация понятия «национализм» носит во многом конъюнктурный характер. В этой связи стоит согласиться с современным исследователем данной проблемы А. Кочетовым, который отмечает: «Пожалуй, нет сейчас предмета для обсуждения более запутанного и более всех “загоняемого в рамки”, более всех подвергаемого “надзору” и всевозможным ограничениям (дабы обсуждение его шло строго в “нужном” направлении), более всех обросшего различными мифами и умело сформированными стереотипами, чем национализм»². Официальные органы власти, многочисленные СМИ и представители общественных организаций подчеркивают преступный характер национализма, приравнивают его к фашизму и гитлеризму. Показательным в данной связи является высказывание В. В. Путина относительно националистов – «... тот, кто говорит “Россия для русских...” – это либо не порядочные люди, которые не понимают, что говорят, и тогда они провокаторы»³.

---

² Кочетов А. Что такое национализм. Национализм больших и малых наций [Электронный ресурс]. URL: <http://warax.net/83/kochetov6.html> (дата обращения: 09.10.2007).

³ Цит. по: Кожевникова Г. Этнонационалистическая риторика в предвыборной агитации (на примере кампаний 2003–2004 гг.) // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007. С. 170.

Заметим, что подобное восприятие национализма обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, недостаточностью знаний или полным отсутствием какого-либо объективного представления о национализме и его роли в мировой истории; во-вторых, тем, что национализм как мировоззрение и идейно-политическая практика в русской истории практически всегда являлся и является последовательной оппозицией правящему режиму. Именно поэтому со стороны последнего и создается соответствующий «имидж» национализму; в-третьих, следует признать, что и сами националисты непродуманностью своей политической линии наносят непоправимый ущерб собственной репутации.

Однако, очевидно, что национализм имеет и положительный исторический опыт. В этой связи стоит упомянуть тот факт, что политику ведущих государств мира, таких как США и Великобритания, уже как минимум два столетия определяют именно принципы национализма. В Российской Федерации, несмотря на все вышесказанное, влияние национализма растет. Так, по данным социологических исследований ЛЕВАДА-Центра в 2007 году полное или частичное согласие с одним из главных принципов национализма «Россия для русских» выразили 58 % опрошенных россиян⁴. Кроме того, ведущие политические партии, участвующие в выборах в Государственную Думу, с 2003 года не только в той или иной степени использовали в своих программах элементы националистической доктрины⁵, но в рамках Думы пытались проводить ярко выраженные националистические проекты законов⁶. Наконец, по

---

⁴ Соколов М. Изучая «русский фашизм» несколько критических замечаний о дискуссии 90-х // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007. С. 45.

⁵ См. подробнее: Прибыловский В., Точкин Г. Национал-патриоты на региональных выборах в 2000–2005 гг. // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007. С. 137–151; Кожевникова Г. Этнонационалистическая риторика в предвыборной агитации (на примере кампаний 2003–2004 гг.) // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007. С. 166–178; Ларюэль М. Еще раз к вопросу о классификации идеологических течений русского национализма // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 6–8.

⁶ См. подробнее: Михайловская Е. Фракция «Родина» в контексте националистического дискурса в Государственной Думе // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 33–73.

мнению современных западных исследователей, современная политика Российской Федерации также содержит в себе элементы идеологической концепции национализма⁷.

Русский национал-консерватизм начала XX века представлял собой не только уникальный, но и чрезвычайно многогранный феномен общественной жизни. В данной связи стоит согласиться с современным исследователем С. С. Сергеевым, который условно выделяет следующие типы националистической мысли в России этого времени: черносотенный национализм; национал-либерализм, национализм Всероссийского национального союза (ВНС), столыпинский официальный национализм. При этом все указанные варианты, с одной стороны, между собой несомненно сочетались, а с другой, четко и последовательно различались⁸.

В настоящей работе на примере наследия П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова (идеологов национал-консерватизма Российской империи начала XX века проанализирован лишь один из типов русского национализма) идеология Всероссийского национального союза.

Автором исследуются общественно-политические взгляды и концепции П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова определяются главные характеристики доктрины русского национализма начала XX в. В процессе исследования автором выявлены и уточнены факты жизни и деятельности П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова; проанализировано содержание важнейших работ М. О. Меньшикова и П. И. Ковалевского; изучены взгляды идеологов ВНС на важнейшие общественно-политические проблемы и рассмотрена эволюция их воззрений. Также выявлены характерные черты деятельности П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, определено их место и роль в общественно-политическом движении русского национализма; названы главные черты идеологии русского национализма, определены место и значение ВНС в общественно-политическом спектре Российской империи начала XX в., проанализированы причины распада политической организации русских националистов.

---

⁷ Ларюэль М. Указ. соч. С. 8.

⁸ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М., 2003. С. 6–17.

Хронологические рамки исследования охватывают период преимущественно с 1907 по 1917 гг. Начальная дата обусловлена тем, что фактически именно с момента окончания первой русской революции начался процесс политического конституирования партии русских националистов, в котором активно участвовали оба мыслителя. В это время происходит становление националистического мировоззрения мыслителей, выходят в свет их основные работы, которые позволяют тщательно проанализировать их идейную доктрину. В 1917 г. перестает существовать русская монархия и имперская государственность, логичным следствием чего становится крушение ВНС и исчезновение идеологов русского национализма с политической арены. В монографии также кратко характеризуется период жизни и деятельности П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова до 1907 г. в связи с необходимостью проследить основные этапы становления общественно-политического мировоззрения мыслителей.

ГЛАВА I

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ. П. И. КОВАЛЕВСКИЙ И М. О. МЕНЬШИКОВ КАК ИДЕОЛОГИ ВНС

Период конца XIX – начала XX века явился для Российской империи во многом судьбоносным, прямо определившим ее последующую эволюцию. Именно в это время капитализм окончательно утвердился. Данный процесс сопровождался масштабными изменениями во всех сферах общественной жизни. Однако особенности исторического развития Российского государства во многом предопределили характер капитализма, развивающегося на фоне острого кризиса, вызванного распадом традиционных социальных институтов таких, как общинная и сословная организации. Исторически складывающийся полиэтничный состав русского государства таил в себе потенциальную опасность возникновения межнациональных противоречий в нем. Именно процессы образования единого общероссийского рынка, капиталистической интеграции выступили катализатором обострения национального вопроса внутри империи.

Если ранее, в первой половине XIX века, правительство в основном сталкивалось лишь с единичными угрозами в этой сфере (например, с польским сепаратизмом), то в начале XX века проблемы межнациональных отношений существенно дестабилизировали внутривнутриполитическую ситуацию, создавая угрозу русской государственности, что было напрямую связано с развитием в новых условиях процессов национальной консолидации и образованием национального самосознания у нерусских народностей империи.

Таким образом, противоречивость социально-экономического развития Российской империи в начале XX века дополня-

лась нарастанием напряженности в сфере межнациональных отношений. Данные факторы в итоге привели к кризису самодержавной монархии, которая не смогла разрешить очерченный комплекс проблем и едва не рухнула под натиском первой русской революции. Тем не менее, как нам представляется, именно революционный процесс 1905–1907 гг. не только показал устойчивость самодержавия, но и обнаружил его потенциал к прогрессивному реформированию, действительно необходимому. В данной связи принципиальное значение имел Манифест 17 октября 1905 г., открывший широкие возможности для активизации общественного мнения и организовавший общественно-политическую жизнь Российской империи по образцу ведущих западных держав¹. Возникшие в период 1905–1907 гг. многочисленные политические партии и организации, несомненно, сыграли выдающуюся роль, представив на рассмотрение общественности ряд принципиально отличных проектов возможного развития Российской империи.

На наш взгляд, исключительное значение в этой связи имела умеренно-реформистская доктрина, предложенная премьер-министром П. А. Столыпиным, который разработал стратегию постепенного изменения традиционных институтов Российской империи с учетом специфических условий ее развития и прогрессивных западных тенденций. Самостоятельным элементом столыпинской концепции являлся национализм. Практическое воплощение стратегии премьера действительно требовало поддержки, иначе говоря, организации новой общественно-политической силы, способной последовательно добиваться ее осуществления. Именно в этом качестве и должна была действовать политическая партия русских националистов – Всероссийский национальный союз.

Стоит заметить, что русский национализм, не выступавший до начала XX века в качестве самостоятельной политической силы, активно развивался в рамках преимущественно консервативной традиции русской общественной мысли. Как справедливо указывал один из ведущих идеологов ВНС П. И. Ковалев-

---

¹ См.: Подробнее о данном процессе: *Ильин С. А.* Русские национал-патриотические организации и манифест 17 октября 1905 г. // *Общественно-политическое развитие российской провинции (XIX–XX вв.)*. Тамбов, 1999. Вып. 1. С. 33–41.

ский, прямыми предшественниками русских националистов начала XX века выступали еще общественные деятели времен правления Александра I такие, как А. С. Шишков и П. И. Пестель². В этой связи, на наш взгляд, стоит согласиться с мнением современной исследовательницы С. М. Саньковой, которая утверждает, что идейная доктрина русского национализма начала XX века представляла собой лишь промежуточный этап в процессе эволюционирования русской национальной идеи, представителями которой ранее выступали М. Щербатов и Ф. Ростопчин, впервые рассматривавшие русскую государственность через призму национальных интересов, декабристы, в частности П. Пестель, оформивший в своих трудах основные принципы русской национальной доктрины, наконец, М. Н. Катков, сформулировавший принцип государственно-национального прагматизма³. Кроме того, укажем и на то, что современные исследователи совершенно справедливо отмечают наличие элементов идейной доктрины национализма в воззрениях славянофилов и представителей официального консерватизма, а также и в государственной политике самодержавной монархии, что наиболее ярко проявилось в период правления Александра III⁴. В то же время отметим, что русский национализм в начале XX века впервые предстал в ином качестве – в виде самостоятельной четко сформулированной идейной концепции, на отдельном этапе даже в известной степени определявшей приоритеты политической линии правительства. В таком виде идеология русского национализма, несомненно, представляла собой чрезвычайно своеобразное явление.

Принципиально важным в этой связи является вопрос о том, почему русский национализм именно в период начала XX века оформился в самостоятельную идейную доктрину.

---

² Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М. : Книжный мир, 2006. С. 28–29.

³ См.: Санькова С. М. Век русского национализма (Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX по начало XX вв.) // Россия в условиях трансформации. Историко-политологический семинар. М., 2003. С. 34–42.

⁴ См.: Кисиль Л.В., Попов Л.А. Русский консерватизм и национализм. Дореволюционный опыт взаимоотношений [Электронный ресурс] // Русская цивилизация. URL : <http://rustrana.ru/article.php?nid=3160&sq=19,23,118,531,963&crypt=> (дата обращения: 09.10. 2007).

Как представляется, этому факту прямо или косвенно способствовали следующие обстоятельства как объективного, так и субъективного характера.

Первой из перечня объективных предпосылок являлся полиэтничный характер русского государства, в рамках которого все сложнее становилось утверждать главенствующее положение державной русской нации, сыгравшей решающую роль в его создании.

Российское государство к началу XX века включало в себя более ста народов. Господствующее положение в нем принадлежало русским, поскольку их было численное большинство. Великорусы, занимая гигантскую сплошную территорию, достигали в 1914 г. по численности примерно 70 миллионов человек, что в процентном соотношении составляло 43 % населения. Далее шли украинцы 17 %, поляки 6 %, белорусы 4,5 % и т. д.⁵ Очень важным фактором являлось то, что в составе Российской империи присутствовали нации и народности, существенно различающиеся по своему национально-культурному облику и уровню развития. Это, с одной стороны, существенно затрудняло интеграцию «инородцев» в государственный организм империи, а с другой – вызывало сложности в проведении единой и последовательной политики в их отношении.

Таким образом, оценивая фактор полиэтничности российского государства, согласимся с мнением исследователя начала XX века А. Е. Алекторова, который в результате масштабного изучения особенностей этнического состава Российской империи пришел к ряду выводов по этому вопросу. Во-первых, он считал, что «нет в мире ни одного государства, кроме Британской империи, столь разнообразного в этнографическом отношении», и поэтому «нужна была огромная энергия в правительстве и народе... чтобы из многого множества разнообразных и даже совершенно несходных между собой... народностей образовать обширную и крепко сплоченную империю». Во-вторых, исследователь констатировал, что «работа русского народа и

---

⁵ *Копченова И. В.* Национальный вопрос в Российской империи [Электронный ресурс]. URL : <http://real-st.chat.ru/refKopchenovaNation20.htm> (дата обращения: 09.10. 2007).

правительства в этом отношении далеко не закончена»⁶. Кроме того, на наш взгляд, совершенно прав и другой специалист в вопросах межнациональных отношений М. А. Славинский. В статье «Русская интеллигенция и национальный вопрос» автор, сравнивая развитие национальных движений в моно- и полиэтнических государствах, пришел к выводу, что в последнем случае они объективно не получают «нормального» развития, а неизбежно политизируются, вторгаются во все сферы общественной жизни, что приводит к нарастанию социальных конфликтов, а в итоге, к разрушению государственного единства⁷.

В органической связи с первой выступала и вторая объективная причина обострения проблем межнациональных отношений. Связана она была с прогрессом национального самосознания у нерусских народов в новых условиях капиталистического развития конца XIX – начала XX века.

Не вдаваясь в подробности анализа данного процесса, констатируем тот безусловный факт, что именно под воздействием экономической интеграции, связанной с утверждением капитализма, с одной стороны, ликвидировались замкнутые экономические «ниши», исторически занимаемые отдельными нерусскими народностями в хозяйственной структуре империи, и образовался единый рынок, а с другой – народности, проживающие на территории империи, составили особые социально-этнические группы, иными словами, нации нового типа, обладающие значительным уровнем самосознания. Именно развитие капиталистических отношений, вследствие которых заведомо конфликтогенные социально-экономические устремления различных слоев общества усугублялись национальными противоречиями, существующими между ними, по мнению представителей социал-демократии, являлось главной причиной обострения ситуации в межнациональных отношениях⁸. Представляется, что с данным утверждением сложно не согласиться.

---

⁶ *Алекторов А. Е.* Иногородцы в России. Современные вопросы. СПб. : тип. Леонтьева, 1906. С. 2–3.

⁷ См.: *Славинский М. А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 220–234.

⁸ Подробнее об этой точке зрения см.: *Ландер К.* К теории национально-го вопроса // Современник. 1915. № 10. С. 180–190; *Левин И.* Национальный вопрос и социал-демократия // Русская мысль. 1909. № 10. С. 165–169.

Кроме того, острота и актуальность национального вопроса в Российской империи объяснялась объективно существующими причинами, которые вытекали из теоретического постулата, разработанного профессором А. Д. Градовским, о том, что между отдельными нациями, достигшими определенного этапа в развитии, невозможны добрососедские взаимоотношения в силу эволюционирования их национального самосознания, ставившего перед ними одни и те же политические задачи – организацию собственного независимого национального государства⁹. В особенности данная проблема, по мнению ученого, существовала для полиэтнических государств, в которых в силу исторических причин численно господствует одна державная нация. Классическим примером такого государства являлась как раз Российская империя.

Мнение о том, что сколько-нибудь крупный этнос стремится в конечном итоге к собственному территориально-государственному оформлению, поддерживалось не только научной мыслью того времени¹⁰, но и в известной степени разделяется и представителями современной исторической науки. Так, исследователь В. С. Дякин утверждает, что «как правило, начинаясь с движения в защиту и развитие собственной культуры, процесс национального самосознания приходит... к лозунгу территориальной автономии, а при обстоятельствах, благоприятствующих радикализации требований – к идее полной независимости»¹¹. Сходной позиции придерживается и Е. С. Барсенков¹². Таким образом, именно неизбежная эволюция самосознания приводила к появлению у нерусских народностей политической идеологии национального сепаратизма, которая оказывала существенное деструктивное влияние на весь ход исторического развития Российской империи, объективно уг-

---

⁹ Градовский А. Д. Национальный вопрос // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 3. С. 259.

¹⁰ Подробнее см.: *Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия* / под ред. М. М. Кастелянского. СПб., 1910. С. V–IX.

¹¹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // *Вопросы истории*. 1996. № 11–12. С. 39.

¹² Подробнее см.: *Барсенков Е. С. Русский вопрос в зеркале истории // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения*. М., 1995. С. 52–56.

рожая ее государственному единству и существенно обостряя проблемы межнациональных отношений. Усугублялась ситуация фактом незавершенности к началу XX века процессов консолидации русской национальной общности, что приводило к тому, что русские становились в условиях утверждающихся капиталистических отношений аутсайдерами в собственной стране.

Кроме того, возникновению политического движения русского национализма способствовала и политика самодержавия.

По нашему мнению, правительственная линия однозначно способствовала обострению проблем межнациональных отношений в Российской империи в начале XX века, поскольку характерной ее чертой была в высшей степени непоследовательность в осуществлении конкретных политических мероприятий. Как представляется, данный факт был вызван прежде всего стремлением правящих кругов, с одной стороны, обеспечить безболезненную интеграцию нерусских народностей в общеимперский организм, что возможно было осуществить лишь оформлением с помощью значительных уступок лояльной позиции со стороны окраин в отношении центрального имперского правительства. Именно это объективно и приводило к тому, что, пользуясь значительной самостоятельностью и комфортным положением, окраинная интеллигенция начинала неизбежно стремиться к автономному, а потом и к вовсе независимому политическому существованию, искренне веря в возможность осуществления своих национальных мифов (например, концепции польского сепаратизма о воссоздании великого государства Польши «от моря до моря»). Не следует забывать также и о том, что подобную политику самодержавие проводило избирательно, лишь в отношении «культурных» окраин, а данное обстоятельство вызывало недовольство со стороны остального нерусского населения империи. Таким образом, политика правительства, направленная на создание единой общеимперской гражданственности, приводила к совершенно противоположным результатам.

С другой стороны, самодержавие стремилось достигнуть реализации принципа имперского благоудобства на основе

признания безусловного приоритета интересов русской нации, с чем было связано стремление проводить (хотя бы и в ограниченном виде) русскую национально-культурную экспансию, что также осуществлялось непоследовательно, зачастую без учета местных интересов и реальной общественно-политической обстановки.

Такого рода политика приводила к ухудшению положения русских в империи. Так, например, в своем фундаментальном труде современный историк Б. Н. Миронов на основе привлечения широкого массива статистических данных ярко показал, что прямым следствием политики правительства, не учитывающего интересы русской нации, стал беспрепятственный доступ «инородцев» к земельным ресурсам губерний с преобладанием русского населения, в результате чего коренное население этих районов стало находиться в экономическом смысле в подчиненном положении. В итоге, как показывает Миронов, к 1917 г. в Российской империи сложилась во многом парадоксальная ситуация, следствием которой стало падение численности русского населения по отношению к нерусскому от 44,6 % к 55,4 %¹³.

Анализируя политику правительства, либеральный публицист начала XX века В. Троицкий отмечал: «Русская окраинная политика того времени (XIX века – П. С.), совершенно не считалась ни со своеобразным укладом местной жизни, ни с исторически сложившимися взаимоотношениями отдельных регионов»¹⁴.

Темпы и уровень «русификации» отдельных регионов существенно различались, поскольку национальная политика проводилась по принципу «наименьшего сопротивления» со стороны «инороднических» окраин. Другими словами, там, где правительственные круги чувствовали возможность добиться полной как политической, так и культурной русификации, ими предпринимались сверхусилия для того, чтобы уничтожить развитие местного национального сознания на корню. Естественно, что иногда правительство в таком стремлении явно «перегибало палку», проводя меры откровенно репрессивного ха-

¹³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : изд-во Дмитрия Буланина. Т. 1. С. 22–25.

¹⁴ *Троицкий В.* Письма о нациях и областях // Русская мысль. 1911. № 8. Отд. 2. С. 77.

рактера. Характерным примером являлась политика самодержавия в отношении кавказских народов, в частности армян.

Публицист М. Павлович, анализируя ситуацию в регионе, заявлял, что, хотя среди армян отсутствуют сколько-нибудь заметные антирусские настроения, скорее, наоборот, имеет место стремление к более тесному союзу с Россией, самодержавная политика прямо дискриминирует местное население, чем вызывает ответный взрыв армянского сепаратизма в лице деятельности партии «дашнакцутюн»¹⁵. Именно такого рода русификаторская политика, которая нарушала законные интересы окраин, по мнению представителей левой интеллигенции, становилась главной причиной обострения национального вопроса. Примечательно, что такая позиция, правда, в явно преувеличенном виде нашла свое отражение в позднейшей советской историографии¹⁶.

По нашему мнению, следует согласиться с теми современными исследователями данной проблематики, которые считают, что именно национальная политика правительства крайностей, «с середины на половину», долгое время осуществляемая без какого-либо единого замысла при отсутствии удачного сочетания методов «кнута» и «пряника», вызвала органическое недовольство как со стороны национально настроенных представителей интеллигенции, о чем уже говорилось, так и у «инороднической» элиты, объективно накаляя межнациональные противоречия¹⁷. Непоследовательность национальной политики наиболее ярко проявилась в период с 1904 по 1912 гг., когда первоначальное смягчение правительственного курса в национальном вопросе¹⁸ сменилось

¹⁵ Павлович М. Россия и армянский вопрос // Современник. 1913. № 11. С. 58–74.

¹⁶ См., например, работы: Алексеев В. Народы России и их свободное устройство. М. : Университет. библиотека. 31 с.; Бурмистрова Т. Ю., Русакова В. С. Национальный вопрос в программных документах и тактика политических партий в России. М. : Мысль, 1976. 263 с.; Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–73 и др.

¹⁷ См.: Дякин В. С. Указ. соч.; Санькова С. М. Русская партия в России. Орел : Изд. Светлана Зенина. С. 29–33.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Волхонский М. Н. Национальный вопрос в Российской империи и правительственные круги : указ от 12 дек. 1904 г. // Вестник московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 3 . С. 55–72.

последовательным наступлением на права нерусского населения¹⁹.

Таким образом, очевидно, что возникновение русского национализма стало объективным явлением, спровоцированным преимущественно характером русской имперской государственности, которая, по замечанию С. М. Сергеева, являлась антиподом национального государства, в которой быть русским, как подчеркивалось выше, было невыгодно²⁰. В этой связи русский национализм, как могло показаться, обладал весьма перспективным потенциалом и должен был стать прогрессивным проектом развития Российской империи по пути ее преобразования в национальное государство по образцу и подобию ведущих стран Западной Европы. Однако этого не произошло.

Идеология русского национализма явилась непосредственным защитником и проводником русских национальных интересов, которые и должны были, по мнению теоретиков Всероссийского национального союза, определять насущные практические задачи правительственной политики.

Кроме того, согласимся с рядом современных исследователей, которые отмечают, что русский национализм активизировался в качестве самостоятельной идейной доктрины под влиянием масштабного кризиса таких традиционных институтов русской государственности, как церковь и самодержавие²¹.

---

¹⁹ Современная исследовательница А. В. Щербинина считает, что ужесточение правительственного курса в межнациональных отношениях на рубеже 10-х гг. XX в. явилось прямым следствием убыстряющейся тенденции по дерусификации империи, что не могло не заметить правительство, которое в качестве спасительных мер взяло курс на повышенную национально-культурную русификацию, централизацию и унификацию всех сфер жизни. Подробнее см.: *Щербинина А. В.* Эволюция этнического состава населения российской империи и ее влияние на имперскую политику правительства XIX – начала XX вв. (постановка проблемы) // *Россия XIX – начала XX века: Государственный строй, реформы, общественно-политическая мысль, экономическое развитие.* – Ростов н/Д, 1997. С. 49–59.

²⁰ *Сергеев С. М.* Пришествие нации? С. 186.

²¹ Наличие масштабного кризиса русской государственности в период правления Николая II подтверждается и многочисленными статистическими данными. См.: *Анфимов А. М.* Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // *Отечественная история.* 1994. № 3. С. 58–76; *Санькова С. М.* Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М. Н. Каткова [Электронный ресурс] // *Консерватизм в мире: прошлое и настоящее: [сайт].* [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/sankova/sankova.html> (дата обращения: 09.10.2007).

В данном отношении русский национализм выступил в качестве своеобразной модификации консервативной парадигмы общественной мысли. Идеологи национализма пытались модернизировать и реанимировать традиционные ценности русской общественности и именно на их основе обеспечивать поступательно-прогрессивное развитие русского государства.

Несомненно, важнейшей предпосылкой появления четко оформленной доктрины русского национализма явились и конкретные исторические события начала XX века такие, как проигранная русско-японская война, вызвавшая, с одной стороны, мощный патриотический подъем в массах, а с другой – показавшая наличие многочисленных изъянов и злоупотреблений в системе русской государственности; события первой русской революции, с одной стороны, активизировавшие революционно-оппозиционные силы, а с другой – сплотившие защитников самодержавия, а также уже упомянутый Манифест 17 октября 1905 г., позволивший легально утверждать и пропагандировать идеи русского национализма.

Политическая организация русских националистов (Всероссийский национальный союз) последовательно формировалась в период с 1907 по 1910 гг. на базе правых и умеренных общественно-политических организаций, которые олицетворяли собой патриотическое движение, имевшее, по мысли исследователя О. А. Платонова, здоровый характер, поскольку охраняло законные интересы русской нации²². Данный факт, как было показано в историографическом обзоре, позволял как советским, так и части современных исследователей причислять ВНС к правому общественно-политическому спектру, фактически не акцентируя внимания на существующих различиях между националистами и крайне правыми, черносотенцами. Представляется, что данная позиция являлась лишь отчасти справедливой. Действительно, русских националистов и крайне правых роднили между собой многие исходные мировоззренческие установки. Так, как справедливо указал современный исследователь данной проблематики Дж. Раскин, оба этих общественно-политических направления представляли

---

²² Платонов О. А. История русского народа в XX веке. М. : Родник, 1997. Т. 1. С. 78.

собой непосредственную реакцию на кризис общественно-политического строя Российской империи, а характерными чертами идеологии черносотенцев и националистов являлись следующие установки: утверждение об особом характере политической власти в Российской империи, основанной на единстве монарха и народа; ориентация в своих политических построениях на уваровскую триаду; примат интересов нации и государства над устремлениями личности; аполитичность; антибюрократизм; наличие особой программы в сфере образования и воспитания, признание приоритета аграрного сектора в экономике; нацеленность на практическую реализацию лозунга «Россия для русских»²³. Безусловно, русских националистов и черносотенцев роднил и схожий состав их социальной базы.

Однако идейная доктрина русского национализма отличалась значительно от крайне правой. В этой связи заметим, что ключевыми элементами идеологии ВНС являлись категории «нация» и «национализм», в то время как в идейных построениях крайне правых данные компоненты имели сугубо подчиненное значение и выполняли функцию обоснования необходимости сохранения традиционной общественно-политической и социально-экономической систем. Данный факт в значительной степени определял новаторский подход теоретиков ВНС к решению актуальных политических задач. Кроме того, по заявлениям самих теоретиков русского национализма, их доктрина в отличие от черносотенной была основана на идеях прежде всего зарубежных национал-либеральных идеологов конца XVIII – начала XIX веков, а также и представителей русской консервативной мысли²⁴. Как видим, в данном отношении идеологи ВНС находились в двусмысленном положении: провозглашали себя, с одной стороны, западниками национал-либерального толка, а с другой – прямыми продолжателями русской национальной идеи. Именно это обстоятельство и пре-

²³ См.: *Раскин Д. И.* Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. Ч. 1. С. 3–39.

²⁴ Подробнее об идейных предшественниках русских националистов см.: *Дьяченко А. Н.* Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ : дис. канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 63–67.

допределило в итоге чрезвычайную противоречивость их идейных построений.

Второй главной чертой, существенно отличающей ВНС от крайне правых черносотенных организаций, являлось то, что политическая организация русских националистов получила свое окончательное оформление, главным образом, при участии правительственных структур, в частности, П. А. Столыпина, для которого она становилась безотказным механизмом в системе парламентской монархии, с помощью которого возможно было проводить те или иные необходимые правительству решения. В этой связи современный исследователь Д. А. Коцюбинский прямо называет ВНС помещичьей опорой авторитарно-либеральному курсу П. А. Столыпина.²⁵

Таким образом, в отличие от крайне правых, имеющих весьма аморфную политическую организацию, умеренно-правый ВНС изначально планировался его создателями в качестве сильной и действенной парламентской силы, имеющей четко определенные функции и задачи.

В связи с тем, что подробно история политической организации русских националистов рассмотрена в работах Д. А. Коцюбинского и С. М. Саньковой,²⁶ лишь коротко остановимся на освещении данного вопроса.

Процесс формирования ВНС в качестве партии русских националистов был весьма длительным по времени, а его непосредственным результатом явилось слияние нескольких родственных общественно-политических групп в 1910 г. Организационно-идейными предшественниками ВНС стали преимущественно региональные умеренно-правые объединения, такие как Тульский союз «За Царя и порядок», Партия правового порядка, Бессарабская партия центра и другие. Все эти организации выступали против революции и рассматривали новый «конституционный» порядок, утвердившийся после 17 октября

---

²⁵ См. подробнее: *Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма на примере партии ВНС // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности) : сб. науч. статей / под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2004. Вып. 1. С. 79–105.*

²⁶ См.: *Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М. : РОССПЭН, 2001.; Санькова С. М. Русская партия в России. 1908–1912. Орел : Изд. Светлана Зенина, 2006. 370 с.*

1905 г., в качестве плацдарма для поступательного развития Российской империи. Таким образом, как видим, изначально позиция идейных предшественников ВНС во многом сближала их с октябристами. Данный факт явился главной причиной разногласий лидеров будущего ВНС внутри единого правого блока и их последующего выхода из него в начальный период работы Третьей Государственной думы.

На втором этапе организационного оформления ВНС, проходившем в 1907–1908 гг., в его становлении первостепенную роль играли лидеры думской фракции умеренно-правых, такие как В. А. Бобринский, П. Н. Крупенский, Д. Н. Чихачев, и национальной группы во главе с кн. А. П. Урусовым. Обе эти организации наряду с октябристами вошли в состав единого правоцентристского большинства, служащего думской опорой курса П. А. Столыпина. Однако, как отмечает Д. А. Коцюбинский, слияние двух родственных групп в течение длительного времени было затруднено вследствие личного соперничества двух лидеров, П. Н. Балашева и А. П. Урусова.

Третий этап ознаменовался образованием весной-летом 1908 г. Всероссийского национального союза, в состав которого вошли преимущественно члены национальной группы. Целями ВНС объявлялось содействие: господству русской народности в пределах Российской империи, укреплению сознания русского народного единства, устройству русской бытовой взаимопомощи и развитию русской культуры, а также упрочению русской государственности на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным представительством²⁷. ВНС конституировался в качестве либерально-консервативной партии, находящейся на правом фланге правоцентристского партийно-политического спектра. Организационно ВНС представлял собой элитарную общественную организацию, в состав которой входили представители интеллектуальной, политической и бюрократической элиты российской столицы. На региональном уровне ВНС в то время особого влияния не имел.

---

²⁷ См: *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия. С. 30–43; *Санькова С. М.* Русская партия в России: образование и деятельность ВНС. 1908–1912. Орел : Изд. Светлана Зенина, 2006. 370 с.

Последний этап организационного оформления ВНС был связан с вхождением в его состав партии умеренно-правых, образовавшейся в течение декабря 1908 – марта 1909 гг., лидером которой стал П. Н. Балашев, стремившийся к созданию массовой единой партии русских националистов. 31 января 1910 г. было провозглашено создание нового ВНС, в составе которого ведущую роль стали играть «балашевцы», что ознаменовало «левение» программных установок союза, а это спровоцировало выход многих сторонников кн. Урусова из его состава. Благодаря активной деятельности П. Н. Балашева, получавшего всяческую поддержку со стороны Столыпина, ВНС в короткий срок значительно расширил сферу собственного влияния, превратившись в организацию, имеющую разветвленную сеть региональных отделений, прежде всего, на имперских окраинах, в Западном крае.

В 1912 г. состоялся первый съезд ВНС, на котором в Союз влились многие региональные общественные организации, среди которых наиболее влиятельными были Киевский клуб русских националистов, Воронежский национальный клуб, Подольский союз русских националистов. По данным Д. А. Коцюбинского, общая численность членов ВНС в данный период времени приближалась к 5 тыс. человек, а его социальной основой являлись преимущественно представители крупных помещиков, перешедшие к интенсивным формам ведения хозяйства²⁸.

Думская фракция являлась центром партийной жизни ВНС и принимала деятельное участие в работе Третьей Государственной думы. В ее стенах ВНС выполнял, наряду с октябристами, роль главного механизма в системе правительственного большинства, полностью поддерживая курс П. А. Столыпина. При этом националисты постоянно колебались между крайне правыми, с которыми их роднила позиция по национальному вопросу, и октябристами, с которыми они сходились в вопросах стратегии и тактики проведения реформ. Стоит заметить, что ВНС имел весьма значительное влияние в рамках Третьей Государственной думы, поскольку именно по его инициативе были проведены важнейшие законопроекты о выделении Холмщины из состава

---

²⁸ См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 37.

Царства Польского и о введении земства в 6 губерниях Западного края. Тем не менее, исходное промежуточное положение ВНС в общественно-политическом спектре, а также противоречивость идейных установок организации ставили под угрозу его политическое и идейное единство. Так, уже в 1911 г. из состава единого ВНС вышла группа «независимых националистов» П. Н. Крупенского, появилось течение национал-демократизма во главе с Д. Я. Балясным, а в период премьерства В. Н. Коковцова в составе ВНС выделилось два крыла: правое, лидером которого являлся П. Н. Балашев, выступавший за тесный союз с крайне правыми, критикующий премьера Коковцова, и левое, возглавляемое В. В. Шульгиным, А. И. Савенко и В. Я. Демченко, стремящимися к альянсу с октябристами и в целом поддерживающимися курса нового премьера. В итоге, в период с 1913 по 1915 гг. организационный кризис ВНС последовательно усугублялся, чему способствовали такие события, как «Дело Бейлиса» и раскол в клубе русских националистов. В 1915 г. В. А. Бобринский и В. В. Шульгин образовали «прогрессивно-национальную группу», вошедшую в состав Прогрессивного блока, что фактически оформило организационный крах ВНС.

Таким образом, феномен русского национализма во многом явился уникальным явлением русской общественно-политической жизни, в связи с чем представляется необходимым последовательно изучить его идейную доктрину. Именно поэтому в центре внимания данной монографии находятся общественно-политические взгляды двух ведущих теоретиков ВНС: знаменитого публициста газеты «Нового времени» М. О. Меньшикова и известного профессора психиатрии П. И. Ковалевского.

Павел Иванович Ковалевский родился в 1850 г. в небольшом городке Петропавловка Екатеринославской губернии. Происходил будущий выдающийся профессор и идеолог ВНС из семьи священника. В начальный период своей жизни П. И. Ковалевский столкнулся с громадными трудностями. Так, на шестой неделе жизни он лишился отца и вместе с малолетним братом и двумя сестрами остался на попечении матери при десятирублевой пенсии в год. Только благодаря стараниям «энергичной и разумной женщины»²⁹, которая смогла организовать домаш-

²⁹ *Платонов И. П. И. Ковалевский (по поводу десятилетия издаваемого им «Архива психиатрии») // Южный край. 1893. № 4123.*

ную школу для обучения местных детей грамоте, Павел Иванович не только получил начальное образование, но и в девять лет был определен в духовное училище полупансионером. Уже в старших классах он оказывал значительную помощь семье, выполняя переводы с греческого языка на латынь, а также занимаясь репетиторством. Феноменальная трудоспособность и несомненный талант в усвоении научных знаний позволили Павлу Ивановичу в период с 1869 по 1874 гг. с отличием окончить сначала Екатеринославскую семинарию, а впоследствии и медицинский факультет Харьковского университета, где он был удостоен звания уездного врача и степени лекаря. Именно в стенах университета в ходе работы Павла Ивановича в лаборатории общей патологии профессора И. Н. Оболенского окончательно оформились его профессиональные интересы, связанные с изучением душевных и нервных болезней. Его высокий профессионализм, несомненные успехи в учебе способствовали тому, что именно с середины 70-х гг. XIX века начался новый период в его жизни, озаглавленный быстрым карьерным ростом и научными успехами, благодаря которым Павел Иванович стал известнейшим ученым. Все это сопровождалось и несомненным улучшением его материального благосостояния. Журналист Платонов отмечал: «Теперь ему жизнь, как бы в награду за прошлое трудное стала улыбаться. Энергия, непрерывный труд и непреклонная воля доставили Павлу Ивановичу существование лучшее относительно людей с равными с ним условиями»³⁰.

В 1875 г. Ковалевский был оставлен при Харьковском университете для приготовления к профессорскому званию по нервным и душевным болезням. В рамках подготовки диссертационного исследования ученый осуществлял широкомасштабную деятельность по практическому наблюдению за состоянием домов для умалишенных и нервных больных. Еще в 1874 г. молодой врач начал работать сверхштатным ординатором харьковской земской больницы по отделению душевно больных. За время работы на этой должности Ковалевским были предложены и успешно реализованы новаторские инициативы как по улучшению быта больных, так и относительно методов их

---

³⁰ Там же.

лечения. Ученый разработал принципиально новую методику организации реабилитации умалишенных, основанную на широком применении физического труда, которую впоследствии широко пропагандировал и применял на практике³¹. В 1875 г. Ковалевский изучал условия существования душевнобольных и в Казани. В 1876 г. за казенный счет был отправлен за границу совершенствоваться в науках, готовить диссертационное исследование. Уже в 1877 г., вернувшись из-за границы, Ковалевский блестяще защитил диссертацию и был избран приват-доцентом Харьковского университета по нервным болезням³². С этого времени, работая по специальности, ученый осуществлял широкомасштабную деятельность как научно-исследовательского, так и практического характера. С 1878 по 1881 гг. профессор совмещал должности старшего врача губернской харьковской больницы, заведующего домом для умалишенных, одновременно являлся доцентом психиатрии при Харьковском университете, где читал специальный курс на основе собственных научных изысканий. С 1882 г. Павел Иванович полностью сосредоточился на научной работе. Вскоре Ковалевский был назначен на должность экстраординарного профессора Харьковского университета по кафедре душевных и нервных болезней. В данном качестве ученый развернул поистине масштабную организаторскую деятельность с целью содействия поступательному развитию психиатрической науки. Так, фактически на свои средства Ковалевский в период с 1882 по 1898 гг. издавал специальные журналы: «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», «Журнал медицины и гигиены», в которых печатались труды в основном молодых и перспективных ученых, активно издавались работы зарубежных классиков психиатрической науки. Кроме того Ковалевский редактировал такие специальные издания, как «Русский медицинский вестник», «Вестник идиотии и эпилепсии», «Вестник душевных болезней», а также в течение пятнадцати лет являлся соредакто-

³¹ О сущности данной методики см. работу: *Ковалевский П. И.* Очерк состояния психического отделения для мужчин при Харьковской губернской земской больнице и клинического наблюдения, собранного в этом отделении. М. : Университетская тип., 1877. 90 с.

³² *Современники // Альбом биографий Н. И. Афанасьева.* СПб. : тип. А. Суворина, 1909. Т. I. С. 133.

ром выходявшего в Германии европейского психиатрического журнала³³. При непосредственном участии Павла Ивановича в 1888 г. состоялся первый общероссийский съезд психиатров, что явилось заключительным этапом в оформлении отечественной психиатрической науки. Одновременно профессор принимал участие и в деятельности многих общественных организаций: сотрудничал в институте милосердия Красного Креста, являлся членом правления его Петербургского комитета, состоял в родительском кружке и в обществе призрения калек и идиотов³⁴. Кроме того с начала XX века Ковалевский был консультантом Свято-Троицкой больницы и занимался врачебной практикой.

Результатом масштабной научно-практической деятельности, проводимой П. И. Ковалевским, стала разработка им важнейших научных теорий, таких как материалистическое представление о сущности психических явлений в норме и патологии, теория психозов, положения о роли кровообращения в центральной нервной системе и др. За свои заслуги в области развития медицинской науки Ковалевский в конце XIX века получил ряд правительственных наград, среди которых орден Святого Владимира, золотая табакерка имени императора Александра III, а также чин действительного статского советника.

Общественно-политическое мировоззрение будущего теоретика ВНС формировалось преимущественно под влиянием консервативно настроенных профессоров Харьковского университета, в стенах которого произошло его становление в качестве профессионального ученого. Кроме того, привитые ему с детства такие черты его мировоззренческой позиции, как убежденный монархизм и приверженность православию предопределили органическое неприятие оппозиционных и нигилистических настроений в любом виде. Лояльность и поддержка Ковалевским существующей политической системы обусловили и высокую степень доверия, оказываемого ему со стороны правительственных структур. Данный факт проявился прежде всего в его назначении на ответственный пост ректора Варшавского университета. Во время своего короткого пребывания на этой

---

³³ Петрюк П. Т. Павел Иванович Ковалевский – известный отечественный психиатр // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь националист. М., 2005. С. 233.

³⁴ Современники. С. 135.

должности П. И. Ковалевский стремился поставить образовательное учреждение на высоту, достойную имени русского университета. При этом основным направлением его деятельности стало привлечение к работе молодых ученых и принятие мер по облегчению материального положения учащихся³⁵. Кроме того, П. И. Ковалевский широко практиковал проведение лекций, полных научной новизны, что существенно подняло научный авторитет университета. Немаловажным аспектом деятельности профессора стала его борьба с проявлением польского сепаратизма как среди преподавательского состава вуза, так и среди учащихся. Именно в это время при приеме в университет обращалось внимание на национальную принадлежность и политическую лояльность абитуриентов по отношению к русской нации и государству. Таким образом, видимо, уже в период работы в Варшавском университете П. И. Ковалевский имел устоявшееся национал-консервативное мировоззрение. Прямым следствием проводимой им работы стало то, что в скором времени против него в стенах университета сформировалась оппозиция. Во многом по этой причине, а также вследствие тяжелой болезни, перенесенной летом 1896 г., П. И. Ковалевский вынужден был оставить свой пост и был причислен к министерству народного просвещения.

С начала XX века наступает новый этап в жизни ученого. С этого времени его научная и врачебная деятельность отходят на второй план, а он, ведя преимущественно светский образ жизни, постепенно меняет круг своих интересов и начинает изучать политику и историю Отечества. С начала XX века П. И. Ковалевский становится участником консервативного общественного движения, посещает многочисленные светские рауты, организованные представителями правой интеллигенции. В это время П. И. Ковалевский являлся членом влиятельных общественных организаций таких, как «Русское собрание» и «Русское окраинное общество», а также активно контактировал со многими правыми, например, с А. В. Дружининым и литератором В. А. Волкович³⁶. Редактор «Московских

³⁵ Современники. С. 134.

³⁶ Письмо П. И. Ковалевского Дружинину А. В. // РГАЛИ. Ф.167 (Дружинины). Оп. 3. Д. 176; Письмо П. И. Ковалевского В. А. Волкович // ОР РГБ. Ф. 55 (Волкович В. А.). Оп. 6. Д. 46а.

ведомостей», известный своим консервативным мировоззрением, С. А. Петровский также находился в среде близких знакомых П. И. Ковалевского. Так, в дружеском письме к последнему Петровский даже предлагал будущему идеологу русского национализма сотрудничать со своим изданием³⁷. Правда, П. И. Ковалевский, видимо, еще не чувствуя в себе призвания публициста, отказал ему.

Окончательному становлению национал-консервативного мировоззрения Ковалевского, безусловно, способствовала первая русская революция, которая в значительной степени активизировала крайне правое общественное движение. В период 1905–1907 гг. Ковалевский, поддерживая черносотенное антиреволюционное движение, постепенно формирует собственную идейную доктрину национал-консерватизма. Проводя много времени в своем кавказском имении, мыслитель первоначально писал небольшие исторические этюды, которые впоследствии превратились в знаменитые «психиатрические эскизы», а в период организации и первые годы существования ВНС появляются его обобщающие работы по истории России, Украины и Кавказа³⁸. Оценивая содержание этих работ, следует отметить, с одной стороны, их откровенно публицистический характер, а с другой – наличие единого по своей сути замысла, последовательно реализуемого автором. Так, события русской истории в своих работах Ковалевский оценивал с позиций критерия национального прагматизма, обосновывая тем самым значимость национализма для русской государственности. Заметим, что подобные исторические изыскания получили впоследствии широкое признание со стороны других теоретиков ВНС и стали частью общепартийной идеологии. Кроме того, обращает на себя внимание и новаторский подход Ковалевского к анализу личности государственных деятелей, совмещающий в себе черты исторической и естественнонаучной методологии.

---

³⁷ Письмо С. А. Петровского П. И. Ковалевскому // ОР РГБ. Ф. 224 (С. А. Петровский). Оп. 1. Д. 70.

³⁸ См. работы: *Ковалевский П. И.*: 1) История Малороссии. СПб. : тип. Коротяевой, 1912. 220 с.; 2) История России с национальной точки зрения. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 108 с.; 3) Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. Народы Кавказа. Спб. : Тип. Акинфиева, 1911. Т. 1. 333 с.; 4) Завоевание Кавказа Россией. СПб. : Тип. Акинфиева, 1914. Т. 2. 343 с.

Наиболее яркой в этом отношении явилась работа профессора, посвященная анализу личности и деятельности Ивана Грозного, в которой все просчеты и перекосы его политики мыслитель объяснял особенностями психического состояния русского царя. Стоит заметить, что зачастую такой подход становился объектом весьма критического рассмотрения. Так, литератор И. Дубровский, анализируя указанный труд П. И. Ковалевского, подверг в своей рецензии уничтожающей критике не только главный метод психиатрической науки, но и его применение для оценки исторической личности³⁹. Как представляется, подобное критическое отношение к историческим изысканиям Ковалевского являлось вполне справедливым вследствие их чрезвычайной публицистичности, а также потому, что при анализе исторической личности мыслитель чрезвычайно злоупотреблял применением естественнонаучных методов психиатрии, рассматривая ее вне исторического контекста. В данной связи подход Ковалевского к анализу исторических событий невозможно было назвать научным, на что, однако, претендовал сам автор.

Особое внимание в это время Ковалевский уделял и проблемам отечественного образования. Непосредственным результатом изысканий мыслителя в данном направлении стало создание концепции национального воспитания и образования, которую мыслитель пытался реализовать на практике. Так, в письме к своей тете Т. А. Гранской Ковалевский излагал основы новаторского проекта реорганизации школы им. Солодовникова в Москве. При этом теоретик делал упор на существенные отличия предлагаемой им концепции организации учебного процесса от принятой в Российской империи⁴⁰. Однако практическая реализация данного проекта остановилась уже на обсуждении первой его части, связанной с новыми требованиями, предъявляемыми к учебной программе.

Возникновение Всероссийского национального союза и последующая консолидация движения русских националистов, по-видимому, с интересом воспринимались мыслителем.

³⁹ См.: *Ковалевский П. И.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Харьков : Тип. Зильберга, 1893. 202 с.

⁴⁰ Письмо П. И. Ковалевского Т. А. Гранской // РГАЛИ. Ф. 427 (Рачинский В.А.). Оп. 1. Д. 3556.

В архивах не удалось найти сведений, говорящих о каком-либо участии Ковалевского в данных процессах. Однако логично предположить, что идейная доктрина новой организации полностью совпадала с его мировоззренческой позицией. Хотя П. И. Ковалевский на протяжении всей деятельности ВНС не входил в состав парламентской фракции националистов, его роль в движении русского национализма трудно переоценить. Он довольно быстро зарекомендовал себя в качестве признанного теоретика русского национализма, дал исчерпывающие формулировки базовым понятиям новой идейной концепции. Так, в период расцвета деятельности ВНС (1911–1912) он выступил с рядом теоретических работ⁴¹, в которых обосновывал ключевые понятия националистической доктрины, разъяснял собственное понимание программных основ и деятельностных установок ВНС. При этом работы мыслителя оказали существенное влияние на других идеологов организации, а его формулировки основных понятий доктрины национализма, таких как «нация» и «национализм», были приняты на вооружение официальной партийной пропагандой. Знаменательно, что центральный теоретический трактат Ковалевского выдержал целую серию переизданий, в том числе за рубежом.

Кроме того, мыслитель принимал деятельное участие и в работе общественных организаций русских националистов. При его непосредственном содействии был создан Всероссийский национальный клуб в качестве культурно-просветительской организации, главной целью которой являлась пропаганда идей русского национализма. П. И. Ковалевский занимал в ВНК ведущее положение, являлся его старшиной, председателем научно-политического (лекторского) отдела, а также членом редакционной комиссии главного периодического издания организации – Известий ВНК, на страницах которых часто публиковались его теоретические трактаты⁴². В период с 1911 по 1915 гг.

41 См.: *Ковалевский П. И.* Александр III – царь националист. СПб. : тип. Коротеевой, 1912. 144 с.; *Его же.* История России с национальной точки зрения; *Его же.* Национальное воспитание и образование в России. СПб. : Изд. ВНК, 1910. 94 с.; *Его же.* Основы русского национализма. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 66 с.; *Его же.* Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб. : Тип. Акинфиева, 1912. 394 с.

42 См.: Известия ВНК. 1911. № 1. С. 25, 28, 29.

Ковалевский сотрудничал также и с некоторыми региональными периодическими изданиями националистической ориентации. Кроме того, профессор внес неоценимый вклад и в дело пропаганды идей союза на местах. Выполняя решения первого съезда русских националистов, прошедшего в Петербурге в 1912 г., с целью организации местных отделов ВНС Ковалевский совершил ряд поездок по стране, в основном в центральные и западные губернии, где читал лекции о сущности идеологии русского национализма. Заметим, что данное обстоятельство способствовало активизации движения националистов на местах.

Ковалевский в качестве теоретика русского национализма, как и многие другие адепты идеологии ВНС, претерпел определенную эволюцию в своих воззрениях. Так, если в начальный период существования политической организации Ковалевский находился на позициях, близких по своей идейной сущности октябризму, а в период с 1911 по 1912 гг. полностью разделял идеи национал-демократов, в частности, М. Я. Балясного, то впоследствии все более симпатизировал правому крылу ВНС, ратуя вслед за его лидером П. Н. Балашевым за создание прочного союза с крайне правыми.

В период начала мировой войны и нарастания кризисных явлений как в стране, так и в организации русских националистов П. И. Ковалевский отходит от ведения активной пропагандистской деятельности, видимо, интуитивно чувствуя надвигающуюся катастрофу. Тем не менее, в 1915 г. вышла важнейшая теоретическая работа профессора, в которой подводился итог его изысканиям относительно определения сущности понятий «нация» и «национализм», а также давалась исчерпывающая характеристика основных черт русского национального типа⁴³. Кроме того, ученый активно участвовал в пропагандистском движении патриотического характера в начальный период мировой войны, выступив в печати с имевшей огромный успех статьей, которая характеризовала негативные особенности немецкой нации, доказывал справедливость ведения войны со стороны Российской империи⁴⁴.

⁴³ См.: *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. Пг. : (б. и.), 1915. 93 с.

⁴⁴ См.: *Ковалевский П. И.* Немцы – психологический очерк // Наши враги. Очерки. Пг., 1915. Вып. 1. 72 с.

С 1916 г. Ковалевский окончательно отошел от активной общественной деятельности и работал в Петроградском университете, где на юридическом факультете читал курс судебной психологии. Революция 1917 г. для теоретика русского национализма, как и для многих представителей русской интеллигенции, ознаменовала собой личную катастрофу. В это время профессор имел все основания бояться за себя и своих близких. По его собственному признанию новая власть поставила его на край гибели: «Все, что я копил, у меня отобрали... лишили службы, отобрали пенсию, не дали ни гроша. Практики никакой. Лечить пришлось бы или всех, или никого. Умирай с голоду. За границу не пускали»⁴⁵, – писал Ковалевский своему бывшему коллеге по партии митрополиту Евлогию. Во многом под влиянием такого рода обстоятельств Ковалевский был вынужден поступить на службу большевистскому режиму, который он органически не принимал. Так, он служил главным врачом отряда Красной Армии, на себе испытал все ужасы гражданской войны, впоследствии работал главным врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде, а с 1924 г. читал курс военной психологии в одном из высших военных учебных заведений. Кроме того, Ковалевский осматривал Ленина в период его болезни и первым определил у него прогрессивный паралич⁴⁶. Данный факт едва не стоил ему жизни, а в декабре 1924 г. профессор оказался под угрозой заключения. Однако благодаря личным связям Ковалевский в начале 1925 г. смог выехать за границу в Бельгию. Примечательно, что душевные потрясения и преклонный возраст не заставили Павла Ивановича отказаться от ведения активной деятельности даже в эмиграции. Практически сразу после отъезда за границу он изъявил желание участвовать в проекте организации в Париже Академии для образованных новых пастырей, в котором он видел «гениальный и весьма полезный» план оздоровления России. В письме к организатору этого заведения митрополиту Евлогию Ковалевский предложил не только собственную кандидатуру в качестве препода-

⁴⁵ Письмо П. И. Ковалевского митрополиту Евлогию // ГА РФ. Р-5919 (митрополит Евлогий). Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

⁴⁶ Иванов А. Профессор-националист. К 75 летию кончины П. И. Ковалевского // Агентство Русская линия. 2006. 17 окт.

вателя, но и оригинальный план организации нового учебного заведения. Выступая за немедленное начало деятельности, Павел Иванович писал: «В моем лице вы имеете компоненты учебного натурфилософа, но не отрицательного, а положительного направления – национальные же мои убеждения оправдывают мою жизнь... Готов двинуться в Париж и быть вашей рукой»⁴⁷. К сожалению, мечтам профессора не дано было осуществиться. Тем не менее, несмотря на плохое состояние здоровья, мыслитель уже в Бельгии издал еще один важнейший теоретический трактат, в котором пытался обосновать новую оригинальную концепцию связи религиозного и научного знания⁴⁸, занимался врачебной практикой. Закончил свои дни П. И. Ковалевский в маленьком бельгийском городке Льеж 17 октября 1931 г. Тот факт, что П. И. Ковалевский, несмотря на свое недолгое пребывание за границей, сумел оставить весьма весомый след в среде русской эмиграции, подтверждает то, что некрологи о его смерти вышли сразу в двух эмигрантских газетах и сопровождались весьма пространными статьями⁴⁹.

Михаил Осипович Меньшиков родился 25 сентября (6 октября) 1859 г. в городе Новоржеве Псковской губернии. Его отец Осип Семенович Меньшиков имел низший чин коллежского регистратора, родом был из семьи сельского священника, а мать была дочерью обедневшего дворянина. Рос Михаил в многодетной семье, где родители не могли обеспечить шестерым братьям и сестрам ни материального достатка, ни какого-либо приличного образования. В 1864 г. семья Меньшиковых приобрела небольшую крестьянскую избу, где и стала проживать из-за материальной стесненности. Первоначальное образование Мише давала его мать, а позднее Меньшиков поступил в Опоченское уездное училище. Будучи весьма впечатлительным и чрезвычайно восприимчивым к окружающей действительности, он уже в юном возрасте жадно вбирал знания как сугубо ученического, так и бытового характера. Так, позднее в своих воспоминаниях будущий известный публицист делился

⁴⁷ Письмо П. И. Ковалевского митрополиту Евлогию // ГА РФ. Р-5919 (митрополит Евлогий). Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

⁴⁸ См.: *Ковалевский П. И.* Наука, Христос и его учение. Брюссель, 1928. 146 с.

⁴⁹ См.: *Возрождение.* Париж. 1932. № 2492; *Русский еженедельник в Бельгии.* 1931. 228/193.

впечатлениями о той неблагоприятной атмосфере, в которой проходило его детство и отрочество⁵⁰. Именно во время обучения в училище уездной Опочки будущий идеолог русского национализма испытал влияние революционных и нигилистических идей. По всей видимости, уже тогда Меньшиков проникся глубоким отвращением к ним. Вызвано это было, прежде всего, тем влиянием, которое оказала на него его мать, воспитывая его в духе чрезвычайной религиозности.

В 1873 г. начался новый этап жизни и деятельности Меньшикова. В это время при содействии своего дальнего родственника он поступил в Кронштадское морское техническое училище. При этом, как следовало из его письма своему покровителю, он не только отличался значительными успехами в учебе, но имел возможность совершать поездки по знаменитым европейским городам, где знакомился с местными достопримечательностями и условиями жизни, что также оказало на Меньшикова значительное влияние⁵¹. За границей впервые проявился литературный талант Меньшикова. Именно тогда он начал сотрудничество с такими видными изданиями, как «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Кронштадский вестник». Впоследствии очерки, написанные им за границей, были изданы отдельной книгой «По портам Европы». После окончания училища Михаил Осипович получил звание инженера-гидрографа и поступил на службу в Главное гидрографическое управление (1887–1892). Кроме того в свободное от службы время он слушал лекции в петербургском университете, а также опубликовал несколько очерков по своей специальности: «Руководство к чтению морских карт русских и иностранных» (1891), «Лоции Абоских и восточной части Аландских шхер».

Очередным важным событием в жизни Меньшикова стало его знакомство с молодым поэтом С. Я. Надсоном в 1883 г. Михаил Осипович посещал собрания его кружка, хотя революционный тон высказываний поэта явно не привлекал будущего идеолога ВНС. Однако именно Надсону Меньшиков в итоге

---

⁵⁰ См. подробнее: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 6–7.

⁵¹ Выдержки из текста письма см.: Поспелов М. Лисовой Н. Естественный стиль (материалы к биографии Меньшикова). [Электронный ресурс] // Русское небо : [сайт]. [2007]. URL : <http://www.rus-sky.org/history/library/menshikov3/> (дата обращения: 09.10. 2007).

был обязан тем, что его литературный талант оказался раскрытым. По его совету Михаил Осипович с середины 1880-х гг. начал работать в газете «Неделя» П. А. Гайдебурова. Именно в этом издании впервые появились крупные публицистические статьи Меньшикова, имевшие большой успех у аудитории. Осознав, таким образом, свое истинное призвание, Меньшиков в 1892 г. подал в отставку в чине штабс-капитана и сосредоточился на литературной деятельности. Благодаря этому в 1890-е гг. Меньшиков стал уже главным сотрудником «Недели», ведущим критиком и публицистом, помощником редактора и его заместителем во время отлучек⁵². Кроме того, в это время Меньшиков также сотрудничал и с другими известными изданиями, такими как «Русь», «Русская мысль» и др.

Во время работы в «Неделе» Меньшиков в короткий срок получил широкую известность в литературных и общественных кругах. Достаточно сказать, что в это время с ним активно контактировали известные писатели, такие как Н. С. Лесков, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, которые чрезвычайно высоко оценивали его литературный талант. Следует отметить, что названные гениальные писатели оказали на публициста существенное влияние. Так, Меньшиков полностью разделял идеи консервативного мессионизма Достоевского, прямо перенимал демократизм мировоззрения Чехова. В этот период своей деятельности определяющее влияние на мировоззрение публициста оказал Л. Н. Толстой. Познакомившись с писателем, Меньшиков первоначально стал верным последователем его морально-этического учения. Так, за время работы в «Неделе» публицист опубликовал ряд литературно-критических и нравственно-философских статей, в которых прямо призывал к некоторым сторонам учения Толстого. Находясь под его влиянием, Меньшиков первоначально сам причислял себя к «толстовцам», выполнял издательские поручения Толстого, занимался благотворительностью. Так, будущий теоретик «Нового времени» пожертвовал несколько десятков тысяч рублей, вырученных от публикации статей в «Неделе», для организации бесплатных столовых для голодающих⁵³. С А. П. Чеховым

---

⁵² Современники. С. 173.

⁵³ Там же. С. 174.

у Меньшикова сложились самые тесные дружеские отношения. Они отличались особой теплотой, что проявилось в обширной корреспонденции, адресованной ими друг другу⁵⁴. В этих письмах затрагивались самые разнообразные темы: содержались взаимные комплименты по поводу литературных способностей, споры на разнообразные философско-литературные темы. Об особом характере их взаимоотношений говорит и тот факт, что Меньшиков в письмах подробно рассказывал не только о значимых событиях своей жизни, но и о своей мировоззренческой эволюции, что являлось естественным атрибутом рефлексивного отношения публициста к действительности. В частности, из переписки с Чеховым можно проследить его последовательную эволюцию в сторону отказа от толстовства и формирования националистического мировоззрения. В этой связи представляется, что изучение личной переписки теоретика русского национализма вполне может стать объектом специального исследования.

Зарубежные поездки, общение с Надсоном, работа в «Неделе», а также дружеские отношения с известными русскими писателями в значительной степени повлияли на становление общественно-политических воззрений Меньшикова. Отметим, что приблизительно до начала XX века будущий теоретик ВНС не имел четко выраженных и определенных мировоззренческих ориентиров, а его позиция была в высшей степени эклектична. Так, в этот период Меньшиков, с одной стороны, увлекался идеями западного буржуазного реформизма, всячески поддерживая дальнейшее проведение реформ 60 гг. XIX века, ярко демонстрировал свои прозападнические настроения, интересовался идеями либеральных народников, в частности Михайловского и Лаврова, но с другой – разделял многие установки консервативной русской общественной мысли. Переломным в этом отношении стал период начала XX века.

На рубеже веков «Неделя» прекратила свое существование. Сотрудники издательства вынуждены были искать себе новую работу. М. О. Меньшиков, как уже было сказано, став в это время одним из известнейших журналистов, не имел недо-

---

⁵⁴ См.: Письма Чехова А. П. Меньшикову М. О. // ОР РГБ. Ф. 331 (Чехов А. П.). Оп. 1. Д. 51, 55.

статка в предложениях о трудоустройстве. В 1901 г. Меньшиков перешел в газету А. С. Суворина «Новое время», где стал ведущим публицистом и бессменным – в течение шестнадцати лет – ведущим престижного фельетона «Письма к ближним». Вскоре при содействии известного юриста А. Ф. Кони Меньшиков получил разрешение на публикацию ежемесячного издания под тем же названием⁵⁵. Меняется и его профессиональное амплуа – перестав быть литературоведом, Меньшиков окончательно становится публицистом, что выразилось главным образом в изменении тематики его статей. При этом если во время работы в «Неделе» в центре его внимания находились проблемы отвлеченного, общефилософского характера, то с течением времени, примерно со второй половины 1990-х гг., публицист все чаще обращается к актуальным проблемам текущей общественной жизни страны. Эти работы пользовались большим успехом и перепечатывались не только крупнейшими отечественными изданиями, но и передавались выдержками в ведущие иностранные⁵⁶. Прогрессирующий интерес Меньшикова к актуальным проблемам общественной жизни определил новый виток его идейной эволюции. В этой связи на него в наибольшей степени повлияли контакты с представителями либеральной земской общественности, а также внимательное изучение идей русских консерваторов второй половины XIX века. Так, к началу XX века будущий теоретик ВНС, критически подходя к оценке внутривосточной действительности Российской империи, мыслил в русле идейной традиции, с одной стороны, представителей официального консерватизма, а с другой – либеральных консерваторов, таких как Б. Чичерин и М. Кавелин. Данное обстоятельство определило в итоге главные политические установки публициста. Он выступал в качестве приверженца идей крепкой государственности, основанной на четком следовании традициям, сторонника проведения ограниченных реформ с целью достижения Российской империей уровня развития западных держав. Таким образом, в политическом мировоззрении публициста переплетались идейные установки

---

⁵⁵ Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность. С. 57.

⁵⁶ Современники. С. 173.

западников и славянофилов. Представляется, что в данный период, видимо, завершилась идейная эволюция публициста, окончательно сформировалось его националистическое мировоззрение. Решающим фактором в этой связи выступило влияние его издателя А. С. Суворина, известного своими правыми националистическими воззрениями. О доверительных отношениях между ними ярко свидетельствует характер их личной переписки⁵⁷.

Главным признаком отказа Меньшикова от своих ранних убеждений явился его последовательный разрыв с учением Л. Н. Толстого, поскольку последний в своих работах все более склонялся к конфронтации с интересами государства. Меньшиков не принял этих метаморфоз и полемизировал с Толстым не только на страницах «Нового времени», но и в личной переписке⁵⁸.

Декларируемая публицистом необходимость проведения ограниченных реформ политической системы Российской империи, связанных прежде всего с борьбой против главной ее язвы – бюрократизма – и решением национального вопроса способствовала тому, что Меньшиков целиком и полностью разделял идеи правой организации «Русское собрание», членом которой он стал. Тем не менее, вскоре выяснилось, что общественно-политические установки публициста «Нового времени» выходили за рамки идейной направленности этой организации, являлись весьма своеобразными и на первый взгляд отличались значительной степенью непостоянства и конъюнктурности. Данный факт проявился прежде всего в том, что будущий теоретик ВНС всячески поддерживал либеральные начинания премьера С. Ю. Витте, фигура которого не вызывала сочувствия у представителей правой общественно-политической мысли. Меньшиков вошел в ближайший круг знакомых премьера, где быстро завоевал доверие с его стороны. Данный факт выразился в том, что именно Меньшикову премьер поручил составить проект манифеста 17 октяб-

---

⁵⁷ См.: Письма М. О. Меньшикова А. С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 2169 (М. О. Меньшиков). Оп. 1. Д. 4; Письма А. С. Суворина М. О. Меньшикову // РГАЛИ. Ф. 2169 (М. О. Меньшиков). Оп. 1. Д. 10.

⁵⁸ О непримиримом характере такой полемики дает представление, например, одно из писем Толстого в адрес Меньшикова. См.: Письмо Л. Н. Толстого М. О. Меньшикову // ОР РГБ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 38.

ря 1905 г. Будущий теоретик ВНС весьма скрупулезно подошел к решению данной задачи. В письме в адрес Витте от 7 октября 1905 г., в котором Меньшиков оправлял ему проект манифеста, автор выразил желание, чтобы именно его начертания легли в основу важнейшего закона⁵⁹. Однако данное сотрудничество не явилось плодотворным. Меньшиков впоследствии вспоминал, что «заказчик очень благодарил меня, но не воспользовался ни одной моей строчкой»⁶⁰. Надо заметить, что данный факт, с одной стороны, чрезвычайно уязвил самолюбие публициста, что нашло прямое выражение в его последующей критике политики Витте, а с другой – доказал Меньшикову, что государственная деятельность не являлась областью приложения его профессиональных качеств. Позднее это непоколебимое убеждение привело к тому, что публицист, являясь отцом-основателем ВНС, отказывался не только избираться в депутаты Государственной думы, но и играть какую-либо значимую роль в практической партийной деятельности организации.

Еще одним отличием мировоззрения Меньшикова от крайне правого явился тот факт, что он горячо приветствовал послереволюционные изменения общественно-политической системы Российской империи, связанные с созданием законодательной Государственной думы, усматривая именно в ней залог будущего поступательного развития страны. Как нетрудно заметить, подобная установка чрезвычайно сближала позицию нововременского публициста с мнением русских либералов – октябристов и даже кадетов.

Однако, с другой стороны, размышляя в духе крайне правых публицистов, Меньшиков в тот период времени отвергал все попытки ограничить самодержавную власть, реформировать общественно-политическую систему Российской империи по европейскому образцу. Кроме того, с крайне правыми Меньшикова роднила как его приверженность традиционным общественным институтам, так и его жесткая позиция по национальному вопросу.

Отмеченная двойственность политического мировоззрения публициста, так же как и особенности его характера и творчест-

---

⁵⁹ См. об этом: Современники. С. 173.

⁶⁰ Там же. С.174.

ва, явились главными причинами того факта, что будущего теоретика ВНС по-разному воспринимали представители русской общественности. В данной связи отметим, что Меньшиков обладал чрезвычайно сложным характером, который он сам, прогнозируя черты личности своих детей, охарактеризовал следующим образом: «К сожалению, кроме плюсов, перейдут и минусы – особенно тяжелые в области характера. Повышенная раздражительность от отца и матери, обидчивость, грубость, несдержанность ...Особенно страдали этим оба деда – Владимир и Иосиф, а также Шишкинская порода. Те же ветви могут передать нетрезвость и склонность к табаку. Еще мечтательность, непрактичность, житейская трусость, недоверие к своим силам (все это мое)»⁶¹. Что касается главных особенностей творчества Меньшикова, то уже в период работы публициста в «Неделе» проявилась главная их черта – резкость и критичность. В данной связи согласимся с точкой зрения современного исследователя наследия публициста П. И. Шлемина о том, что основополагающей характеристикой творчества Меньшикова являлось впадение в крайности, а также преобладание критического начала над созидательным. При этом иногда публицист впадал в патетику⁶². В этой связи за некоторые свои статьи Меньшиков не только подвергся цензурным гонениям вплоть до лишения права печататься под угрозой закрытия журнала, но и чуть не лишился жизни в результате покушения со стороны земского начальника Жеденева⁶³. Кроме того, такого рода «отродоксальный критицизм» статей Меньшикова вызывал явное неудовольствие и у представителей властных структур, например, у обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Таким образом, Меньшиков осуществлял свою деятельность, по образному замечанию современного исследователя его творчества, «неся на себе довольно тяжелую ношу известности и сопутствующих ей зависти, хулы, а то и просто клеветы»⁶⁴. С другой стороны, мыслитель оставался профессионалом своего дела, всегда демонстрируя автономность собственной мировоззренческой позиции. Первоочередным доказательством данного

---

⁶¹ Цит. по: Шлемин П.И. Указ. соч. С. 16.

⁶² См.: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 31.

⁶³ См.: Современники. С. 174.

⁶⁴ Гончаров С. Меньшиков М. О. Завещаю своему потомству // Москва. 1993. № 6. С. 178.

факта являлась невероятно обширная база источников статей, основанная не только на привлечении различных научных и ненаучных трудов, но также и на обширного рода статистических данных и мнениях самых разных респондентов.

Другая яркая характеристика Меньшикова как публициста состояла, несомненно, в чрезвычайном непостоянстве в оценках тех или иных явлений общественно-политической жизни, деятельности ведущих государственных и общественных деятелей. Так, критик А. Бессонов при написании рецензии на статью Меньшикова отмечал: «Этот умный публицист – настоящий хамелеон; он способен писать все и обо всем, в каком потрeбно в каждую минуту духе»⁶⁵. Заметим, что многие современники Меньшикова, отмечая данное качество личности публициста, воспринимали его крайне отрицательно, доказывая тем самым принципиальную невозможность составить какое-либо определенное представление о его истинной политической ориентации вследствие его чрезвычайной подверженности политической конъюнктуре⁶⁶. Примечательно, что такое мнение о публицисте высказывали и многие его коллеги по партии⁶⁷.

Обозреватель кадетской «Речи» А. Кравцов, отвечая на критические замечания, высказанные в адрес газеты со стороны публициста, прямо обвинял Меньшикова в лживости и неискренности⁶⁸. Сам публицист относился к подобному своему «мировоззренческому непостоянству» однозначно положительно, видя в нем проявление главного принципа публицистического творчества⁶⁹.

---

⁶⁵ Бессонов А. Рецензия на статью М. О. Меньшикова «Орлы и вороны» // Биржевые ведомости. 1915. 24 июля.

⁶⁶ О подобного рода мнениях современников Меньшикова см.: Санькова С. М. Указ. соч. С. 62–63, а также: Никон. Орлы и вороны. Мысли по поводу статьи Меньшикова // Биржевые ведомости. 1905. 24 июля; Новицкий Л. Рецензия к статье Меньшикова М. О. «К вопросу о расстройстве армии». М.: (Б.и.), 1906. 12 с.; Светский Л. Отзыв на статью М. О. Меньшикова «Мир или борьба». Житомир, 1908. 5 с.; Юзефович Б. Г. Меньшиков о гр. С. Ю. Витте. СПб.: Русская печатня, 1907. 4 с.

⁶⁷ О подобного рода мнениях см. Санькова С. М. Указ. соч. С. 62–63, а также: Кулевасский Н. О. Всероссийский национальный союз. СПб.: тип. Леонтьевича, 1908. 8 с.

⁶⁸ См.: Письмо А. Кравцова Меньшикову М. О. // РГАЛИ. Ф. 1666 (Речь). Оп. 1. Д. 1639.

⁶⁹ Цит. по: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 19.

О масштабности фигуры публициста и о его значительном влиянии на общественные круги красноречиво свидетельствует наличие чрезвычайно большого количества оценочных свидетельств его личности и творчества. В этой связи примечательно, что все без исключения современники, писавшие о публицисте, в один голос заявляли о его несомненном таланте и неординарности личности. Так, например, однозначно положительно оценивали личность и творчество теоретика национализма крупнейший мемуарист Н. И. Афанасьев, литературный критик Э. Ф. Геллнер, написавший в его честь хвалебную эпиграмму, крупный общественный деятель М. Рябушинский и многие другие⁷⁰. Причем в подобном тоне высказывались и его откровенные недоброжелатели. Так, недруг Меншикова, его коллега по работе в «Неделе», Н. П. Перцов, говоря о нем, хотя и рисовал чрезвычайно негативный личностный образ, подчеркивая малокультурность и чрезвычайную алчность публициста, в то же время замечал, что «он был очень умен, а главное – обладал в литературной среде редким качеством – сильной волей»⁷¹. Видный литературный критик, идейный противник Меншикова А. С. Изгоев, называя публициста «мелким бесом», выделяя такие его личностные качества, как злобность, подозрительность, манию, в то же время отмечал своеобразие его духовного мира⁷². Даже И. Я. Абрамович в своей уничтожающей критической статье, посвященной творчеству Меншикова, в которой публицист определялся в качестве верного прислужника реакции, а его творчество получало чрезвычайно негативную оценку, заявлял: «Надо признаться, что среди нашей газетной мелочи, где не встретишь ни одного талантливого и живого аргументатора и публициста, обладающего глубиной и идейной находчивостью, Меншиков выделялся именно даром аргументационным и способностью самостоятельно оперировать с мыслью»⁷³.

⁷⁰ См.: Современники. С.174; Письмо Васильева к М. Рябушинскому // ОР РГБ. Ф. 260. Оп. 1. Д. 5.; Эпиграмма Э. Ф. Геллнера, посвященная М. О. Меншикову // ОР РГБ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 12.

⁷¹ Цит. по: Шлемин П. И. Указ. соч. С. 12.

⁷² См.: Изгоев А. С. Национальные и религиозные вопросы в России // Русская мысль. 1908. № 5. С. 122–138.

⁷³ Абрамович И. Я. «Новое время» и соблазны младенцы. Пг., 1916. С. 12–13.

События первой русской революции, способствуя окончательному формированию националистического мировоззрения публициста, заставили его стремиться к активным способам выражения своих своеобразных общественно-политических воззрений. С этой целью Меньшиков в этот период времени начал пропагандировать идею создания принципиально новой политической организации национал-консервативной умеренной ориентации – Всероссийского национального союза.

Роль Меньшикова в организации политического движения русского национализма поистине трудно переоценить. Все без исключения теоретики ВНС признавали его ведущую роль в создании партии. Идею организации ВНС как центра русского национального движения публицист пропагандировал в многочисленных своих статьях, фактически став его «идейным отцом». В данном качестве он получил несомненное признание со стороны националистически настроенной интеллигенции. Это выразилось прежде всего в многочисленной направленной корреспонденции в его адрес с мест, в которой содержались как проекты образования национальной партии, так и слова поддержки идеи организации движения русского национализма⁷⁴. В период с 1907–1908 гг. публицист «Нового времени» установил контакты со всеми будущими лидерами ВНС, членами Государственной думы, прежде всего, с П. Н. Балашевым, П. Н. Крупенским, А. П. Урусовым, Н. О. Куплеваским, а также с ведущими представителями националистически настроенной интеллигенции – профессорами П. И. Ковалевским, И. А. Сикорским и др., предлагая собственный проект создания Союза, обосновывая его идейно-практическую направленность. Высока была его роль в процессе идейной консолидации ВНС, произошедшей в результате объединения двух фракций Государственной думы. Заметим, однако, что Меньшиков всегда стремился четко ограничивать собственную роль в политическом движении русского национализма. Так, постоянно подчеркивая свое сугубо публицистическое призвание, Меньшиков не стремился играть сколь-нибудь значимой роли во

---

⁷⁴ См., например: Письма А. С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459 (А. С. Суворин). Оп. 2. Д. 913.; Письма М. О. Меньшикову // РГАЛИ. Ф. 2169 (М. О. Меньшиков). Оп. 1. Д. 7.

вновь образовавшемся политическом движении и позиционировал собственное автономное в идейном отношении положение. Характерно следующее его высказывание: «Я никогда не говорю от лица национальной партии, а выражаю свое личное мнение»⁷⁵. Поэтому, хотя публицист и входил в главный совет ВНС в качестве почетного члена, он не стремился оказывать какое-либо влияние на политическую линию партии, а его практические инициативы во время работы Совета ограничивались предложениями по проведению исключительно просветительских и публичных мероприятий, не имеющих политического характера. Также публицист активно содействовал созданию ведущей общественной организации националистической направленности – Всероссийского клуба русских националистов. Значение фигуры Меньшикова для русского национализма было поистине огромным, поскольку публицист даже в таком «самоустраляемом» положении выступал в качестве главного партийного теоретика. В период существования ВНС публицист играл роль своеобразного «корректора» его деятельности, формулируя магистральные тактические цели и задачи, борясь за сохранение единства политической организации националистов.

Участвуя в создании других массовых общественных организаций патриотического толка⁷⁶, настойчиво пропагандируя на страницах «Нового времени» идеи ВНС, публицист в глазах общественности выступал в роли «главного русского националиста». Как представляется, именно это обстоятельство нередко ставило под угрозу жизнь Меньшикова, поскольку лидеры национального движения нерусских народностей империи усматривали именно в нем своего главного врага. Так, например, в 1912 г. правительственная агентура в Турции сообщила о вынесении смертного приговора в адрес Меньшикова со стороны партии армянских сепаратистов, для чего ими был выслан агент с целью организации покушения на него. Угроза жизни Меньшикова в этот период времени была столь велика, что с мая по июнь 1912 г. за ним был установлен тайное

---

⁷⁵ Цит. по: Санькова С. М. Русская партия в России: образование и деятельность. С. 63–64.

⁷⁶ См. подробнее: Известия ВНС. 1911. № 1. С. 6, 8.

наблюдение со стороны политической полиции с целью предотвращения покушения⁷⁷.

Тем не менее, позиция публициста по актуальным вопросам общественно-политической жизни с течением времени все чаще расходилась с официальной партийной, вследствие чего теоретик ВНС не оказывал поддержку ни правой, ни левой части Союза, критикуя его лидеров за чрезмерную «политизацию» их деятельности, не имеющую ничего общего с выполнением истинных задач русского национального движения. В итоге в период кризиса и распада ВНС (1914–1916) Меньшиков оказался в идейной изоляции, не находя сторонников ни в одной из действующих политических сил в стране. В работах мыслителя в это время все более просматриваются мотивы пессимизма и разочарования. Видимо, предчувствуя близкий крах империи, Меньшиков, с одной стороны, пытался понять его причины, а с другой – приспособить идейную доктрину русского национализма к меняющимся общественно-политическим условиям, сохранить при этом единую национальную партию. Идейный кризис публициста несомненно усугублялся и тем, что со смертью А. С. Суворина стремительно пошла на убыль и его блистательная публицистическая карьера. Будучи не в состоянии продолжать свою деятельность в условиях революции, Меньшиков с семьей в 1918 г. переехал в Валдай, где жил на своей загородной даче. С этого времени Меньшиков вел дневник, в котором философски осмыслял происходящие в России события. Примечательно, что и в это трудное время публицист пытался найти возможность для продолжения любимой деятельности. Так, в 1918 г., уже после прихода к власти большевиков, Меньшиков обсуждал новые планы издательской деятельности с М. М. Спасовским и И. Д. Сытиным, однако попытки сотрудничества с ними закончились неудачей. Оказавшись фактически без средств к существованию, М. О. Меньшиков вынужден был сдавать свой дом в наем строительной конторе, а сам, несмотря на свой преклонный возраст, поступил на службу в качестве заведующего столом личного состава. Опасения и предчувствия, отраженные Меньшиковым в дневнике, сбылись

---

⁷⁷ Об охране М. О. Меньшикова // ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции МВД 1880–1917 гг.). ДП ОО. Оп. 240. Д. 249.

14 сентября 1918 г., когда его арестовали, а после непродолжительного следствия приговорили к смерти за «организацию контрреволюционного переворота». Приговор был приведен в исполнение органами ЧК 20 сентября 1918 г.

Итак, кратко рассмотрев жизнь и деятельность П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, на наш взгляд, мы пришли к выводу, во-первых, о том, что они были весьма заметными общественными деятелями России начала XX века, а во-вторых, сыграли важную роль в качестве теоретиков русского национализма. Являясь при этом совершенно разными по своему профессиональному призванию, оба мыслителя существенно повлияли на формирование идейных установок политического движения русского национализма, концептуально обосновав его ключевые категории, и всемерно содействовали пропаганде идейной доктрины ВНС.

ГЛАВА II

М. О. МЕНЬШИКОВ И П. И. КОВАЛЕВСКИЙ О НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМЕ

Начиная изучение взглядов П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по поводу сущности феномена «нация», подчеркнем, что данная проблема является в значительной степени дискуссионной, а однозначная ее интерпретация до сих пор отсутствует на всех уровнях понимания: научном, обыденном, общественно-политическом. Связано это как с нечеткостью этимологического значения данного понятия, так и со смысловой неопределенностью и взаимозаменяемостью близких категорий, таких как «нация», «народ», «национальность» и т. д. В связи с этим согласимся с мнением о том, что «нация» не имеет строго определенного и общепринятого смысла.¹

Взгляды идеологов ВНС представляли собой лишь одну из многих интерпретаций понимания данной проблемы, являлись несвободными от противоречий и недоработок, о чем будет сказано ниже. Отметим также и то, что Меньшиков и Ковалевский в своих работах весьма часто обращались к данным вопросам, пытаясь выстроить целостную теорию понимания феномена нации. Принципиальная важность рассмотрения взглядов мыслителей определялась тем, что они, с одной стороны, определили в значительной степени итоговую направленность всей их общественно-политической концепции, а с другой – существенно повлияли на представления других идеологов ВНС относительно данных вопросов.

---

¹ Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под. ред. М. М. Костелянского. СПб. : Общественная польза, 1910. С. 729.

Что касается методологических аспектов подхода Ковалевского к анализу нации, отметим следующие особенности. Во-первых, преобладающей тенденцией в понимании данного термина Ковалевским являлось стремление называть нацией устойчивую социально-этнографическую группу, обладающую совокупностью четко определенных признаков физической и духовной организации, основные характеристики которой можно выделить с «математической» точностью. На наш взгляд, такое понимание сущности нации превращало ее скорее в искусственный социобиологический феномен, что весьма слабо сочеталось с практической интерпретацией данного феномена в качестве базовой структуры политической доктрины русского национализма.

Руководствуясь подобными соображениями, мыслитель стремился в своих работах дать однозначное категориальное определение национальной общности. Приведем несколько вариантов определений Ковалевского: «Нация – большая группа людей, объединенных между собою единством происхождения, – единством исторических судеб и борьбы за существование, – единством физических и душевных качеств, – единством культуры, – единством веры, – единством языка и территории»².

Даже при беглом анализе данных формулировок обращает внимание принципиальная их схожесть, что, как представляется, выступает прямым доказательством того, что позиция мыслителя в этом вопросе была однозначной и не претерпела сколь-нибудь значительной эволюции.

Во-вторых, специфика подхода Ковалевского к анализу сущности понятия «нация» заключалась и в том, что он предложил рассматривать данный феномен в двух взаимосвязанных друг с другом смыслах: антропологическом и государственном. В этой связи мыслитель отмечал: «С точки зрения антропологической, нация – это группа людей, часть народонаселения земного шара, объединенных характерными для них особенностями и общностью физических и духовных свойств, отли-

---

² Ковалевский П. И. Психология русской нации / П. И. Ковалевский. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. С. 37.

чающих их от других наций. С государственной точки зрения, национальность представляет собой духовную культурную общность, вырабатываемую историческим путем, общность культуры, массовых идей, чувств, склонностей, языка, как средства общения и своеобразного национального богатства»³.

Как следует из приведенных выше определений, Ковалевский, с одной стороны, рассматривал нацию в качестве статичной социально-антропологической группы, которая обладает общностью физической и духовной организации ее составляющих индивидов, а с другой – нация представлялась мыслителю и в качестве субъекта исторического развития, по масштабам и проявлениям близкого к государству, и в этом смысле она обладала определенным рядом специфических атрибутов, детерминированных ходом исторического развития, о чем будет сказано ниже. И в том, и в другом случае нация определялась Ковалевским в качестве реально существующей этносоциальной общности, характеризующейся определенной совокупностью устойчивых признаков, выступающих в то же время и в качестве неперменных условий ее идентификации.

Ковалевский в своих работах анализировал основные характеристики нации, в свою очередь, разделяя последние на основные, или обязательные, и вторичные, которые имели необязательный дополнительный характер, играли скорее служебную роль в идентификации национальной общности⁴.

Так, по мнению мыслителя, наибольшее значение при идентификации нации имел признак единства происхождения, который и определял в основном схожесть физических и духовных свойств представителей той или иной национальной группы. Конкретно данный детерминант находил свое выражение в том, что все лица, принадлежащие к национальной общности, по мысли Ковалевского, должны были иметь общего предка, один общий «корень»⁵.

---

³ Ковалевский П. И. Национальное воспитание и образование в России. СПб. : изд-во ВНК, 1910. С. 5.

⁴ См.: Ковалевский П. И. Значение национализма в выступлении балканских народов. С. 2.

⁵ Ковалевский П. И. Психология русской нации С. 37.

Вторым признаком, характеризующим и определяющим нацию, являлось, по Ковалевскому, единство исторических судеб и борьбы за существование. При этом мыслитель имел в виду, прежде всего, воздействие внешней среды как естественно-климатической, так и социальной на процесс формирования сущностных черт каждой конкретной нации. Отметим, что мысль Ковалевского о важности единства исторических судеб для идентификации нации принимают и современные русские националисты, которые видят в нем не просто один из важных, а главнейший определитель нации⁶.

На основе единства происхождения и исторических судеб формировались все остальные национальные атрибуты. В этой связи нации, по Ковалевскому, обязательно должен быть присущ совершенно особый признак, а именно национальный характер, который определялся мыслителем двояко. С одной стороны, к особенностям национального характера следовало относить «одинаковую физическую внешность и одинаковые духовные качества»⁷ той или иной группы людей. Национальный характер в этом смысле выступал в качестве устойчивого признака, который не мог быть видоизменен в своей основе.

С другой стороны, Ковалевский определял данную характеристику нации также и в качестве некоей совокупности «чувств», практическое проявление которых возможно было только посредством волевого акта. Стоит особо подчеркнуть то, что идеи П. И. Ковалевского, касающиеся обоснования понятия и существования национального характера, перекликались с воззрениями французского мыслителя Г. Лебона, а также коллеги по партии А. Сикорского, которые определяли национальный характер в качестве своеобразного психологического склада, совокупности особенностей членов той или

---

⁶ См.: Холмогоров Е. Русская доктрина [Электронный ресурс] // Современный русский национализм:[сайт]. [2007]. URL: <http://nationalism.org/library/publicism/holmogorov/holmogorov-specnaz-2002-01-1.htm> (дата обращения: 09.10.2007); Холмогоров Е. Русский националист. М. : Европа, 2006. С. 36.

⁷ Ковалевский П. И. Психология русской нации. С. 39.

иной национальной общности⁸. Среди важнейших составляющих национального характера Ковалевский выделял настойчивость, способность владеть собою, непобедимое упорство, способность жертвовать собою для идеала, ненарушимое уважение к закону⁹. Таким образом, национальный характер, по Ковалевскому, выступал одновременно и в качестве статичной характеристики нации (как совокупность морфологических и духовных черт ее представителей), и в качестве ее динамического начала, проявляющегося в виде особого рода поведенческого типа членов наций, в основе которого находились определенные характеристики (чувства). Данный признак нации, по мнению Ковалевского, подчеркивал ее особенное самостоятельное положение и препятствовал ее «размыванию» и разрушению¹⁰. Именно различный национальный характер в силу своей устойчивости и фактической неизменности являлся также причиной национальных конфликтов, препятствуя мирному существованию и ассимиляции наций, поскольку определял их приоритеты и потребности, которые, естественно, в основном не совпадали.

Органически связанным с национальным характером, по Ковалевскому, выступал еще один атрибут нации – национальная душа. Для мыслителя душа нации – это отнюдь не что-то метафизическое, а, наоборот, совершенно конкретное свойство, «невидимое в своей сущности, но видимое в проявлениях»¹¹. Мыслитель определял душу нации как интегральную характеристику, включающую в качестве центрального своего элемента не только национальный характер, но и историческую память нации, основополагающие ценности и мотивы поведения конкретных ее представителей¹². Данный атрибут национальной общности, по убеждению Ковалевского, находится в посто-

---

⁸ Цит. по: *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М.: Юнити-ДАНА, 2004. С. 27. См. также: *Сикорский И. А.* О психологических основах национализма. Киев, тип. Кушнерев и К, 1910. 15 с.; *Что такое нация и другие формы этнической жизни?* Киев, тип. С. В. Кульмежко, 1913. 56 с.

⁹ *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. С. 66.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

янным развитии, усложняясь и приобретая новые качества, а в итоге определяет эволюцию нации.

Все указанные выше признаки нации определяют и четвертый – одинаковую национальную культуру. По убеждению теоретика ВНС, собственная культура нации – это объективное следствие воздействия наследственности и внешней среды, которое формируется на базе национального характера, находит проявление в национальной душе. Таким образом, национальная культура приобретала значение некоего универсального детерминанта национальной общности. Заметим, что подобная мысль Ковалевского развивалась и обосновывалась многими представителями русской общественности самой разной политической ориентации.

Кроме названных признаков нации, Ковалевский выделял еще три, с его точки зрения, менее важных: единство веры, языка, территории. С точки зрения мыслителя, приверженность тому или иному религиозному мировоззрению определяется не тем, что представители конкретной нации полностью разделяют те или иные догматы веры, а соответствием религиозного мировоззрения чертам национального характера¹³, что в свою очередь, выражается в появлении «духовного влечения» нации к исповеданию той или иной веры¹⁴. Именно поэтому, пишет Ковалевский, то или иное религиозное мировоззрение, разделяемое национальным большинством, не может быть утверждено насильственно, что подтверждает весь ход исторического развития¹⁵. Примечательно, что в итоге рассмотрения данного детерминанта нации Ковалевский делает вполне справедливую оговорку о том, что «вера не может считаться вообще важным национальным признаком, ибо мы видели, что многие нации исповедуют различные религии, и это им нисколько не мешает принадлежать к своим нациям»¹⁶.

Признак общности языка также, по мнению Ковалевского, является скорее второстепенным, необязательным определите-

---

¹³ См.: *Ковалевский П. И.* Символ веры наших потешных. Ростов н/Д: тип. Полубатко, 1911. С. 6–7.

¹⁴ См.: *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. С. 41.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ Там же. С. 42.

лем нации. Общий язык, по мнению мыслителя, атрибут нации только в той степени, в которой он позволяет генетически сохранять «национальную память», передавать национальные традиции от одного поколения к другому¹⁷. В данной связи стоит заметить, что проблема понимания признака единства языка в качестве определителя нации вызывает много споров и в настоящее время. Так, современный исследователь В. Гречко, говоря о нации как совокупности существенных черт культурной организации общности, таких как нравственные, этические, религиозные нормы, выделяет именно общность языка в качестве важнейшей из них¹⁸. Представляется, однако, что говорить о языке в качестве единственного и важнейшего детерминанта нации вряд ли правомерно.

Признак единства территории также, по мысли Ковалевского, не является основополагающим при идентификации национальной общности. Теоретик ВНС при этом полностью соглашался с фактом наличия в истории множества примеров существования наций, не обладающих собственным географическим ареалом расселения. Поэтому данный признак являлся необязательным, но желательным. Наличие собственной территории выступало, по мнению мыслителя, во-первых, важнейшим условием создания у тех или иных народов собственной национальной государственности, а во-вторых, данный фактор мог при определенных условиях оказывать решающее значение на процесс формирования национальной общности¹⁹. Кроме того, теоретик ВНС уделял большое внимание данному признаку и в другом контексте – при определении конкретной стратегии проведения национальной политики, о чем пойдет речь в особой главе в рамках данного исследования.

В итоге рассмотрения взглядов Ковалевского относительно сущности категории «нация» отметим следующее. Во-первых, бесспорно то, что теоретик ВНС в данных вопросах мыслил преимущественно в контексте немецкой традиции понимания данного феномена, разделял установки примордиализма, оп-

¹⁷ См.: *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. С. 41.

¹⁸ *Гречко В. А.* Русский народ как общность // *Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения.* М., 1995. С. 70–71.

¹⁹ *Ковалевский П. И.* Национальное воспитание и образование в России. С. 8–9.

ределяя данную категорию в качестве особой человеческой общности, обладающей совокупностью конкретных признаков и являющейся естественным образованием, сообразным природе человека. При этом мыслитель справедливо обращал внимание на неодинаковое значение каждого из национальных детерминант, выстраивая их своеобразную иерархию.

Таким образом, Ковалевский, рассматривая нацию в качестве общности, объединенной совокупностью разнохарактерных признаков, продолжал идейные изыскания известных русских мыслителей. При этом, как представляется, главная заслуга идеолога ВНС состояла в том, что, творчески переработав идеи о сущности национальной общности, Ковалевский систематизировал их и вывел на принципиально иной уровень теоретического обобщения, создав относительно логичную концепцию понимания феномена нации.

М. О. Меньшиков в своей публицистике, обосновывая программные установки русского национализма, также широко апеллировал к понятию «нация», хотя и не ставил цель дать этой категории некую научную интерпретацию подобно П. И. Ковалевскому. Позиция Меньшикова относительно определения сущности нации отличалась от мнения Ковалевского. Нация являлась, по его убеждению, гражданско-политическим союзом, члены которого обладали высоким уровнем национального самосознания, сформированным в процессе участия граждан в реализации государственных функций посредством системы представительных учреждений. Таким образом, нация являлась политическим феноменом, порождением гражданского общества, необходимым его элементом. Только в недрах такого рода общественной организации, по утверждению публициста, может созреть главнейший признак нации, получающий в его рассуждениях метафизическое наименование в виде «национального разума», «общей любви», «чувства обладания»²⁰.

Как видим, в вопросах относительно определения сущности нации мыслитель в основном следовал французской традиции ее интерпретации. Вместе с тем М. О. Меньшиков замечал, что

---

²⁰ Меньшиков М. О. Вторая душа. Выше свободы [Электронный ресурс] // Русский дом : [сайт]. [2007]. URL : <http://russsdom.ru/mom/indexm.html#m> (дата обращения: 09.10.2007).

в идеале нация должна включать в себя лишь представителей, обладающих одинаковой антропологической организацией, то есть, в основных своих проявлениях совпадать с расой²¹. Раса понималась им в качестве естественного антропологического единства одинаковых по своей организации индивидов. Однако мыслитель все же отдавал приоритет в категориальном определении национальной общности не каким-либо естественным природно-биологическим факторам, а рассматривал ее преимущественно в социокультурном и политическом контексте, подчеркивая важнейшее значение при непосредственной идентификации национальной общности наличия некоего организующего начала, сформированного в ходе длительного исторического развития. В этой связи характерно следующее высказывание Меншикова: «Нацией называется не народная протоплазма, не сырая человеческая стихия, а некое организованное, высокое существо, именуемое себя народом. В начале цивилизации нет и национальности, ибо нет атрибутов последней: героического единодушия и гражданственности»²².

Таким образом, оперируя категориями современной науки²³, М. О. Меншиков четко разделял два понятия – этнос и нация. Этнос выступал, по его мнению, в качестве естественной природной основы для формирования нации, обладая при этом единством элементов культурной, антропологической организации. Именно на основе подобного рода общности и формировалась собственно нация в качестве гражданско-политического союза. Так, современное определение нации в качестве «этнической общности, главная ценность которой – политическо-культурное единство»²⁴, в общих чертах поддерживалось публицистом.

Главной характеристикой сформировавшейся национальной общности мыслитель, соглашаясь с Ковалевским, считал сумму важнейших проявлений ее духовной и физической ор-

---

²¹ См.: *Меншиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. 1912. 16 сент.

²² *Меншиков М. О.* Национальная борьба // Новое время. 1913. 26 нояб.

²³ См.: *Национальная политика в императорской России. Цивилизационные окраины* / под ред. Ю. В. Семенова. М. : Старый сад, 1997. С. 29.

²⁴ *Сергеев С. М.* Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* М., 2003. С. 8.

ганизации, которая детерминировалась как воздействием природно-климатической внешней среды, так и конкретным ходом исторического развития.

Подобное понимание нации как преимущественно политического феномена давало возможность теоретику ВНС более четко разграничивать близкие по значению категории «нация» и «народ» и подчеркивать их тесную взаимосвязь. «Народ», по Меньшикову, прежде всего социально-политическая категория – совокупность населения страны. В этом смысле понятие «народ» являлось гораздо более объемным, чем категория «нация». Народ – фундамент нации, родитель всех социальных слоев, поэтому именно от его благополучия напрямую зависит и успешное развитие всей нации²⁵. Нация же, по Меньшикову, – это не весь народ, а его часть, обладающая совокупностью особых «лучших» качеств²⁶, а главное, политическим правосознанием²⁷. Таким образом, категории «нация», «народ», «гражданское общество» понимались публицистом во взаимосвязанном значении, в одной смысловой плоскости, что, на наш взгляд, логично вписывалось в идейную систему доктрины русского национализма. Данное обстоятельство прямо проявилось в том, что восприятие нации в качестве гражданско-политического союза, обладающего высоким уровнем развития национального сознания, придавало идеологии русского национализма ярко выраженный деятельностный характер, мотивировало к проведению масштабной работы для достижения вполне определенного результата.

Большое внимание в своих работах Ковалевский и Меньшиков уделяли проблемам генезиса национальной общности. При этом идеологи ВНС утверждали, что процессы формирования и развития нации есть практическое выражение важнейшей исторической закономерности. Заметим, что в данных вопросах между Ковалевским и Меньшиковым существовали и некоторые расхождения, обусловленные, в первую очередь, различиями в понимании сущности нации.

П. И. Ковалевский относил возникновение нации к доисторическим временам. На ее образование повлияли, по его

²⁵ См.: Меньшиков М. О. Два пророка // М. О. Меньшиков. Выше свободы.

²⁶ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1905. 3 июля.

мнению, многочисленные факторы, которые мыслитель по разному расставлял в зависимости от степени их воздействия на данный процесс. Решающими факторами, способствующими образованию нации, являлись, по Ковалевскому, наследственность и среда²⁸.

Другими словами, на процесс становления нации оказывали влияние, по мысли Ковалевского, во-первых, естественные антропологические процессы, связанные с влиянием наследственности, а во-вторых, непосредственно внешние условия существования и жизнедеятельности конкретных индивидов, детерминированные воздействием природной и общественной сред.

При этом мыслитель, правда, делал важное уточнение: «Каждый из этих деятелей имеет важное значение, но сильнее действует все-таки наследственность»²⁹.

Меньшиков в вопросах обоснования процессов генезиса национальной общности занимал более гибкую позицию, творчески развивал и дополнял рассуждения П. И. Ковалевского, связывая возникновение наций с появлением особого национального единства, достигаемого на основе осознания членами нации четко выраженных общих целей и приоритетов. По Меньшикову, природа создает только потенции для национального становления, но именно общественно-политическое развитие, продуманная государственная политика логически завершают данный процесс, реализуя потенциальную возможность в качественную реальность. Стоит заметить, что представление М. О. Меньшикова о нации, как общности, окончательно сформировавшейся лишь в относительно недалекой исторической ретроспективе (иначе говоря, в Новое время), было характерным для большинства коллег по партии³⁰.

Ковалевский и Меньшиков отмечали то, что для успешного завершения процесса образования национальной общности необходима своеобразная проверка, встряска, укрепление национального организма. По мнению националистов, такого рода

---

²⁸ См.: *Ковалевский П. И.* История России с национальной точки зрения. СПб. : тип. Акинфиева, 1912. С. 7.

²⁹ *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. С. 55.

³⁰ *Ардашев П. И.* Национализм на Западе. Киев : Изд-во ВНК, 1911. С. 10–11.

функцию относительно нации могло исполнить только испытание войной. Именно в ходе великих войн прошлого, по мнению Ковалевского и Меньшикова, происходил процесс раскрытия национального потенциала, в едином порыве уничтожались негативные черты национального характера, происходило, по выражению Меньшикова, «оплодотворение духом сильного», а в итоге нация доказывала право на собственное историческое бытие. В этом заключалась историческая миссия войны. В этой связи война как историческое событие приобретала во взглядах русских националистов некий романтический ореол.

Оценивая подобное в значительной степени восторженное отношение теоретиков ВНС к войне как феномену общественной жизни, отметим следующее. С одной стороны, мыслители были в значительной степени правы в плане понимания войны как объективного явления, естественного атрибута политического развития общества, его прогресса, однако, с другой стороны – при констатации позитивного влияния войны на развитие нации Меньшиков и Ковалевский не понимали ее сущности в современное им время, воспринимали ее в некоем романтически-идеалистическом качестве, совершенно не учитывая реальные негативные последствия войны в мировом масштабе.

Характерной чертой подхода идеологов ВНС к анализу феномена нации являлось стремление рассматривать его как в статике, так и в развитии. В связи с этим П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков выделяли не только характерные атрибуты нации вне исторического контекста, но и обосновывали главные законы и направления ее развития, делали выводы об исторической роли национальных сообществ, констатировали существование прочных связей между нацией и государством.

Рассматривая феномен нации в историческом контексте, теоретики русского национализма признавали важнейшую роль данной общности в мировой истории. При этом историческое значение нации для Ковалевского и Меньшикова, как и для большинства других теоретиков ВНС, доказывалось прежде всего тем, что она отразила содержание целого исторического периода, хронологически определяемого русскими националистами с конца XVIII века, (то есть со времени французской буржуазной революции), вплоть до их современ-

ности. В этой связи теоретиками ВНС утверждалось, что все глобальные события мировой истории так или иначе были органически связаны с практической реализацией конкретных интересов отдельных наций. Другими словами, именно нация, по мнению теоретиков национализма, становилась в данный период времени главным субъектом исторического развития. Теоретики ВНС рассматривали нацию не иначе как в качестве своеобразной квинтэссенции мирового развития человечества в современный им период. В то же время Меньшиков и Ковалевский идеализировали и гиперболизировали историческую роль нации, совершенно не учитывая при этом объективные факторы, связанные с развитием и утверждением мировой системы капитализма. Именно эти процессы, по нашему мнению, главным образом и определяли содержание мирового исторического развития.

Определяя подобным образом историческое значение нации и опираясь, в основном, на традиции русской общественной мысли, заложенные Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков утверждали мысль о том, что нация проходила сложный цикл поступательного развития, подчиняясь при этом строго определенным законам. В этом отношении Ковалевский и Меньшиков твердо стояли на позициях эволюционизма. Нация в своем развитии подчинялась фундаментальным непреложным законам мирового бытия, абсолютным по своему влиянию. С этой точки зрения, развитие нации носило характер фатальной предопределенности, а закономерности национальной эволюции не подлежали какому-либо изменению или критическому рассмотрению.

Так, по их мнению, главной фундаментальной закономерностью выступал естественно-исторический закон существования наций, действие которого находило прямое выражение, во-первых, в неизбежности эволюционных прогрессивных изменений национальных общностей в процессе своего развития³¹,

---

³¹ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 133; Меньшиков М. О. Что такое национализм // Письма к ближним за 1916 г. С. 60.

а во-вторых, в неизбежности столкновения между отдельными национальными общностями, в результате которого они доказывали свое право на существование³².

Особое значение в контексте анализа исторической роли национальной общности для теоретиков ВНС приобретала проблема выявления ее соотношения с институтом государства. Русские националисты подчеркивали тесную связь этих двух феноменов общественной жизни и взаимозависимость их исторического бытия. Другими словами, все без исключения теоретики ВНС³³ разделяли мнение лидера партии П. Н. Балашева, который утверждал: «Каждая народность стремится неодолимо вылиться в определенную форму государства, и эти два понятия настолько сродны, что трудно даже отделить одно от другого. Оба они естественны, как природные явления, и поэтому подчинены незыблемым законам природы»³⁴. И Меньшиков, и Ковалевский были согласны с мнением видного партийного функционера ВНС М. Я. Балясного о существовании прямо пропорциональной связи между благополучием нации и степенью могущества государства³⁵. Кроме того, общим для теоретиков ВНС был тезис о необходимом первостепенном положении в составе государства одной державной нации (применительно к Российской империи-русской), что препятствовало понижению тона правительственной жизни, утверждению равнодушия к интересам государства³⁶.

С констатацией такого рода прочной связи, существующей между национальной общностью и государственным образованием, была связана концепция национального государства, принятая на вооружение в официальной партийной доктрине ВНС. Смысл этой концепции заключался в том, что, с одной стороны, признавался приоритет нации по отношению к госу-

---

³² См.: Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 138.

³³ См.: например: Герасимов Н. И. В защиту русского национализма. С. 8. ; Казанский П. Е. Народность и государство. СПб. : Русская речь, 1912. С. 16.

³⁴ Балашев П. Н. О национализме вообще и в частности о русском. С. 7.

³⁵ Подробнее см.: Балясный М. Я. Чего ждать от русского национализма. СПб. : Изд-во ВНС, 1911. С. 15.

³⁶ Данная мысль неоднократно высказывалась в официальной партийной печати. См., например: Известия ВНК. 1911. № 1. С. 7.

дарству, а с другой – государство объявлялось высшим звеном в поэтапном развитии национальной общности.

Итогом рассмотрения воззрений теоретиков ВНС по поводу сущности нации следует считать нижеследующее. В первую очередь отметим, что позиции Меншикова и Ковалевского в рассмотрении вопросов развития нации и ее исторической роли в значительной степени определили характер официальной партийной доктрины, повлияли на идейные построения других теоретиков ВНС и не претерпели какой-либо эволюции.

Во-вторых, концепция понимания сущности национальной общности, ее исторического значения и законов развития, сформулированная мыслителями, не только находилась в русле традиций русской общественной мысли, в основном консервативного направления, но и отличалась существенным своеобразием. Она повлияла на дальнейшие научные изыскания в данном направлении, прежде всего на исследования социологического характера. Весьма продуктивным являлся примордиалистский подход мыслителей в этом вопросе. П. И. Ковалевский и М. О. Меншиков четко и последовательно определяли исторические предпосылки возникновения национальной общности, рассматривали ее в контексте диалектического развития. Немаловажно, что в современной науке большинство исследователей склонны рассматривать проблему схожим образом, подкрепляя свои выводы научной аргументацией и называя нацию формой развития этноса в современных условиях, главной особенностью которой является выдвигание на первый план проблемы политического и культурного единства³⁷. Таким образом, Ковалевский и Меншиков выступали в данных вопросах в качестве новаторов, поскольку впервые в русской общественной мысли четко сформулировали теорию возникновения нации и выделили факторы ее детерминации, обозначили главнейшие законы ее исторического развития, выдвинули концепцию «национального государства». Представляется, что в данных вопросах взгляды ведущих теоретиков русского национализма в основном совпадали за исключением некоторых различий. Как Ковалевский, так и Меншиков, совмещая немецкую и французскую традиции (первый мыслил

---

³⁷ См.: Сергеев С. М. Пришествие нации? М. : СКИМЕНЬ, 2010. С. 148.

преимущественно в русле немецкой, а второй – французской традиций), понимали нацию в качестве общности, обладающей особым антропологическим, духовным, психологическим, гражданским единством, представляющимся в историческом приложении весьма значительным и, вместе с тем, чрезвычайно сложным явлением, принимающим под воздействием объективных законов развития различные эволюционные формы. Наибольшие расхождения во взглядах теоретиков имелись в определении сущностного элемента нации. В этом отношении теоретики ВНС по-разному расставляли приоритеты. Так, если П. И. Ковалевский рассматривал нацию в качестве общности, обладающей целым рядом системообразующих признаков, то М. О. Меньшиков приоритет среди них однозначно отдавал ее гражданско-политическим свойствам.

Среди очевидных недостатков концепции идеологов ВНС следует выделить, прежде всего, предельное теоретизирование и фактически бездоказательное преувеличение исторической роли нации. Так, сформулированные теоретиками русского национализма законы ее эволюции имели мало общего с действительностью, а реальное историческое развитие, наоборот, опровергало большинство из них. Кроме того, декларируя лозунг «национального государства», Меньшиков и Ковалевский, видимо, слабо представляли себе возможные пути его создания и реальной организации. Данное обстоятельство в еще большей степени придавало идеям Ковалевского и Меньшикова отвлеченный, метафизический характер, а их концепция понимания категории нации как бы повисала в воздухе, не имея практического значения.

Сравнивая подходы Ковалевского и Меньшикова к вопросу об определении природы нации, важно также отметить, что в настоящее время в научном сообществе наблюдается отчетливая тенденция к развенчиванию мифологии о гражданской, политической нации и подчеркиванию приоритета собственно этнических признаков в качестве важнейших детерминантов национальной общности. Так, отечественный исследователь С. М. Сергеев в своей работе, опираясь на многочисленные исторические примеры из новейшей истории, подчеркивает примат этничности при определении нации, замечая при этом,

что «гражданских наций» в природе не существует, их место обитание – головы либеральных идеологов»³⁸. Думается, что с данным утверждением стоит соглашаться лишь отчасти, учитывая, например, тот факт, что в настоящее время мы имеем христоматийный пример нации в качестве гражданско-политического союза – американцев (хотя и здесь наблюдаются определенные тенденции дифференциации национальной общности по этническим признакам).

Категория «национализм», также как и «нация», являлась системообразующей дефиницией воззрений П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова. Теоретики впервые в истории русской общественной мысли рассматривали национализм в отдельном самостоятельном качестве, что предопределило своеобразие их идейной доктрины. В связи с этим совершенно неудивительным являлся факт обращения мыслителей к анализу данного феномена во многих своих работах, в которых ему давалась различная, часто весьма противоречивая интерпретация.

Исходя из центральной предпосылки о том, что феномен национализма является сложным многосмысловым понятием, теоретики ВНС ставили перед собой две задачи: 1) категорично определить центральную сущность национализма, лежащую в основе всех его конкретных проявлений; 2) всецело отразить полисемантизм данного понятия, выделив несколько «измерений» его конкретного проявления, дать им исчерпывающую характеристику. В этой связи Ковалевский и Меньшиков, прежде всего, рассматривали национализм в узком (личном) и широком (общественном смысле).

Теоретики ВНС обосновывали мысль о естественно-биологическом, природном характере происхождения национализма. В наиболее законченном виде этот тезис обосновывал М. О. Меньшиков, который развивал теорию другого видного идеолога ВНС – Б. Степанца³⁹.

По мнению Меньшикова, естественный характер национализма обусловлен объективным законом всеобщей дифференциации и разнообразия, который повествует о том, что именно конечное единообразие любого вида достигается своеобразием

³⁸ См.: *Сергеев С. М.* Пришествие нации? М. : СКИМЕНЪ, 2010. С. 248.

³⁹ См.: *Степанец Б.* Национализм как социологическая идея. С. 2–3.

его конкретно-выразительных форм. Поэтому человеческое единство возможно лишь при условии существования своеобразия отдельного вида, что и утверждает национализм.

Ковалевский определял интегральную сущность национализма следующим образом: «Национализм – существо жизни нации, – это проявление того внутреннего существа нации, в силу которого отдельные члены ее тяготеют друг к другу, помогают друг другу, несут свою жизнь на пользу общины и живут ее славой и величием»⁴⁰. Как видим, в данном случае под национализмом идеолог понимал, во-первых, некую метафизическую сентенцию, определяющую бытийную сущность национальной общности, а во-вторых, практический инструмент, создающий главный атрибут нации – национальное единство.

Таким образом, мыслитель констатировал очевидную связь категорий «нация» и «национализм». Правда, вопрос о конкретном их соотношении в плоскости первичной и вторичной являлся для Ковалевского далеко не однозначным, а отношение их друг другу представлялось непостоянным, во многом ситуационным, что было связано, в первую очередь, с тем фактом, что ученый выделял в составе национализма две части или ступени: «Этот национализм представляет собой две ступени: национальное чувство и национальное самосознание»⁴¹. При этом названные компоненты национализма: национальное чувство и национальное сознание играли роль, во-первых, качественно различных его практических проявлений, а во-вторых, этапов его эволюционного развития⁴².

В этом смысле национализм являлся первичным по отношению к нации лишь на низшей стадии своего развития (национального чувства), в то время как национальное сознание в качестве высшей стадии его эволюции являлось характерным атрибутом развитой национальной общности.

П. И. Ковалевский в своих трудах много внимания уделял анализу как национального чувства, так и национального сознания. Национальное чувство мыслитель определял как

---

⁴⁰ Ковалевский П. И. Значение национализма в современном движении балканских славян. С. 3.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Там же.

«бессознательное тяготение и сердечное влечение людей одной нации друг к другу»⁴³. Оно являлось проявлением закона мироздания – закона притяжения, действие которого релевантно как по отношению к неживой, так и в отношении живой природы⁴⁴. С точки зрения мыслителя, данная составная часть национализма является мощным биологическим бессознательным инстинктом, заложенным в природу человека на генетическом уровне, качественно формирующим человеческую психику, то есть «является природным, бессознательным, инстинктивным и животным»⁴⁵.

Национальное сознание есть, по Ковалевскому, второй, высший этап развития национализма, а следовательно, и качественно новая форма его проявления. Мыслитель утверждал, что в его основе лежит осознание членами национальной общности особого единства их исторических судеб. Таким образом, национальное сознание представлялось Ковалевскому не в качестве инстинкта, а в виде особого акта сознательной мыслительной деятельности.⁴⁶ Другими словами, с помощью особой мыслительной деятельности, осуществляемой на основе национального чувства, индивид ощущал себя частью определенного социального организма, что сопровождалось формированием особого чувства солидарности, выражающегося в осознании общности целей, задач и средств для их достижения. Кроме того, мыслитель понимал под национальным сознанием и определенный тип мироощущения, особого рода мировоззренческую позицию: «Национальное самосознание есть выражение определенно выраженного воззрения о любви к родине, ее славе, ее чести, величю и силе»⁴⁷.

Кроме того, на процесс развития национального сознания определенное влияние оказывали и тенденции культурно-исторического и интеллектуального прогресса, формирующие принципиально новый облик личности. В этой связи, по

---

⁴³ Ковалевский П. И. Значение национализма в современном движении балканских славян. С. 3.

⁴⁴ См.: Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ковалевский П. И. Психология русской нации. С. 45; Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 10.

⁴⁷ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 10.

убеждению мыслителя, его носителем могли выступать лишь граждане, имеющие значительный творческий и умственный потенциал, высокий уровень образования. Другими словами, по Ковалевскому, национальным сознанием первоначально мог обладать лишь узкий слой национальной интеллигенции, в задачи которого и входило обеспечение условий для будущего массового развития национализма.

П. И. Ковалевский, всегда стремившийся к четкому категориальному определению близких по смыслу понятий, уделил в своих трудах немало внимания проблемам определения конкретного соотношения таких терминов, как «патриотизм» и «национализм». При этом патриотизм и национализм рассматривались Ковалевским скорее как различные по своей сути проявления одного качества. Делая вывод, мыслитель заявлял, что национализм есть понятие «скорее психолого-антропологическое»⁴⁸, сообразное человеческой природе, о чем говорилось выше, в то время как патриотизм – «историческо-географическое», поскольку Отечество всегда исторично и всегда географически определено.

В итоге идеолог ВНС, исходя из собственных воззрений о глубинной связи феноменов нации и государства, однозначно заявлял об исключительной важности обоих этих принципов. Патриотизм, так же как и национализм, с точки зрения Ковалевского, является ключевым и важнейшим элементом, определяющим внутренние устои любого государства, «на которых зиждется сила, крепнет и жизненность государства, охраняется его целостность и благосостояние»⁴⁹. Именно поэтому и национализм, и патриотизм, несмотря на существующие между ними очевидные различия, являются, по утверждению Ковалевского, равноправными по значению. В связи с этим многие русские националисты, в том числе и Ковалевский, на практике употребляли эти термины в едином смысловом контексте.

М. О. Меньшиков, говоря о проблеме сущностного определения национализма, обращал внимание, также как и Ковалевский, на ярко выраженный полисемантизм данного понятия:

⁴⁸ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 10.

⁴⁹ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 144.

«Что такое национализм? Это алгебраический Ч, обозначающий очень сложное и многочленное содержание»⁵⁰.

Кроме того, мыслитель обосновывал чрезвычайную актуальность изучения данного феномена именно в начале XX века⁵¹. В то же время Меньшиков, постоянно оперируя терминами «национализм», «национальный», обнаруживал очевидную осторожность в вопросах их категориального определения. В результате определения национализма, данные Меньшиковым, с одной стороны, нередко страдали метафизичностью и неопределенностью, что негативно влияло на возможность их практического употребления, хотя, с другой стороны, его трактовки были предельно лаконичны, хотя отличались существенным разнообразием как в смысловом, так и в сугубо семантическом значении. Так, под национализмом публицист понимал, во-первых, откровенность и ясность выражения мысли и действия⁵²; во-вторых, гуманистическую деятельность по воспитанию особь, индивидуальных, качеств личности⁵³; в-третьих, мироощущение, основанное на особой сознательности, отличающейся качественным своеобразием; в-четвертых, особый комплекс чувств, конкретных индивидов⁵⁴; в-пятых, особое состояние блаженствующего человеческого духа, похожее по своим основным параметрам на состояние счастливой нирваны⁵⁵; в-шестых, здоровый эгоистический инстинкт⁵⁶; в-седьмых – особый заряд производительной энергии, имеющий позитивный характер⁵⁷, и, в-восьмых, особый инстинкт приверженности национальной общности, доведенный до крайности⁵⁸.

Определяя сущность национализма, теоретики ВНС заявляли о настоящей необходимости его практического воплощения. В их понимании национализм становился своеобраз-

⁵⁰ Меньшиков М. О. Великороссийская идея. С. 389.

⁵¹ Меньшиков М. О. Русское пробуждение / М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. С. 174.

⁵² См.: Там же.

⁵³ См.: Там же.

⁵⁴ См.: Там же.

⁵⁵ См.: Там же. С. 175.

⁵⁶ Меньшиков М. О. Великороссийская идея. С. 389.

⁵⁷ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1911. 18 мая.

⁵⁸ См.: Меньшиков М. О. Колыбель оппозиции // Новое время. 1911. 24 марта.

ной квинтэссенцией развития всех сфер общественной жизни, представлял собой альтернативу либерализму и социализму.

Примечателен в этой связи тот факт, что П. И. Ковалевский, анализируя фундаментальные принципы национализма и социализма, рассматривал именно первый в качестве истинного гаранта утверждения социальной справедливости. Теоретик ВНС рисовал благодатные картины возможности достижения «светлого будущего», руководствуясь принципом национализма⁵⁹. Таким образом, П. И. Ковалевский, как и теоретики русской социал-демократии, стремился представить базовый принцип собственной идейной доктрины в качестве некоего единственного в своем роде средства достижения общественного счастья, активно пропагандируя принципы социальной утопии.

Как уже было сказано, оба идеолога русского национализма в своих работах стремились рассматривать также и практическое проявление национализма как феномена. Меньшиков и Ковалевский говорили о нем преимущественно в двух измерениях: личном и общественном.

Личный национализм Ковалевский определял как «проявление уважения, любви и преданности до самопожертвования в настоящем – почтения и преклонения пред прошлым и желание благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит»⁶⁰. По его мнению, национализм в приложении к конкретному индивиду практически предполагал наличие определенной совокупности чувств, нравственных и моральных установок, иначе говоря, особой мировоззренческой позиции. По убеждению Ковалевского, центральным идеологическим звеном в мировоззренческой системе национализма в узком смысле являлся культ нации, проявившийся в ее предельной идеализации.

Меньшиков неоднократно подчеркивал, что патриотизм и национализм в качестве чувственного атрибута личности

---

⁵⁹ См.: *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание. С. 136–137.

⁶⁰ *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма С. 9; *Ковалевский П. И.* Национальное воспитание и образование в России. С. 5–6; *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. С. 45; *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма. С. 45.

не являются некоей данностью, а возникают в результате длительного процесса критической работы по нравственному совершенствованию нации и государства⁶¹. С этой точки зрения, наличие инстинктивного национального чувства, естественное происхождение которого публицист, как уже было отмечено, не отрицал, является лишь основой, на базе которой получали развитие национализм и патриотизм в узком их значении.

Таким образом, патриотизм и национализм в узком смысле их понимания являлись, с точки зрения Меньшикова и Ковалевского, в первую очередь специфическими качествами личности, особой нравственной реальностью, проецирующей своеобразное идеалистическо-критическое отношение к действительности.

Под национализмом в широком его значении Ковалевский и Меньшиков понимали, прежде всего, общественную деятельность, преследующую цель защиты и обеспечения условий благоприятного развития нации, в основе которой лежали мировоззренческие установки конкретного индивида, иначе – личный национализм⁶². В этом смысле национализм должен был выступать в качестве своеобразной доктрины, идеологической системы.

При этом Меньшиков и Ковалевский стремились представить национализм в качестве совершенно особой идейной доктрины, сугубо отрицательно относились к его интерпретации как вида политики. Политика представлялась Меньшикову в качестве некоего нелицеприятного аморального вида деятельности, имеющего в качестве единственной цели захват государственной власти с целью извлечения какой-либо личной корыстной выгоды всеми участниками политической борьбы. Национализм же, по Меньшикову, являлся кристально чистым, свободным от политического приспособленчества феноменом общественной жизни⁶³.

Определяя сущность идеологии национализма подобным образом, мыслитель приходил к логичному заключению, кон-

---

⁶¹ См.: Холмогоров Е. Русская доктрина [Электронный ресурс] // Современный русский национализм:[сайт]. [2007]. URL : <http://nationalism.org/library/publicism/holmogorov/holmogorov-specnaz-2002-01-1.htm> (дата обращения: 09.10.2007); Холмогоров Е. Русский националист. М. : Европа, 2006. С. 36.

⁶² См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 9.

⁶³ См.: Меньшиков М. О. Русское пробуждение. С. 178.

статуруя приемлемость кредо национализма для абсолютного большинства граждан империи: «Что бы там не говорили, национальная партия непременно имела бы власть, если партия имела бы мужество быть сама собой»⁶⁴.

Кроме того, заметим, что в своих трудах П. И. Ковалевский обосновал понятие «национализм» в широком смысле и в ином значении, которое связывалось им с феноменом так называемой «национализации».

Данное понятие определялось Ковалевским в качестве процесса сознательного внедрения в массовое сознание нации типичных качеств, свойственных структуре того или иного национального характера, вследствие чего происходило «пробуждение» национальной общности.

Национализация, по убеждению мыслителя, могла осуществляться двояко: либо носить естественный характер, то есть являться результатом масштабной деятельности национальной интеллигенции внутри нации, либо осуществляться насильственным путем. В последнем случае данный процесс проводился со стороны более развитой нации – победительницы в отношении низших покоренных, а его непосредственным результатом становилось то, что последние приобретали характеристики национального типа победителей.

Анализируя феномен национализма как в узком, так и в широком смысле, Ковалевский и Меньшиков не обошли и принципиальный вопрос о его классификации.

Стоит заметить, что к данной проблематике обращались многие представители русской интеллигенции, выделяя видовые особенности национализма на основе разного рода критериев⁶⁵.

Ковалевский и Меньшиков рассматривали типологию данного феномена преимущественно на основе двух базовых принципов. В первую очередь классификация основывалась на степени зрелости, наибольшей самостоятельности и массовости проявления национализма в общественной жизни. По мнению Ковалевского, в данном случае стоило выделять естественный

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Для примера см. работы: *Бердяев Н.* Письмо четвертое о нации; *Логанов И. А.* К учению о национализме // *Украины России.* 1907. № 21; *Трубецкой Н.* Об истинном и ложном национализме. О позициях других мыслителей по данному вопросу см.: *Дьяченко А. Н.* Указ. соч.

или народный национализм, главной характеристикой которого являлось существование развитого национального самосознания у каждого из представителей нации в отдельности. Другим его видом теоретик называл государственный, или бюрократический национализм, который отличала руководящая роль правительства и главы государства в практическом осуществлении установок «сознательного национализма», иными словами, в проведении политики в интересах нации и государства, даже в том случае, если реальные ее последствия не осознаются отдельными представителями нации в силу их политической неграмотности и безкультурности. К сожалению, по мнению Ковалевского, уровень развития национализма в России пока не дотягивает даже до начальной степени своей эволюции, поскольку «сплошь и рядом государственная политика является не только не национальной, но и прямо-таки антинациональной»⁶⁶. Вторым критерием классификации национализма, имеющим практическую направленность, являлось его соответствие принципам единой государственности. В данном случае оба теоретика национализма останавливали свое внимание на двух его видах – державном и сепаративном, под которыми понимались национальные движения государственнообразующей (державной) нации и наций в составе крупного государства. При этом первый вид оценивался Меншиковым и Ковалевским однозначно положительно, поскольку он полностью соответствовал государственным интересам, стремился укрепить и развить творческий потенциал созданного государственного единства, в то время как они выражали сугубо отрицательную оценку по поводу национализма сепаративного.

Завершая анализ воззрений П. И. Ковалевского и М. О. Меншикова относительно феномена национализма, стоит подчеркнуть, что концепции понимания данной категории, выдвинутые мыслителями, имели огромное положительное значение как для научной разработки данных проблем, так и в контексте идеологии русского национализма.

---

⁶⁶ Ковалевский П. И. Психология русской нации. С. 48.

ГЛАВА III

ВЗГЛЯДЫ П. И. КОВАЛЕВСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА НА ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков являлись идеологами умеренно-правой партии Всероссийский национальный союз. По данной причине при анализе направленности общественно-политических взглядов обоих мыслителей необходимо, прежде всего, четко определить их отношение к уваровской триаде «православие – самодержавие – народность», разделяемой всеми без исключения идеологами правого политического спектра Российской империи в начале XX века, поскольку она, по их мнению, выражала символ русской государственности¹. Очевидно, что в позициях теоретиков национализма по вопросам отношения к уваровскому символу русской государственности существовали некоторые противоречия. Так, если П. И. Ковалевский в целом не подвергал сомнению правомерность и незыблемость бытийных основ русской государственности, таких как самодержавие, православие и единодержавие, считая данные элементы действительными ее символами, то Меньшиков мыслил гораздо более гибко, прямо связывая наличие тех или иных внешних форм существования нации с исторической конъюнктурой. Другими словами, трезво оценивая общественно-политическую обстановку, складывающуюся в Российской империи на протяжении XX века, публицист убеждался в том, что православие (в меньшей), самодержавие (в большей), единодержавие (в наибольшей) степени все более превращаются

---

¹ Подробнее см: *Иванов О. А.* Идеология «православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова [Электронный ресурс] // Консерватизм в мире: прошлое и настоящее: [сайт]. [2007]. URL : http://conservatism.narod.ru/sb_cons1/sb_cons1.html (дата обращения: 09.10.2007).

в отжившие национальные традиции, сохранение которых в качестве внешних форм существования нации, безусловно, желательно, но практически неосуществимо. Осознание данного факта проявилось в стремлении Меньшикова найти новую формулу существования русской нации.

Понимание теоретиками ВНС смысла и содержания уваровского символа определило характер их отношения к политическим институтам русской государственности, особенности их общественно-политических воззрений.

В современной исторической науке прочно укрепилось мнение о том, что отличительным признаком политических взглядов как русских консерваторов XIX века, так и правых начала XX века являлось положительное и в целом не критичное отношение к самодержавию, которое воспринималось ими в качестве единственной оправданной русской национальной специфической формы правления. Подобное отношение к самодержавию русских правых дает основание некоторым исследователям ставить в синонимичный ряд такие понятия, как консерватор – правый – монархист².

Однако, как представляется, такой подход к проблеме является упрощенным и лишь отчасти правомерным. Это объясняется тем, что теоретики крайне правого направления в целом демонстрировали лояльное отношение к данному общественно-политическому институту, являясь убежденными монархистами, а идеологи умеренно-правых, националистов, в частности П. И. Ковалевский, а в особенности М. О. Меньшиков, относились к русскому самодержавию весьма своеобразно и противоречиво.

Такая позиция теоретиков ВНС была напрямую связана с особенностями их мировоззрения, вследствие чего их отношение к общественно-политической реальности строилось соответственно принципам национального прагматизма и рационализма. Именно поэтому позиция теоретиков ВНС относительно института русского самодержавия постоянно менялась и эволюционировала, что хорошо заметно при анализе воззрений М. О. Меньшикова.

---

² См. например: *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.) : дис. д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 890 с.

При этом стоит отметить и тот важный факт, что в вопросах отношения к институту самодержавия в позициях П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова существовали определенные различия.

П. И. Ковалевский обращался к характеристике русского самодержавия во всех своих крупных работах. В отношении данного вопроса идеолог ВНС представлялся убежденным монархистом, считая самодержавие исконно русским национальным институтом, в связи с чем любые попытки его радикального реформирования или отмены представлялись ему неоправданными.

При этом незыблемость самодержавия Ковалевский обосновывал, во-первых, тезисом о том, что оно определялось характеристиками русской нации, представители которой были склонны к ссорам и разрозненности, не были в состоянии самостоятельно организовать свое государственное бытие, вследствие чего добровольно, понимая данный факт, передали властные функции варяжским князьям, сумевшим с течением времени стать некоей надсоциальной силой, сплотившей русскую нацию. Таким образом, именно княжеская власть, трансформировавшаяся впоследствии в самодержавную, то есть самодостаточную и независимую, вытекала «из органической неспособности славян к объединению самих в себе и самоуправлению»³, и поэтому именно самодержавие «является органичной национальной потребностью, без которой Россия существовать не может... Отнять в государственном строе России самодержавие – значит поставить ее в антинациональные условия бытия, противные его существу»⁴.

Во-вторых, анализируя русский исторический процесс, П. И. Ковалевский делал однозначный вывод о том, что объективные его особенности также способствовали утверждению в русском государстве самодержавной формы правления, поскольку именно она в союзе с институтом православной церкви не только смогла отстоять независимость и целостность русской государственности в кризисные эпохи феодальной раздроблен-

---

³ *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. С. 140.

⁴ Там же. С. 140, 143.

ности и смутного времени, создать прочные основы социального мира, построенного на принципах патернализма (особой сословной солидарности), но и, в конечном итоге, обеспечить прогрессивное развитие, эволюцию от простейшей формы государства, сформировавшейся в эпоху Киевской Руси, до имперского величия.

Кроме того, Ковалевский в принципе соглашался с аргументацией, воспроизводимой представителями как консерваторов XIX века, так и крайне правых начала XX века, для доказательства незыблемости и органической необходимости самодержавия для русского государства. В данном отношении теоретик ВНС поддерживал позицию крайне правого публициста М. М. Бородкина, который считал в качестве главных обстоятельств, определивших существование самодержавной формы правления в России, такие как специфические географические особенности, христианско-аполитичную сущность русской нации, существование особой связи между монархом и нацией, выраженной в метафизическом понятии «народность». Как представляется, Ковалевский полностью разделял и итоговый вывод публициста о том, что «наше самодержавие – есть душа царства, разум и воля целой нации, олицетворенные в одном человеке»⁵. Теоретик ВНС, размышляя в русле русской консервативной традиции, признавал наличие в самодержавии особой высоко нравственной константы, всецело детерминированной его органической связью с православием, вследствие чего оно получало особую религиозную санкцию.

В итоге собственных рассуждений Ковалевский соотносил величие русской государственности и крепость самодержавной формы правления в плоскости прямопропорциональной зависимости, доказывая, что «в русском самодержавии зиждется целостность, крепость, мощь и величие России», причем «всякое нарушение самодержавия немедленно влечет за собой подрыв благосостояния нации и крепости государства»⁶.

---

⁵ *Бородкин М. М.* Необходимость самодержавия для России. Харьков: Тип. Харьковского отдела СРН, 1904. С. 25.

⁶ *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. С. 140, 142.

Подобное отношение к самодержавию имеет место во всех важнейших теоретических работах мыслителя⁷.

Таким образом, обоснование значения самодержавной власти, прежде всего, в качестве органической потребности русской нации и гаранта величия и могущества русской государственности делало Ковалевского убежденным монархистом и защитником самодержавия, что, несомненно, сближало теоретика ВНС с крайне правыми начала XX века. Отметим, что подобное обоснование выдающейся роли самодержавной власти для развития русской нации и государства в общем и целом принималось и другими теоретиками русского национализма, также прямо заявлявших о своей приверженности данному общественно-политическому институту⁸. Кроме того, промонархическая ориентация ВНС неоднократно была выражена и в ходе официальных мероприятий, таких как, например, первое партийное собрание ВНС и учредительное собрание ВНК, которые открывались приветственными телеграммами в адрес Николая II⁹.

Отношение М. О. Меньшикова к институту русского самодержавия являлось весьма неоднозначным. Это проявилось, в первую очередь, в том, что публицист «Нового времени», в отличие от Ковалевского и большинства других теоретиков ВНС, прямо не связывал длительное существование института самодержавия с наличием некой органической потребности в нем, обусловленной совокупностью национальных характеристик русской нации. Для Меньшикова сама по себе приверженность самодержавной форме правления прямо не вытекала из особенностей русского национального типа, а, скорее, наиболее точно соответствовала историческим условиям существования русской нации в силу отсутствия достаточного уровня гражданского сознания и русской аполитичности и невежественности¹⁰.

---

⁷ См.: *Ковалевский П. И.* История России с национальной точки зрения. С. 108; *Его же.* Основы русского национализма. С. 27–29; *Его же.* Символ веры наших потешных. С. 9.

⁸ Подробнее об этом см.: *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч. С. 149–150.

⁹ См.: ВНС. Первое собрание представителей. 19–21 февраля 1912. СПб.: Тип. Г. Скачкова с сыновьями, 1912. С. 3; Известия ВНК. 1911. № 1. С. 10.

¹⁰ *Меньшиков М. О.* Великое дело // Новое время. 1907. 11 янв.

Тем не менее, Меньшиков воспринимал русское самодержавие в качестве драгоценнейшей традиции, признавал его заслуги в процессе становления и развития русской государственности. Для публициста ценность данного института определялась, в первую очередь, его способностью обеспечивать социальную солидарность, основанную на идеалах высшей нравственности и духовности¹¹.

Принципиальным отличием позиции Меньшикова и Ковалевского в сравнении со взглядами представителей крайне правого черносотенного направления по отношению к институту русского самодержавия являлось, во-первых, критичное отношение к нему, а во-вторых, иное содержание, которое вкладывали теоретики ВНС в данное понятие. Для Ковалевского и Меньшикова самодержавие фактически представлялось не формой единоличного правления, при которой все властные основные функции концентрируются у самодержца, но скорее особым политическим бытием, в котором источником властных полномочий является не самодержец, а совокупная нация, делегировавшая ему важнейшую часть управленческих функций.

Таким образом, нация в рамках самодержавного правления, по мнению идеологов ВНС, неминуемо была обязана принимать непосредственное участие в осуществлении государственной власти, имея права законодательной инициативы и активного общественного контроля, осуществляемого через Государственную думу.

Как видим, коренным расхождением во взглядах теоретиков ВНС и крайне правых по данным вопросам являлось то, что если последними самодержавие представлялось в качестве неограниченного «наднационального» правления, осуществляемого единственным субъектом власти, то Меньшиков и Ковалевский фактически воспринимали этот институт в виде формы реализации государственной власти, при которой главным субъектом является нация, а самодержец позиционируется лишь исполнителем ее воли.

Именно это обстоятельство позволяло теоретикам ВНС не только критиковать самодержавие «старого» петербургского образца, но и активно выступать за его реформирование, глав-

---

¹¹ Меньшиков М. О. Охрана мира // Новое время. 1910. 21 окт.

ной целью которого становилось создание нового политического института в его структуре – Государственной думы. Другими словами, Ковалевский и Меньшиков фактически отрицали феномен ничем не ограниченного самодержавия, которое, по их мнению, все больше превращалось в деспотизм.

По указанным выше причинам теоретики ВНС с большим воодушевлением восприняли публикацию манифеста 17 октября 1905 г. Тем не менее, оценка данного общественно-политического акта с их стороны не являлась однозначной. М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский высказали радикально противоположные замечания.

Так, с одной стороны, оба мыслителя усматривали в этом событии главный положительный итог русской революции. Для П. И. Ковалевского опубликование Манифеста 17 октября 1905 г., который реформировал главнейшие основы общественно-политического строя империи, ознаменовало собой новый этап в развитии русской государственности, создавший условия для утверждения сознательного национализма и гражданского общества¹². В этом отношении публицист подчеркивал огромную позитивную роль Николая II и П. А. Столыпина.

Теоретик ВНС выражал надежды, что благодаря данному политическому акту России будут обеспечены условия, при которых она сможет в короткие сроки достигнуть уровня развития западной цивилизации, а возможно, и превзойти его.

М. О. Меньшиков также подчеркивал непреходящую ценность установлений Манифеста, позволяющих России вернуться на основы органического развития по типу Западной Европы, уничтожив прежний бюрократическо-деспотический режим, создать предпосылки для коренного реформирования различных сфер общественной жизни¹³.

Смысл установлений Манифеста, по мысли Меньшикова, сводился к созданию нового общественно-политического строя, при котором происходило рациональное разделение властных полномочий между самодержцем, остающимся при этом главным звеном в политической системе империи, кабинетом Ми-

---

¹² См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 28.

¹³ См.: Меньшиков М. О. Что потеряно. Кременчуг : Тип. И. Диковского, 1906. С. 3.

нистров и народным представительством¹⁴. Таким образом, реформирование института самодержавия было осуществлено.

Кроме того, по мысли публициста, были созданы основы для укрепления нового порядка благодаря последовавшей за публикацией Манифеста стольпинской реформе, содействующей перестройке отжившей общины, созданию культурных форм трудовой деятельности, связавшей народ с территорией на основе института частной земельной собственности. В этой связи дальнейшее поступательное развитие России публицист связывал с последовательной и решительной деятельностью правящих кругов в заданном направлении.

Заявление теоретиков ВНС о том, что манифест 17 октября 1905 г. стал рубежом в политическом развитии Российской империи, создал новую структуру власти, иначе озаменовал начало нового периода в развитии государства, неминуемо ставило на повестку дня проблему сущности нового общественно-политического режима.

Идеологи ВНС в данном вопросе демонстрировали полное единство, признавая, с одной стороны, существенные изменения, произошедшие во властной структуре Российской империи, а с другой – указывали на тот факт, что новая система являлась обновленным самодержавием.

М.О. Меньшиков в этой связи отмечал, что законодательные акты 1905 г. создали новую структуру властной вертикали, на вершине которой по-прежнему находился русский царь-самодержец, однако его властные полномочия являлись ограниченными, поскольку они были разделены с парламентом, олицетворяющим волю единой нации. При этом важнейшие функции народного представительства, связанные с выдвижением законодательной инициативы и общественным контролем над деятельностью правительства, свидетельствовали, по мысли М. О. Меньшикова, о том, что Манифест 17 октября 1905 г. фактически создал предпосылки для эволюции системы русского самодержавия по пути к конституционной монархии, оформленной по европейскому образцу.

Таким образом, новая политическая структура, в рамках которой монарх получал приоритетное значение, иначе верхов-

---

¹⁴ Меньшиков М. О. Образ правления // Новое время. 1906. 1 янв.

ную власть, являлась своего рода переходной, существующей до времени, пока уровень гражданского самосознания русской нации не позволит именно парламенту стать главным звеном во власти¹⁵.

Такого рода организованный политический режим должен был, по мысли теоретиков ВНС, одновременно с ростом гражданского самосознания представителей русской нации последовательно эволюционировать по пути к конституционной ограниченной монархии в соответствии с лучшими европейскими образцами.

Однако анализируя дальнейший ход общественно-политического развития Российской империи, Меньшиков все более убеждался в порочности и нежизнеспособности новой «дуалистической» системы монархии, что в итоге заставило публициста «Нового времени» усомниться в незыблемости самого принципа русского самодержавия.

Именно с этим были связаны отрицательные оценки установлений Манифеста 17 октября 1905 г., который воспринимался теоретиками ВНС как формальный политический акт, несколько не изменивший сущности прежнего неограниченного самодержавия.

В этой связи П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков подчеркивали и то, что Манифест 1905 г. не стал каким-либо значимым рубежом в политическом развитии государства.

Во-первых, «новый» режим унаследовал все бюрократические пороки старого¹⁶, а во-вторых, принципиально не изменил правовых основ властной вертикали, так как не создал необходимой правовой и юридической базы для этого по типу западной цивилизации¹⁷.

По мысли М. О. Меньшикова, Манифест 1905 г. не мог стать значимым политическим актом, поскольку являл собой, прежде всего, некую уступку со стороны правительства революционному движению, воспринимаемую в качестве акта самообороны и поэтому не имевшую политического значения.

---

¹⁵ Меньшиков М. О. Подъем власти // Письма к русской нации. С. 40–41.

¹⁶ Ковалевский П. И. Психология русской нации. М., 2005. С. 50; Меньшиков М. О. Стража общества // Новое время. 1905. 12 ноября.

¹⁷ Меньшиков М. О. Третья оппозиция // Новое время. 1913. 12 нояб.

Публицист «Нового времени» обращал внимание на пре- словутое неумение русского правительства осуществлять последовательный реформистский процесс, что выразилось, во-первых, в том, что установления манифеста, даровавшие политические свободы, легли на неподготовленную почву, вызвав совершенно обратный эффект, а во-вторых, в том, что в лице созданной Государственной думы Россия получила не сообразный своим политическим традициям институт народного представительства, а заимствованный европейский, что в конечном итоге отрицательно сказалось на его работе, усугубив и без того значительный раскол между властью и обществом¹⁸.

В итоге теории русского национализма, оценивая перспективы развития страны после 1905 г., соглашались с мнением о том, что «социальный состав нашей страны пока неблагоприятен для укрепления нового строя и реальные силы у нас еще недостаточно выращены...»¹⁹, в связи с чем Государственная дума не могла приобрести какого-либо весомого значения в общественно-политических реалиях империи и находилась в подчиненном положении.

Таким образом, сущность политического режима не изменилась, а перемены произошли лишь во внешних атрибутах его выражения. В оценке установлений Манифеста 17 октября 1905 г., как ничего не значащей по сути декларации благих намерений, теории ВНС соглашались как с представителями крайне правых, так и кадетов, в частности, с эволюционировавшей позицией П. Н. Милюкова²⁰.

Подобным образом характеризовали русские националисты и центральную фигуру, осуществляющую политику нового режима, – П. А. Столыпина. Так, М. О. Меньшиков, первоначаль-

---

¹⁸ См.: Меньшиков М. О. В предрассветных сумерках / Письма к русской нации. С. 528.

¹⁹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Том VI. М. : изд-во им. Сытина, 1913. С. 309.

²⁰ О подобного рода позиции см., например: Дьяк. Ограничена ли власть монарха по законам Российской империи. СПб. : Тип. Мильштейна, 1907. 16 с.; Кирьянов Ю. И. Правые партии России 1911–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 464 с.; Российские либералы: кадеты и октябристы / под ред. В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 1996. С. 93–97; Черняев Н. И. Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал. Харьков : изд-во харьковского отдела СРН, 1901. 373 с.

чально проводящий откровенную апологетику личности премьер-министра, видевший в нем настоящий государственный талант, правильно выразивший русскую национальную идею, идеал премьер-министра, в дальнейшем также подверг его критике за недостаточную последовательность в проведении реформирования²¹.

Смерть П. А. Столыпина и прогрессирующий кризис правительства, последовавший после этого события, в значительной степени повлияли на эволюцию позиции теоретиков ВНС в отношении института русского самодержавия. Для М. О. Меньшикова в этой связи все более очевидным становился тот факт, что с провалом столыпинской концепции реформ самодержавие превращалось в отживший анахронизм, в значительной степени препятствующий поступательному развитию общества. Теоретик ВНС в этот период времени выступал не только с обстоятельной критикой правительственной линии, но и фактически подразумевал ликвидацию недейственной «дуалистической» политической системы, исключение института монархии из нее.

Итогом такого рода мировоззренческой эволюции стал цикл статей публициста, написанный им после февральских событий 1917 г. В них Меньшиков, утверждая мысль о том, что февральская революция 1917 г. и отречение Николая II являлись объективными событиями, подготовленными всем ходом исторического развития Российской империи²², выступал с прямой поддержкой Временного правительства, в котором видел несравненно более действенный двигатель поступательного развития Российского государства, нежели отживший самодержавный институт, который теоретик ВНС прямо называл идолом²³.

Как видим, публицист полностью отрицая самодержавие как действенную политическую силу, фактически открыто (хотя прямо не апеллировал данными терминами) пропагандировал республиканскую форму правления при ведущей роли правительства, сформированного лучшими представителями

---

²¹ См.: Меньшиков М. О.: Нужен сильный / Письма к русской нации. С. 277; *Его же*. Крупные люди // Национальная империя. С. 331 и др.

²² Меньшиков М. О. Три опасности // Новое время. 1917. 9 марта.

²³ Меньшиков М. О. Речи к народу // Новое время. 1917. 14 марта.

нации посредством законодательного органа власти – Государственной думы.

В других статьях этого периода содержались более радикальные суждения относительно русского самодержавия. Так, анализируя деятельность русских монархов в исторической ретроспективе, М. О. Меньшиков особое внимание концентрировал на существующих пороках самодержавия, среди которых он в первую очередь называл страх, бессилие и властное бездействие, рисуя весьма непривлекательный образ²⁴. Кроме того, публицист заявлял и о том, что русское самодержавие, показав свою нежизнеспособность, открыто изменило русской нации, приведя страну к катастрофе²⁵. При этом все попытки как-то оздоровить традиционный русский общественно-политический институт с помощью реформ не увенчались успехом, что в итоге, по мысли Меньшикова, обеспечивало необходимость его отмены. Знаменателен при этом следующий эмоциональный пассаж публициста: «Нельзя называть изменой, если мы старое, обветшалое до рубища платье заменяем новым или из угрожающей повалиться и раздавить нас хориныны выходим, чтобы построить новое безопасное здание»²⁶.

Делая такого рода заявления, Меньшиков затем прямо высказывался за укрепление представительного порядка, также имеющего свои устойчивые традиции на русской почве, на примере развития Новгорода и Пскова.

Как представляется, итоговое отношение ведущего теоретика ВНС к институту русского самодержавия ярко иллюстрирует следующее его высказывание – «Монархия обманула все наши надежды. Она оказалась просто неспособной к жизни как труп. Сколько не гальванируйте его, ничего не выйдет. Я думаю, единственное приличное – это похоронить труп. Откапывать из под креста было бы по-моему роковой ошибкой»²⁷.

Заканчивая рассмотрение взглядов Меньшикова и Ковалевского относительно института самодержавия, следует сказать следующее. Прежде всего, стоит признать правомерным

²⁴ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1917. 19 марта.

²⁵ См.: Меньшиков М. О. Кто кому изменил // Новое время. 1917. 18 марта.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

тот факт, что первоначально теоретики ВНС являлись монархистами. В этой связи Ковалевский, Меньшиков неоднократно демонстрировали свою лояльность данному институту, а изменение отношения к нему с их стороны произошло лишь под влиянием обстоятельств.

Однако содержание, которое вкладывали националисты в понятие самодержавие, существенно отличалось от понимания данного института идеологами крайне правых, которые интерпретировали самодержавие на основе религиозно-нравственных норм, вследствие чего оно приобретало в их концепции сакральный ореол. В данном отношении наиболее четко сформулировал позицию националистов относительно данного института теоретик современного русского национализма Е. Холмогоров. По его мнению, с которым, как представляется, были бы солидарны и Меньшиков и Ковалевский, самодержавие означало прежде всего принцип национальной суверенной власти, смысл которого заключался в признании таких составляющих, как суверенитет, саморожденность, неограниченность и действенность в качестве неотъемлемых черт государственной власти. При этом данный принцип мог бы быть осуществлен в многообразных политических формах и являл собой способ политического существования²⁸.

Стоит согласиться с Д. А. Коцюбинским, который утверждает, что решение проблемы русского самодержавия националисты искали на путях национально-государственного прагматизма, а не иррациональной приверженности тому или иному государственно-правовому кредо. Данное обстоятельство проявлялось, во-первых, в том, что самодержавие объявлялось государственно-правовой производной от национальных интересов русского народа, а во-вторых, в том, что вопрос об ограниченности или неограниченности российского самодержавия решался в зависимости от конкретной внутривнутриполитической конъюнктуры²⁹.

Кроме того, главный критерий оценки данного института – национальный прагматизм – находил свое непосредствен-

---

²⁸ См.: Холмогоров Е. Самодержавие [Электронный ресурс] // Правая ру. : [сайт]. [2007]. URL : <http://pravaya.ru/leftright/472/5091> (дата обращения: 09.10.2007).

²⁹ См.: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 166–167.

ное выражение в том, что приверженность и лояльность самодержавной форме правления у теоретиков ВНС находились в прямо пропорциональной зависимости от способности русского самодержавия выступать реальной и действенной политической силой. Другими словами, монархизм теоретиков ВНС мог проявляться лишь до того момента, пока русское самодержавие прямо соответствовало принципам национализма и выступало гарантом законности, антитезой произвола, а в конечном итоге обеспечивало поступательное развитие русской национальной общности в рамках Российской империи.

Отметим, что, выражая свое отношение к институту самодержавной монархии, Меньшиков и Ковалевский в целом разделяли концепцию Б. Степанца, который, называя монархическую форму правления начальным этапом эволюционирования государственных форм, с одной стороны, признавал ее огромное значение в процессе выработки основ национального сознания. Однако, с другой стороны, мыслитель доказывал, что самодержавие обречено на слом, поскольку перестает на определенном этапе эволюции национального сознания удовлетворять устремлениям и интересам конкретной нации. Таким образом, по убеждению Степанца, эволюция самодержавной монархии по пути формирования конституционного образа правления являлась неизбежной³⁰.

Подобные подходы к содержанию понятия «самодержавие» и объясняли мировоззренческую эволюцию в его отношении, которую проделали многие теоретики ВНС, в первую очередь, Меньшиков – от безусловного признания данного института до его полного отвержения.

При этом, как представляется, националисты интуитивно понимали нежизнеспособность русского самодержавия в начале XX века, ознаменовавшегося бурными событиями, в связи с чем воспринимали его преимущественно в качестве гаранта закрепления нового представительного строя в специфических русских условиях, при котором источником власти являлся бы уже не единоличный правитель – миропомазанник, а вся нация в целом.

---

³⁰ См.: *Степанец Б.* Национализм как социологическая идея. Вильно : тип. Сыркина, 1911. С. 10–14.

Очевидно, что теоретики ВНС так и не смогли преодолеть мировоззренческую приверженность идеалам русского самодержавия, поскольку понимали его в качестве устойчивой и чрезвычайно ценной традиции, а также не хотели рвать связи с политическими союзниками справа, которые весьма болезненно воспринимали малейшее покушение на незыблемость существования данного общественно-политического института. Это проявилось прежде всего в официальной партийной риторике, где принцип монархизма не ставился под сомнение вплоть до организационного краха ВНС.

Отношение всех без исключения теоретиков ВНС к законодательной Думе являлось положительным, а ее создание объявлялось главным среди позитивных итогов событий 1905–1907 гг. Необходимость «для блага России» народного представительства – законодательной Государственной думы признавалась, как указывает Д. А. Коцюбинский, уже самыми ранними программными документами русских националистов и утверждалась отдельными высказываниями лидеров ВНС³¹.

Принципиально важным являлось стремление Меньшикова обосновать необходимость функционирования Государственной думы ссылками на историю как Российской империи, так и стран Западной Европы. В данной связи институт народного представительства объявлялся, с одной стороны, исконно русским, национальным, а с другой – чрезвычайно важным западным заимствованием, обеспечивающим ведущим странам Европы прогрессивное развитие.

Так, по мысли публициста, намеки на существование такого рода института имели место в древней русской истории, анализируя которую, непосредственными предшественниками современной Думы Меньшиков называл общественные учреждения Новгорода, Пскова, Московской Руси, а также Земские соборы XVII века³².

Таким образом, публицист фактически признавал исконно русские корни представительско-монархического образа правления. Заметим в этой связи, что Меньшиков выступал лишь

---

³¹ См.: *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч. С. 172.

³² См.: Там же. С. 175.

за использование позитивного опыта существования древних русских представительных учреждений, но никак не за воссоздание их в Российской империи. Именно поэтому теоретик ВНС утверждал, что имеющие место исторические «наметки» на существование представительных органов власти должны быть организованы по принципам парламентов Пруссии и Японии, которые в наибольшей степени, по убеждению мыслителя, соответствовали русским национальным традициям³³. Таким образом, Меньшиков при формировании русского народного представительства предлагал ориентироваться на лучшие, по его мнению, мировые аналоги.

Позиция теоретиков ВНС по этому вопросу претерпела некоторую эволюцию в сторону все большей идеализации данного института. Так, если первоначально Меньшиков и Ковалевский воспринимали законодательную Думу наряду с правительством и самодержавием в качестве одного из главных органов государственной власти, подчеркивая при этом ее подчиненное положение по отношению к самодержцу, то в период первой мировой войны и связанного с ней кризиса общественно-политической системы русского самодержавия Меньшиков прямо называл Государственную думу главнейшим истинно национальным институтом, отдавая ей, безусловно, приоритетное положение в структуре властной вертикали.

В своих работах теоретики ВНС обращались к анализу сущности Думы, ее функций и принципов ее комплектования.

Так, по мнению М. О. Меньшикова, важная роль народного представительства, наделенного законодательными правами, в системе государственной власти Российской империи определялась следующими обстоятельствами.

Во-первых, посредством Государственной думы закладывались прочные условия для формирования истинной гражданственности, иначе говоря, русская национальная общность получала необходимые условия для своего окончательного оформления.

Во-вторых, благодаря факту существования народного представительства Российская империя, по мысли Меньшико-

---

³³ См.: Там же. С. 173.

ва, возвращалась на свой естественный исторический путь развития, получая возможности для эволюционирования по типу ведущих европейских государств³⁴. Таким образом, изменение структуры государственной власти путем создания законодательной Думы знаменовало собой высший этап исторической эволюции русской государственности, поскольку с этого времени именно нация становилась важнейшим властным субъектом. С этой точки зрения мыслитель настаивал на реализации гражданской активности представителей русской нации, называя право выбора в Думу священным долгом гражданина, отказ от которого прямо приравнивался им к государственному преступлению³⁵.

В-третьих, именно Государственная дума, утверждая русский парламентаризм, создавала необходимые условия для четкой организации русского общества, благодаря чему также обеспечивалась прогрессивность государственной политики³⁶.

Другими словами, М. О. Меньшиков, как и другие теоретики русского национализма, называл законодательную Государственную думу важнейшим элементом политической жизни государства, все более с течением времени склоняясь к прямой апологетике данного института³⁷.

Признание важности законодательной Государственной Думы сближало теоретиков ВНС с позицией русских либералов, кадетов и октябристов. Однако в вопросах понимания практического назначения представительного органа мнение националистов отличалось существенным своеобразием.

Прежде всего, в отличие от либеральной общественной мысли теоретики ВНС видели в русской Государственной думе отнюдь не аналог европейских парламентов, которые практически выражали принцип разделения властей и являлись носителями законодательной ее ветви. Для Меньшикова Государственная дума представлялась особым сосредоточением наци-

---

³⁴ См.: Меньшиков М. О. Что мы выиграли // Новое время. 1905. 5 июня.

³⁵ См.: Меньшиков М. О. Кого выбирать в парламент. С. 330–349.

³⁶ Меньшиков М. О. Великорусская партия. С. 180.

³⁷ См. например: Меньшиков М. О. Гнилой век // Новое время. 1908. 6 янв.; *Его же*. Побольше единопущия // Новое время. 1912. 1 дек.

ональной воли, и в этом качестве она была обязана являться конструктивным помощником самодержца и правительства при реализации четко выработанной политической линии.

Другими словами, Дума не могла быть ни в малейшей степени оппозиционной правительству, а, наоборот, должна была демонстрировать лояльность по отношению к нему.

Характерными в этой связи являлись высказывания Меншикова, иллюстрирующие его позицию на протяжении длительного периода времени, о том, что русский парламент должен был стать образцом «сверхполитики», полностью исключив внутрипартийную борьбу внутри себя, направив свою деятельность в единое русло для осуществления истинно национальной программы действий. Иначе говоря, по мысли теоретика ВНС, в составе Думы должна была утвердиться монополия лишь одной национальной партии³⁸.

Подобную позицию относительно необходимой практической роли Государственной думы разделяли и другие теоретики ВНС, в частности, и его лидер – П. Н. Балашев³⁹.

Таким образом, резюмируя отношение Меншикова к институту Государственной думы, отметим, что его позиция отличалась значительным своеобразием и включала, с одной стороны, апологетику данного общественно-политического института в качестве реализатора совокупной гражданской воли нации, а с другой – критику самого парламентского принципа партийных дискуссий, зачастую ставящего орган народного представительства в оппозицию к правительству.

Определяя подобным образом сущность института народного представительства, М. О. Меншиков много внимания уделял и проблемам определения его компетенции и места во властной вертикали. При этом теоретик ВНС подчеркивал, что именно Государственная дума должна была обеспечивать необ-

---

³⁸ См.: *Меншиков М. О.* Великорусская партия. С. 180–181; *Его же.* Перестройка партии // Новое время. 1909. 26 марта; *Его же.* Что потеряно. С. 5–9; *Его же.* Ответ на выстрел // Новое время. 1911. 22 окт.; *Его же.* Националисты 4-й Думы // Новое время. 1912. 30 октяб. и др.

³⁹ См.: *Балашев П. Н.* О политике России в последние века и предстоящих ей задачах. СПб.: Изд-во. С-П. отд. нац. Союза, 1913. 91 с; См. также: *Чихачев Д. Н.* Политическая программа П. А. Столыпина. СПб.: Изд-во ВНС, 1914. С. 21.

ходимый баланс в системе реализации государственной власти, выступать в роли своеобразной «смычки» между самодержцем, правительством и гражданами империи.

В этой связи компетенция Думы, по мысли Меньшикова, была чрезвычайно широка. Важнейшая функция народного представительства заключалась прежде всего в организации контроля над деятельностью правительства с целью приведения его политики к «национальному» стандарту. Другими словами, именно в институте народного представительства Меньшиков видел тот единственный инструмент, с помощью которого возможно было обеспечивать охрану русского государства от «инороднического» засилья, проводить истинно национальную политику, последовательно отстаивать русские национальные интересы⁴⁰.

Продолжая данную мысль, Меньшиков в другой своей работе конкретизировал функции русского парламента, фактически заявляя уже в 1907 г. о необходимости предоставления именно данному институту права последней инстанции при формировании состава правительства⁴¹. С течением времени позиция публициста в данном вопросе еще более ужесточилась. Так, в 1913 г., говоря о месте Государственной думы в структуре государственной власти, публицист прямо заявлял о необходимости организации постоянного парламентского контроля над деятельностью правительства, тем самым требуя ответственного министерства⁴².

Кроме того, Меньшиков определял Государственную думу в качестве важнейшего, самостоятельного органа государственной власти, «координирующего все отправления государства и возвращающего его в равновесие»⁴³.

В данных вопросах теоретик ВНС высказывал наиболее радикальное мнение среди партийных публицистов, а его позиция фактически была принята на вооружение лидерами Прогрессивного блока, куда вошли, как известно, левые националисты.

---

⁴⁰ См., например : *Меньшиков М. О. Пятно невежества // Новое время. 1906. 23 марта; Его же. Люди понимания // Новое время. 1910. 20 окт.*

⁴¹ См.: *Меньшиков М. О. Национальное правительство // Новое время. 1907. 25 окт.*

⁴² См.: *Меньшиков М. О. Тело без души // Новое время. 1913. 10 дек.*

⁴³ Там же.

Другой первостепенной функцией народного представительства, по мысли публициста, являлась организация активного общественного мнения, способного прямо и непосредственно влиять на характер и направленность законодательных актов, утверждаемых в империи. Именно поэтому, по мысли теоретика, «представители народные должны помнить, что они не имеют права не говорить в Думе, если чувствуют, что у них есть, что сказать, ибо они на то и посланы народом, чтобы свидетельствовать от имени народа»⁴⁴.

Как видим, по мнению Меньшикова и других теоретиков ВНС, именно Думе как выразительнице воли народа должна была принадлежать законодательная инициатива.

Итак, именно законотворческая и контрольная функции Государственной думы определяли, по мысли теоретика ВНС, важнейшее значение института народного представительства в структуре государственной власти империи.

Другой значимой проблемой в контексте отношения теоретиков ВНС к институту народного представительства становился вопрос о принципах его формирования. М. О. Меньшиков придавал данному аспекту огромное значение, однако высказывался в этой связи достаточно противоречиво, а его позиция по этому вопросу в значительной степени эволюционировала.

С одной стороны, теоретик ВНС жестко критиковал существовавшее после 17 октября 1905 г. выборное законодательство, поскольку «благодаря» ему Россия получила не истинное народное представительство, а орган политического грабежа и разбоя в лице первой и второй Государственных дум. Основным недостатком выборного законодательства публицист называл систему многоступенных выборов, институт выборщиков, которых мыслитель прямо называл компанией ловких политиканов. В данной связи Меньшиков высказывался за радикальную реформу выборного законодательства, сущность которой заключалась прежде всего в обеспечении возможности независимого выбора «по совести и разуму» всем правоспособным гражданам при свободной пропаганде программ легальных партий. Институт выборщиков при этом должен был быть отменен, поскольку, как замечал Меньшиков, «если даже

---

⁴⁴ См.: Меньшиков М. О. Тело без души // Новое время. 1913. 10 декаб.

школьник не может поручать за себя держать экзамен, то каким образом гражданин может передать обязанность и право государственных выборов»⁴⁵.

Другими словами, публицист фактически пропагандировал весьма либеральную модель проведения выборов, принятую в ведущих западных странах, основными чертами которой являлось, во-первых, всеобщее избирательное право, а во-вторых, наличие гарантий законности их проведения.

С другой стороны, Меньшиков предлагал применять к кандидатам в депутаты Государственной думы чрезвычайно жесткую систему различного рода цензов с целью избрания ее «истинно национального» состава. В данной связи публицист предполагал использовать следующие критерии при выборе депутатов Думы.

Во-первых, личностный или, условно говоря, мировоззренческий ценз. В этой связи, по мнению Меньшикова, в Думу должны были быть избираемы «самобытные, чисто народные, несочиненные» типы, обладающие талантом и «доказанной совестью»⁴⁶, исповедующие государственное мышление, то есть ставящие интересы государства – нации выше других узколичностных, имеющие чувство царственности и «великодержавной» собственности, практический ум, необходимый для того, чтобы ясно и четко определять стоящие перед страной первостепенные задачи и уверенно следовать к намеченной цели⁴⁷. Не менее значимыми атрибутами членов Государственной думы, по мысли теоретика, являлись честь, талант и нравственность, отсутствие крайностей в убеждениях⁴⁸.

Отметим, что необходимость подобных критериев, предъявляемых к депутатам парламента, признавалась и в официальной партийной печати. Так, функционер ВНС А. Филиппов в программной статье, руководствуясь идеями Меньшикова,

⁴⁵ Меньшиков М. О. Выборный подлог. Екатеринбург : Тип. братства св. Владимира, 1906. С. 7.

⁴⁶ Меньшиков М. О. Мироеды и ходоки // Новое время. 1905. 19 июля.

⁴⁷ Меньшиков М. О. Россия – прежде всего. С. 195–199.

⁴⁸ См.: Меньшиков М. О. Кого выбирать в парламент. С. 330–349.; *Его же*. Нравственный ценз. Выше свободы [Электронный ресурс] // Русский дом : [сайт]. [2007]. URL : <http://russsdom.ru/mom/indexm.html#m> (дата обращения: 09.10.2007); См. также: Шлемин П. И. Авторитаризм и либерализм в России (Русская идея М. О. Меньшикова) // Политическая наука в России (История, современность, модели будущего). М., 1994. С. 86–91.

определил необходимые для народных избранников качества – личный аристократизм, благородство, националистическое и государственное мышление⁴⁹. Потребность в таких людях, по утверждению Меньшикова, была так высока, что он отмечал: «Смертельная необходимость в лучших людях так велика, что их следует искать не только в своей стране, но и за границей»⁵⁰.

Кроме того, публицист являлся сторонником и других цензов при избрании в Думу, таких как возрастной, имущественный, национальный, ценз политической лояльности, образовательный и др.⁵¹

При этом следует отметить, что взгляды публициста на систему требований для кандидатов в депутаты Государственной думы со временем еще более ужесточились, что нашло свое прямое отражение в том факте, что Меньшиков подвергал критике и новый избирательный закон 3 июня 1907 г., считая недостаточно эффективной новую систему цензовых требований⁵².

Таким образом, приверженность теоретика ВНС жесткой цензовой системе при комплектовании Государственной думы фактически сводила на нет его рассуждения по поводу необходимости проведения свободных, независимых и демократических выборов, придавая им ярко выраженный популистический характер.

Отметим, что подобные заявления Меньшикова относительно введения необходимых жестких цензов при избрании состава Государственной думы напрямую связывали его позицию со взглядами крайне правых публицистов.

Завершая анализ воззрений теоретиков ВНС относительно института Государственной думы, следует сказать следующее.

---

⁴⁹ См.: Филиппов А. Кого выбирать // Вестник ВНС. 1912. № 10.

⁵⁰ Меньшиков М. О. Мироеды и ходоки // Новое время. 1905. 19 июля.

⁵¹ См.: Меньшиков М. О. Отбор худших // Новое время. 1906. 12 марта; *Его же*. Великие дела // Новое время. 1907. 11 янв.; *Его же*. Люди понимания // Новое время. 1907. 21 окт.; *Его же*. Господская Дума // Новое время. 1907. 5 июля; *Его же*. Кого выбирать в парламент. С. 330–349; *Его же*. Утомление власти // Новое время. 1910. 11 сент.; *Его же*. Ценз национальности // Новое время. 1910. 17 июля.

⁵² См. Меньшиков М. О. Ценз и народ // Новое время. 1907. 27 марта; *Его же*. Пересмотр машины // Новое время. 1908. 3 июля.

Отметим тот факт, что все без исключения идеологи ВНС воспринимали реформу по созданию органа народного представительства исключительно положительно. При этом, по убеждению националистов, с одной стороны, данная реформа способствовала возвращению Российской империи на естественный исторический путь прогрессивного развития по типу ведущих стран Западной Европы, однако, с другой стороны, они отказывались считать создание Думы каким-либо нововведением, усматривая непосредственные предпосылки к ее формированию в историческом развитии Российской империи.

Заметим также, что теоретики ВНС по-особому понимали сущность народного представительства, с одной стороны, отказывались воспринимать данный институт в качестве законосовещательного органа, не имеющего реальных властных полномочий, а с другой – первоначально не проводили прямых аналогий с западными парламентами, которые олицетворяли независимую ветвь законодательной власти.

По мнению Меньшикова, русская Государственная дума выступала частью единой властной структуры во главе с самодержцем и поэтому обязана была действовать в русле единой политической линии, не составляя оппозицию. В этом смысле русский парламент представлялся ему органом «национального» единодушия, приобретая при этом некий романтический ореол. Дума должна была стать выразителем некой «однородной стихии», в ее рамках «к правительству должны были приглашаться только люди государственного единодушия: одной государственной партии, а не всех бесчисленных, какие могут сложиться»⁵³.

Однако в дальнейшем Меньшиков под воздействием реальных общественно-политической жизни постепенно отказывался от подобного «метафизического» понимания сущности Государственной думы, что выразилось, во-первых, в стремлении образовать в ее составе разнообразные варианты политических коалиций, а во-вторых, в изменении понимания роли и места данного института во властной структуре.

Выступая с течением времени за наделение Думы самостоятельными законотворческими и контрольными функциями,

---

⁵³ Цит. по: Кризис самодержавия в России в 1895–1917 гг. С. 489.

теоретик ВНС фактически ратовал за создание системы парламентской монархии.

Тем самым публицист в значительной степени предопределил взгляды левых националистов и лидеров Прогрессивного блока.

Отметим также, что, хотя П. И. Ковалевский специально не высказывался по проблемам отношения к институту Государственной думы, общий тон его заявлений все же позволяет предположить, что в основных вопросах касательно данной тематики он был солидарен с мнением Меншикова за исключением, пожалуй, конечного вывода последнего относительно необходимости увеличения влияния Государственной думы и фактического создания политической системы парламентской монархии.

Отношение теоретиков русского национализма к институту правительства, как совершенно верно указывает Д. А. Коцюбинский, определялось их исходной теоретической установкой о том, что процесс модернизации Российской империи возможно было осуществить с помощью «власть предержажших»⁵⁴.

Институт правительства изначально понимался теоретиками ВНС в качестве третьего важнейшего звена механизма государственной власти.

Так, если народное представительство, отождествлявшее собой народную волю, должно было под бдительным контролем самодержца задавать направление проведения истинно национальной политики, то совет министров обязан был последовательно реализовывать все нововведения на практике.

Учитывая сложную общественно-политическую обстановку, существующую в Российской империи в межреволюционный период, данная функция являлась вдвойне важной, ответственной и наиболее трудной. М. О. Меншиков в 1907 г. в период, связанный с роспуском второй Государственной думы и третьиюньским законом, подчеркивал: «Парламент русский оказался “дважды плох”, как признано теперь всем светом. Когда он наладится Бог весть, но, по-видимому, не скоро. Пока придется судьбу России ведать по-прежнему штурманом ее власти и ближайшему органу – правительству»⁵⁵.

⁵⁴ Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 428.

⁵⁵ Меншиков М. О. Кому поднимать Россию // Новое время. 1907. 9 июня.

Исходя из подобного понимания исторической роли русского правительства, М. О. Меньшиков предъявлял к его составу и принципам деятельности чрезвычайно высокие требования. Следуя принципу «кадры решают все», теоретик ВНС, в первую очередь, подчеркивал то, что члены правительства должны обладать некой харизмой, основанной на сплассе таланта, стойкости и хладнокровия, иметь героический ореол непримиримых борцов за правое истинно национальное дело⁵⁶.

Кроме того, первостепенное значение должны были иметь как морально-этические, так и профессиональные качества членов правительства⁵⁷.

В отношении других критериев, предъявляемых к правительству, Меньшиков был в значительной степени солидарен с другими теоретиками ВНС и перечислял следующие: компетентность, идейно-организационная консолидированность, полновластие⁵⁸, политическая воля, сила, твердость, независимость от общественного мнения, что позволяло бы проводить последовательную, инициативную политику в независимости от неблагоприятных общественно-политических реалий⁵⁹.

Подобные чрезвычайно жесткие требования обусловили ту идейную эволюцию, которую проделало большинство из теоретиков ВНС в вопросах отношения к институту правительства. В этом плане М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский не являлись исключением. Данная проблема весьма подробно рассмотрена в работах Д. А. Коцюбинского, С. М. Саньковой и М. Н. Лукьянова⁶⁰, поэтому ограничимся лишь указанием на ее важнейшие аспекты.

---

⁵⁶ См. например: *Меньшиков М.О.* Крупные люди. С. 330–440; *Его же.* Наступательная борьба // Национальная империя. С. 403–404; цит. по: *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия. С. 430.

⁵⁷ Об этом см. например: *Меньшиков М. О.* Важный опыт // Письма к ближним 1916. Пг.: Изд-во М. О. Меньшикова, 1917. С. 537–542.

⁵⁸ Цит. по: *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч. С. 428–429.

⁵⁹ *Меньшиков М. О.* Власть как право // Письма к русской нации. С. 34–40.

⁶⁰ См.: *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч. С. 430–491.; *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь : Изд-во ПГУ, 2001. С. 37–46; *Санькова С. М.* Русская партия в России: образование и деятельность ВНС. Орел : издатель Светлана Зенина, 2003. С. 196–298.

Так, в период организационного формирования ВНС (1907–1911 гг.) М. О. Меньшиков на страницах «Нового времени» отражал общепартийную позицию, которая выражалась в стремлении «к дружной совместной с ним (с правительством – П. С.) работе в пользу национального обновления государства»⁶¹, демонстрировал сугубо положительное отношение к институту правительства и лично к премьеру Столыпину⁶². В числе причин подобного положительного восприятия националистами правительства в данный период времени следует отметить следующие: во-первых, лояльное отношение к самодержцу, который и назначал правительство; во-вторых, готовность оказать всемерное содействие ему в борьбе с революционным натиском, и в-третьих, соответствие правительственной линии в тот период времени взглядам националистов. Немаловажным было то, что П. А. Столыпин сыграл весьма значительную роль в идейно-политической консолидации ВНС. Таким образом, в данный период времени, как справедливо утверждает Д. А. Коцюбинский, теоретики ВНС воспринимали правительство в качестве старшего партнера, а свою задачу видели в его всемерной поддержке⁶³. М. О. Меньшиковым подвергался критике не правительственный курс в целом, а непоследовательность в его проведении. В этом позиция публициста кардинально расходилась с мнением теоретиков крайне правых, которые критиковали общую направленность проводимых правительством реформ⁶⁴.

Однако уже с 1911 г. началось охлаждение М. О. Меньшикова к правительству, что было связано с ухудшающейся общественно-политической обстановкой в стране, а также с тем,

---

⁶¹ См.: Националисты в третьей Государственной Думе. СПб. : Тип. А. Суворина, 1912. С. 162.

⁶² См. например: *Меньшиков М. О.* Старые инстинкты // Новое время. 1907. 22 марта; *Его же.* Эволюция правительства // Новое время. 1909. 3 янв.; *Его же.* Крупные люди // Национальная империя. С. 330–440; *Его же.* Истинно культурное ведомство // М. О. Меньшиков. Из писем к ближним.

⁶³ См. например: *Меньшиков М. О.* Старые инстинкты // Новое время. 1907. 22 марта; *Его же.* Эволюция правительства // Новое время. 1909. 3 янв.; *Его же.* Крупные люди // М. О. Меньшиков. Национальная империя. С. 330–440; *Его же.* Истинно культурное ведомство // Из писем к ближним.

⁶⁴ См.: *Лукьянов М. Н.* Указ. соч. С. 39.

что новый премьер Коковцов не проявлял должного внимания к ВНС.

Идеолог ВНС в это время последовательно критиковал правительство прежде всего за потерю набранного курса реформ, растущую их пробуксовку, бездействие.

Фактически к 1915 г., одновременно с разочарованием в институте монархии, теоретик ВНС окончательно разуверился в имперском правительстве, свидетельством чему являлись работы, написанные им в мартовские дни 1917 г., о которых уже было сказано выше.

Таким образом, завершая разговор о позиции М. О. Меньшикова по поводу института правительства, отметим, что мнение теоретика ВНС относительно его чрезвычайно важной роли во властной структуре не претерпело изменений. Однако итогом идейной эволюции публициста касательно данной проблематики стала мысль о невозможности сохранения его в прежнем виде и необходимости коренного реформирования данного общественно-политического института уже в новых условиях отсутствия монархии.

Своеобразная общественно-политическая ситуация, в которой находилась Российская империя в начале XX века, предполагала различные варианты дальнейшего ее развития. Это понимали представители всех общественно-политических сил, существовавших в тот момент времени, которые выдвигали собственную модель модернизации страны. В этом отношении теоретики ВНС не являлись исключением. Меньшиков и Ковалевский исходили из центральных посылок о том, что дальнейшее поступательное развитие Российской империи должно было происходить на основе существующих после 17 октября 1905 г. общественно-политических реалий. Мыслители требовали более последовательного и радикального реформирования всех сфер общественной жизни с целью реализации концепции национального государства.

Заметим, что проект будущего идеального общественно-политического устройства Российской империи, предлагаемый теоретиками ВНС, отличался значительным своеобразием.

В этом отношении главными особенностями взглядов Ковалевского и Меньшикова являлись, с одной стороны, стремление постепенно осуществить широкие преобразования всех сфер

общественной жизни в духе столыпинских реформ и привести Российскую империю в соответствие со стандартами западных европейских государств, а с другой – последовательная критика общественно-политического устройства западных демократий, что сближало позицию идеологов ВНС с мнением крайне правых черносотенных идеологов.

Так, М. О. Меньшиков в духе Л. Н. Тихомирова критиковал в многочисленных своих работах западную модель общественного устройства. При этом западная концепция демократии не принималась мыслителем по нескольким причинам. Во-первых, Меньшиков, оценивая общественно-политическое устройство прямых предшественников западных государств – античных городов-полисов, прямо заявлял о том, что демократия – есть власть черни, выдвигающей из собственной среды мнимых аристократов, неспособных осуществлять управленческие функции.

Другими словами, по мнению мыслителя, в демократической системе абсолютно любой гражданин посредством системы выборов мог, не обладая специальными профессиональными качествами и государственным мышлением, ценой всевозможных махинаций достигнуть того или иного важного положения в системе властной вертикали. Именно поэтому основными политическими приемами в демократическом обществе становились, по убеждению Меньшикова, теневые методы борьбы, такие как шантаж, донос, обман, подкуп, что способствовало в итоге не только напряжению казны, но и моральной деградации общества⁶⁵.

Таким образом, по мнению теоретика ВНС, именно основной принцип демократического общества, при котором фактически любой гражданин способен был занять ведущее положение в обществе, привел в итоге к краху самой общественно-политической системе государств – демократий древности.

Во-вторых, важнейшим пороком западной демократии, по мнению Меньшикова, являлось то, что благодаря чрезмерно развитому гражданскому независимому самосознанию, не опирающемуся на общественные традиции, утверждению принципа свободы индивида безотносительно к государственным интересам, жители ведущих западных стран стали ставить

⁶⁵ См.: Меньшиков М. О. Что такое демократия // Выше свободы; *Его же*. Испопины // Национальная империя. С. 135–141.

собственные личные интересы выше общественных и национальных, чувствовать неудовлетворенность собственным положением, что непременно вело к социальным столкновениям, а значит к анархии, деградации и к революции⁶⁶.

Высказываясь подобным образом по отношению к западным демократиям, Меньшиков, с которым в общем и целом соглашался и Ковалевский, предлагал реализовать на практике весьма сложную и противоречивую модель общественного устройства, которую условно назовем «контролируемой» или «управляемой» демократией. Смысл этой концепции состоял в попытке разумно сочетать на практике атрибуты западных демократий, такие как широкие гражданские свободы, институты гражданского общества, народного представительства и существование сильной власти, опирающейся в своих действиях на прочные общественные традиции, принципы авторитаризма, этатизма и национализма⁶⁷.

В определении компетенции государственной власти Меньшиков и Ковалевский разделяли идеи либеральных консерваторов XIX века, прежде всего, Б. Н. Чичерина. В этой связи идеальная государственная власть должна была, по мнению Чичерина, Меньшикова и Ковалевского, выполнять следующие основные функции – обеспечивать общественную безопасность и порядок, реализовывать управленческие функции путем подчинения частных интересов общественному благу, консолидировать общество на основе приоритета духовного фактора, осуществлять деятельностное, волевое управление подчас жесткими мерами, но в рамках закона, наконец, обеспечивать поступательное развитие общества, проводя постепенные, последовательные, подготовленные реформы⁶⁸.

---

⁶⁶ Меньшиков М. О. Цивилизация в опасности // Национальная империя. С. 93–96.

⁶⁷ См.: Меньшиков М. О. Заповеди жизни // Новое время. 1907. 30 дек.

⁶⁸ О позиции Б. Н. Чичерина по данному вопросу см.: Искра Л. М. Б. Н. Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж : изд-во ВГУ, 1995. С. 68–73; О позиции Меньшикова см., например: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1914. 4 мая; *Его же*. Злая воля // Новое время. 1910. 12 авг.; *Его же*. Письма к ближним // Новое время. 1911. 6 нояб.; *Его же*. Смена властей // Новое время. 1912. 18 дек.; Смолин М. Апология русского империализма // Национальная империя. С. 14–15.

При этом, по образному выражению М. О. Меньшикова, власть должна была выступить в роли своеобразного завоевателя собственного народа, дисциплинировать его и привить ему необходимый импульс к развитию⁶⁹. В итоге подобным образом организованная власть могла бы придать развитию государства истинно национальный характер.

Меньшиков и Ковалевский отрицали идею разделения властей по западному образцу и выступали лишь за разделение ее компетенции. Другими словами, в обновленной Российской империи не могло быть совершенно независимых ветвей исполнительной, законодательной и судебной власти. Единые и равноправные по своей сути властные полномочия передавались трем институтам управления: самодержцу, который олицетворял единство и могущество русской нации, правительству как главному исполнителю воли нации и законодательной Государственной думе.

Относительно схемы функционирования обновленной государственной власти позиции Меньшикова и Ковалевского существенно различались.

М. О. Меньшиков не создал конкретных проектов в данной связи. Утверждения мыслителя по этим вопросам являлись весьма туманными и нередко противоречивыми. Так, с одной стороны, в 1907 г. Меньшиков последовательно заявлял о необходимости перенесения в Российскую империю модели германского государственного устройства, которое, по его мнению, в наибольшей степени соответствовало национальным особенностям русских и способствовало успешному решению задач, стоящих перед империей⁷⁰. С другой стороны, теоретик ВНС в духе поздних славянофилов предлагал модифицировать старую систему монархии Московской Руси, в которой, по его мнению, существовало весьма полезное саморазграничение: народу принадлежало право совета и контроля, а монарху – право суда и распоряжения⁷¹.

В дальнейшем в рассуждениях идеолога ВНС стало присутствовать еще меньше конкретики. В 1909 г., размышляя об

⁶⁹ См.: Меньшиков М. О. Когда народ воскреснет // Национальная империя. С. 267–272.

⁷⁰ См.: Меньшиков М. О. Уклон к республике // Новое время. 1907. 13 окт.

⁷¹ Там же.

идеальном механизме государственной власти, Меньшиков ограничился пространными указаниями на необходимость совершенствования русского народного представительства, а одновременно с ним и гражданского общества наряду с возрождением нравственности и трудовой культуры⁷².

Впоследствии под влиянием краха русского самодержавия Меньшиков вовсе отказался от поиска идеальной модели государственного устройства для Российской империи, заявив о необходимости восприятия схемы государственной власти, принятой в ведущих европейских странах. Так, в 1917 г. Меньшиков, оценивая попытки крайне правых восстановить прежнюю общественно-политическую систему, отмечал: «Вместо того чтобы смешить весь мир учреждением сверхопеки (читай – самодержавия. – П. С.) не проще ли принять порядок вещей, установленный в странах с более древней и более опытной нежели у нас политической культурой?»⁷³.

Тем самым Меньшиков, как представляется, признал свою неспособность решить важнейшую практическую задачу – предложить логичную схему функционирования государственной власти в Российской империи.

П. И. Ковалевский в отличие от своего более именитого коллеги в своем программном труде «Основы русского национализма» представил достаточно подробную схему идеального, с его точки зрения, механизма реализации государственной власти в рамках политической системы, установленной в Российской империи после 1905 г.

Главная посылка теоретика ВНС при этом сводилась к утверждению незыблемости представительного образа правления, при котором самодержец выступал в единстве с Государственной думой и Государственным советом при наблюдении законодательных учреждений за законностью деятельности правительства⁷⁴. Заметим при этом, что данный тезис Ковалевского полностью совпадал с официальной партийной позицией⁷⁵, которая сводилась, во-первых, к тому,

---

⁷² См.: Меньшиков М. О. Гений счастья // Новое время. 1909. 13 июня; *Его же*. Завещание отца Иоанна // Выше свободы.

⁷³ Меньшиков М. О. Чего требуют правые // Новое время. 1917. 4 февр.

⁷⁴ См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 48

⁷⁵ См.: Националисты в третьей Государственной Думе. С. 151.

что главой государства должен был являться самодержец, повелевающий им при содействии назначенных министров и избранников народа, во-вторых, к обязанности министров отвечать на запросы членов Государственной Думы по вопросам текущей политики, в-третьих, проповедовался принцип «национализации» органов управления, при котором во главе их должны были находиться убежденные русские националисты, проповедовавшие последовательность и преемственность в проведении политики.

Ключевым элементом проекта государственного устройства, по мнению Ковалевского и Меньшикова, выступал институт земского самоуправления.

Мыслители выражали полную солидарность с другими партийными идеологами по поводу важности его введения. В этой связи Меньшиков, во-первых, утверждал, что именно самоуправление на местах способствует лучшему функционированию всей властной структуры империи, поскольку при этом правильно перераспределяются управленческие полномочия между центральными и местными органами власти.

С точки зрения публициста «Нового времени», подобная схема организации управления продолжала национальную традицию и была издревле знакома русским⁷⁶.

Во-вторых, по мнению мыслителя, именно на основе опыта земского самоуправления формировалась гражданская самостоятельность, русским прививалось практическое мышление, трудовой и хозяйские инстинкты, что было настоятельно необходимо для поступательного развития нации⁷⁷. Однако М. О. Меньшиков считал, что подобные позитивные функции могло выполнять лишь правильно организованное земство. Другими словами, теоретик ВНС требовал его реформирования. Основная идея необходимых изменений в данном направлении, декларируемая публицистом «Нового времени», в значительной степени совпадала с логикой рассуждений крайне правых, например, В. А. Грингмута, требующего существенного ограничения функций

---

⁷⁶ Подробнее об этом см. : Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 63–65.

⁷⁷ См.: Меньшиков М. О. Независимость и деловитость // Новое время. 1914. 4 янв.; *Его же*. Земско-дворянский кризис // Новое время. 1913. 17 авг.

земства, наделения его исключительно административно-хозяйственными полномочиями⁷⁸.

Главным требованием Меньшикова являлось исключение земств из сферы политики, в связи с чем должны были произойти, во-первых, установление жесткого контроля над ними со стороны губернаторов с целью исключения превращения земств в рассадник либеральной оппозиционности, во-вторых, четкое разграничение функциональных обязанностей близких по характеру земских органов власти с целью препятствования образованию бездеятельностной земской бюрократии.

Таким образом, в идеале, по мнению Меньшикова, земству необходимо было передать преимущественно чисто хозяйственные полномочия, исключить из его влияния школы и вводить преимущественно в спокойных регионах империи⁷⁹.

Однако во взглядах Меньшикова на проблему земского самоуправления существовало одно весьма значимое отличие от позиции идеологов крайне правых. Теоретик ВНС считал, что именно в земствах должна была формироваться истинная национальная гражданственность, в связи с чем ратовал за их бессловную структуру, исключение приоритета дворянского элемента как отжившего.

Особую роль в проектах общественно-политического устройства империи теоретики ВНС отводили институтам армии и церкви. Важнейшая роль армии определялась мыслителями в соответствии с их теорией развития нации, в рамках которой, как уже было указано, утверждался приоритет войны в качестве основного показателя степени ее жизнеспособности в контексте борьбы за национальное бытие. При этом в своих размышлениях по поводу роли института армии теоретики ВНС опирались на широкую консервативную традицию общественной мысли XIX века, для представителей которой являлось характерным восторженно-романтическое отношение к данному институту, его прямая идеализация⁸⁰.

⁷⁸ Подробнее см.: *Грингмут В. А.* Указ. соч.

⁷⁹ См.: *Меньшиков М. О.* Кольбель оппозиции // Новое время. 1911. 24, 26, 29 марта.

⁸⁰ См. подробнее: *Репников А. В.* Русская армия глазами консерваторов. [Электронный ресурс] // Консерватизм в мире: прошлое и настоящее: [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov.html> (дата обращения: 09.10.2007).

В связи с этим вопросы, касающиеся положения русской армии, занимали особое место в работах М. О. Меньшикова. Для него данный институт представлял собой, прежде всего, главную опору, фундамент нации: он охранял ее от посягательств врагов и обеспечивал поступательное развитие⁸¹. В этой связи теоретик ВНС отмечал: «Быть России или не быть – это главным образом зависит от ее армии. Укреплять армию следует с героической поспешностью... армия – крепость нации, единственная твердыня, которою держится наша государственность»⁸².

Теоретики ВНС последовательно критиковали современное ее состояние и считали необходимым проводить последовательное реформирование армии. При этом мыслители выделяли как минимум три направления необходимых реформационных изменений – реформы комплектации армии, ее технического и материального перевооружения, создание особого духовного кодекса чести и нравственности для солдата.

Относительно реформ первого направления наиболее последовательно высказывался М. О. Меньшиков. В 1909 г. теоретик ВНС разработал целый комплекс нововведений.

Прежде всего, мыслитель резко выступил против всеобщей воинской повинности, называя ее глубоким извращением естественных общественных понятий, поскольку при ее использовании важнейшая функция защиты государственности доверялась непрофессионалам и по принуждению, вследствие чего в армии вместо утверждения героических нравственных начал развивались штатство, бюрократизм и обывательство. Комплекс реформ армии, направленных на изменение такого ненормального положения, предложенный Меньшиковым, отличался продуманностью и последовательностью и включал в себя пять главных мероприятий.

Во-первых, предполагалось установление особых морально-политических и национальных цензов при комплектации армии, которые препятствовали бы проникновению в ее состав личностей, заряженных антисоциальной энергией и

---

⁸¹ См.: Меньшиков М. О. Близятся сроки // Письма к ближним. 1916. С. 15–20; *Его же*. Первая забота // Выше свободы.

⁸² Меньшиков М. О. Молодежь и армия // Новое время. 1909. 13 окт.

мировоззрением. В этой связи для «инородцев» мыслитель предполагал ввести военный налог, заменяющий для них воинскую повинность.

Во-вторых, предусматривались также понижение призывного возраста до 18 лет и организация системы начального военного образования в школах для подготовки юношей к военной службе.

В-третьих, предполагалось введение системы военных сборов, необходимых для постоянного поддержания у граждан, находящихся в запасе, комплекса военных знаний и высокого боевого духа.

В-четвертых, признавалось необходимым проведение постоянной практической и профессиональной ориентации в течение всего срока военной службы и определялась невозможность занимать время солдата какими-бы то ни было занятиями, прямо не относящимися к ее несению. Подразумевалось поднятие престижа военной службы путем назначения на высшие должности действительно отличившихся и повышения воинского жалования.

В-пятых, предполагалось возвращение в результате отмены всеобщей воинской повинности к старой системе комплектации армии при уменьшении количества и значительном повышении профессионального качества войск⁸³.

В дальнейшем теоретик ВНС развивал эти основные положения и выступал с требованиями устранить возможность допуска в армию ненадежных элементов из студенческой и преступной среды; а также коренным образом изменить систему военного образования с целью повышения качества обучения⁸⁴.

Заметим, что многие из предложений Меньшикова являлись весьма актуальными и правомерными, поскольку получили в

---

⁸³ См. например: *Меньшиков М. О.* Ядро армии // Национальная империя. С. 71–74; *Его же.* Молодежь и армия // Новое время. 1909. 13 окт.; *Его же.* Остановите бегство // Письма к русской нации. С. 57–64; *Его же.* Таланты и бездарности // Новое время. 1911. 13 авг.; *Его же.* Дружина храбрых // Выше свободы.

⁸⁴ См.: *Меньшиков М. О.* Необходимо ли заражать армию? // Национальная империя. С. 325–329; *Его же.* Концы с концами // Новое время. 1909. 12 сент.; *Его же.* Чиновники и герои // Новое время. 1912. 3 июля, 5 июля; *Его же.* Пересмотр армии // Новое время. 1911. 3 февр.

дальнейшем свое практическое воплощение. Однако основная посылка теоретика ВНС о необходимости уничтожения системы всеобщей воинской повинности и возвращения к старой системе фактически рекрутского набора, как представляется, в новых условиях начала XX века была неприменима да и неприемлема.

Желание теоретика ВНС видеть русскую армию сильной и могущественной выразилось и в том, что во многих статьях Меньшиков требовал произвести ее техническое перевооружение за счет увеличения средств бюджета.

Заметим, что подобные мысли теоретика были внесены и в официальные партийные документы ВНС, которые однозначно требовали увеличения военной мощи Российской империи⁸⁵.

П. И. Ковалевский также в своих работах часто обращался к проблемам современного ему положения армии и останавливал свое внимание, прежде всего, на аспектах морально-нравственного воспитания солдата. В специальной работе теоретик ВНС разработал «кодекс рыцарской чести» защитника Родины.

По мнению мыслителя, русский воин должен был обладать целым комплексом личностных черт, среди которых особо выделялись такие, как приверженность идеалам самодержавия, православное мироощущение, готовность к самопожертвованию, чувство любви и преданности Родине, дисциплинированность, смиренность, правдивость, самообладание, храбрость, великодушие, стремление к самоусовершенствованию⁸⁶.

Таким образом, институт сильной, высокопрофессиональной армии, по убеждениям теоретиков ВНС, должен был стать важнейшим элементом русской государственности и служить не только первостепенным условием реализации власти, но и обеспечивать державное могущество империи.

Не менее важное место в структуре русской государственности Ковалевский и Меньшиков отводили институту Русской православной церкви. В данном отношении главной посылкой всех без исключения националистов являлось утверждение о «христианском» характере российского государства, вследствие чего требовалось сохранить установленные преимущества церкви.

---

⁸⁵ См. например: Берегите войско // Вестник ВНС. 1912. № 7.

⁸⁶ См.: Ковалевский П. И. Символ веры наших потешных.

Теоретики ВНС обосновывали тезис о том, что православие обеспечивало духовно-идеологическую целостность государства, одновременно являясь религией державной и национальной. Именно поэтому за русской православной церковью закреплялась монополия на публичную проповедь и миссионерство⁸⁷.

Наблюдая упадок института Русской православной церкви в начале XX века в связи с усилением административного вмешательства во внутрицерковную жизнь и бюрократизацией, теоретики ВНС предлагали целый комплекс мер по ее возрождению.

В связи с тем, что данная проблема подробно рассмотрена в работе Д. А. Коцюбинского, остановим свое внимание лишь на главных аспектах данного вопроса.

Так, среди основных направлений реформирования церковной жизни Ковалевский и Меньшиков предлагали следующие: материальная поддержка церкви и сельского прихода в частности, уничтожение правительственного бюрократического контроля и восстановление самостоятельности положения церкви, воссоздание института патриаршества⁸⁸.

Другими словами, предлагалось фактически восстановить баланс соотношения государства и церкви, имеющий место во времена Московской Руси, когда они существовали в качестве независимых самодостаточных институтов⁸⁹, качественно изменить систему церковного образования с целью восстановления престижа церковных служителей⁹⁰.

Таким образом, понимание церкви в качестве важнейшего общественно-политического института, на котором базировалась русская государственность, являлось одним из главных элементов националистической идеологии. Примечательно, что предлагаемый националистами проект церковных реформ, в общем и целом, совпадал с позицией крайне правых по данным вопросам.

---

⁸⁷ Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 399.

⁸⁸ См.: Ковалевский П. И. Задачи русского национализма // Подолянин. 1912. 20 марта; *Его же*. Основы русского национализма. С. 49.

⁸⁹ Меньшиков М. О. Вера без дел // Новое время. 1907. 28 января.; *Его же*. Дело веры // Новое время. 1907. 25 ноября.

⁹⁰ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1910. 22 авг.; *Его же*. Расстройство церкви // Новое время. 1908. 9 февр.

В контексте разработки концепции идеального общественно-политического устройства Российской империи Ковалевский и Меньшиков обращались к проблемам определения внешнеполитических приоритетов России. При этом мыслители полностью соглашались с мыслями П. Б. Струве о том, что реализация концепции сильного национального государства напрямую зависела от успешного решения внешнеполитических задач, правильного определения места и роли империи в геополитике, ее стратегических приоритетов.

Проблемы, связанные с внешней политикой Российской империи, теоретиками ВНС детально не разрабатывались, а данный аспект не имел самостоятельного значения в структуре их воззрений, приобретал скорее ситуационный контекст и рассматривался в тесной связи с другой проблематикой.

По этой причине Меньшиковым и Ковалевским не было разработано какой-либо масштабной внешнеполитической концепции.

Однако отметим тот факт, что теоретики ВНС, высказываясь по внешнеполитической проблематике, в целом продолжали традиции крайне правой общественно политической мысли. В этой связи Ковалевский и Меньшиков, разделяли концепцию геополитики, сформулированную Л. А. Тихомировым.

Суть ее сводилась к пониманию государства как своеобразного организма, воплощенного в пространстве. При этом главным направлением внешней политики становились территориальные отношения с другими странами с целью достижения естественных границ и выхода к морям⁹¹.

Таким образом, Ковалевский и Меньшиков исходили из основной теоретической посылки о том, что конкретная направленность внешней политики Российской империи должна была разрабатываться с учетом специфики геополитического положения страны, а в основу конкретной ее стратегии должен был быть положен принцип национального прагматизма.

М. О. Меньшиков, анализируя в этой связи особенности положения Российской империи, делал акцент на его проти-

---

⁹¹ Подробнее см.: *Омельяничук И. В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в российской империи [Электронный ресурс] // Русская линия: [сайт]. [2007]. URL : <http://www.rusk.ru/st.php?idar=102666> (дата обращения: 09.10.2007).

воречивом характере. Так, с одной стороны, ее срединное положение являлось, с точки зрения публициста, в значительной степени выгодным, поскольку давало уникальную возможность русскому государству концентрировать бесценный опыт, накопленный как Западной, так и Восточной цивилизациями, предоставляло свободу в выборе внешнеполитических союзников⁹².

Однако, с другой стороны, геополитическое положение страны заключало в себе также угрозу ее благополучию, нежели пользу. Данный факт объяснялся Меньшиковым преимущественно масштабами исторической территории русского государства, объективно привлекавшими соседние государства, а также угрозой ведения войны на два фронта, что неумолимо заставляло русское правительство всегда быть настороже, уделять первостепенное значение организации мощной армии, тщательно продумывать каждый внешнеполитический шаг. В данной связи Меньшиков отмечал: «Не отталкивая дружески протянутой руки, следует внимательно следить за ее жестами. Россия на всех фронтах своих должна быть готовой к неожиданному нападению. Если мирное соглашение позволяет где-нибудь не ждать немедленной войны, то обязывает смотреть на это как на ее отсрочку. Горе неготовым!»⁹³.

Представляется, что подобные наблюдения теоретика ВНС относительно угроз, которые предопределяло само геополитическое положение российского государства, в целом являлись справедливыми, что неоднократно доказывала и история.

К тому же теоретики ВНС стремились строить свои внешнеполитические доктрины на основе принципа национального прагматизма. Данный критерий интерпретировался теоретиками ВНС в отношении определения стратегии внешней политики как обязательство проводить ее в соответствии с интересами державной нации. При этом необходимыми условиями проводимой политики должны были стать: реализм, независимость и

---

⁹² См.: Меньшиков М. О. На великой страже // Выше свободы.

⁹³ Меньшиков М. О. На восточном горизонте // Новое время. 1912. 21 июля.

продуманность⁹⁴. В этом отношении идеалом для русских националистов выступала внешнеполитическая линия, избранная Александром III.

Кроме того, внешняя политика Российской империи, по мысли теоретиков, должна была быть ситуационно ориентирована, другими словами, в зависимости от изменчивой внешнеполитической конъюнктуры правительство должно было либо всеми силами охранять достигнутый международный *status quo*, либо, пользуясь благоприятным моментом, проводить преимущественно мирную территориальную экспансию, улучшая тем самым условия жизни русской нации путем завоевания для нее большего «жизненного пространства»⁹⁵.

Подобные мысли получили последовательное развитие и в трудах других теоретиков ВНС, в частности П. Н. Балашева, который, акцентируя внимание на исторических заслугах и величии Российской империи, требовал проведения активной, конкретной, прагматичной, независимой внешней политики при полной боевой готовности армии⁹⁶.

Фактически теоретики ВНС требовали реализовать на практике принцип «внешнеполитической автаркии».

Рассматривая проблемы практической реализации данной концепции на примере вопросов о взаимоотношениях со странами западной Европы, Ковалевский высказывался прямо и беспартийно: Россия не должна вступать в тесные контакты ни с одной из европейских держав. При этом мыслитель не отрицал возможности доброжелательных отношений со странами Европы, но только в «прагматических» целях, под которыми имел в виду прежде всего экономическое сотрудничество.

---

⁹⁴ См.: *Меньшиков М. О. Из писем к близким // Новое время. 1903. 7 сент. Его же. В своих рассуждениях о национализме я выражаю лишь свое личное мнение // Новое время. 1908. 30 окт.; Его же. У себя дома // Новое время. 1912. 21 окт.; Его же. Хозяева Туркестана // Новое время. 1908. 22 нояб.; Его же. У всех неблагополучно // Новое время. 1908. 15 нояб.*

⁹⁵ См.: *Меньшиков М. О. Задачи будущего // Письма к русской нации. С. 366–373; Его же. Война или аукцион // Новое время. 1908. 27 авг.; Его же. Связанные враги // Новое время. 1911. 6 окт.; Его же. С кем воевать? // Новое время. 1912. 12 апр.; Его же. Великолепная теория господина Сазонова // Новое время. 1912. 17 апр.*

⁹⁶ См.: *Балашев П. Н. О политике России в последние века и предстоящих ей задачах. С. 91.*

«Россия была, есть и будет одна, сама в себе. Россия должна быть сама для себя»⁹⁷, – заключал в итоге собственных рассуждений П. И. Ковалевский.

Сходной точки зрения придерживался в данной связи и М. О. Меньшиков. Так, критически рассматривая в своих работах внешнюю политику Российской империи на протяжении XIX века, мыслитель пришел к выводу о том, что идеальной целью внешней политики России должно было являться создание «закрытого» однородного в этнографическом плане государства, что позволило бы не только решить проблемы экономического развития страны, но и в известной степени «догнать» Запад, освободившись при этом от дурного влияния его идей.

При этом основой такого «прорыва» стал бы тот богатый западный опыт, который уже в значительной степени накоплен ценой огромных жертв за ненужные России интересы.

Однако конкретный анализ существующих внешнеполитических реалий первой четверти XX века и перспективы начала общемировой войны заставляли теоретиков ВНС в известной степени отказаться от концепции «внешнеполитической самодостаточности» и рассматривать различные варианты выбора союзников. В данном отношении теоретики ВНС проделали синхронную с правительством эволюцию в своих предпочтениях.

Так, в 1908 г. Меньшиков, как и представители крайне правых, заявлял о необходимости достижения союзнических отношений с Германией и Турцией по причине их непосредственной близости к сухопутным границам империи и отсутствием с этими державами существенных противоречий. Естественно, существенную роль в данной связи играл факт династийного родства русской и немецкой империй⁹⁸.

В дальнейшем под влиянием таких событий, как Боснийский кризис и Балканские войны, теоретик ВНС изменил свою точку зрения и, видя неизбежность начала мировой войны, высказывался за союз с Антантой, в частности с Великобританией.

При этом Меньшиков, демонстрируя свойственный ему высокий уровень политической проницательности, ставил в ка-

---

⁹⁷ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. С. 118–119.

⁹⁸ См.: Меньшиков М. О. Кадетская политика // Новое время. 1908. 26 февр.

честве одного из главнейших условий возможного союза с Антантой четкое закрепление взаимных гарантий и приведение армий этих стран в состояние полной боевой готовности при возможном нападении Германии на Россию⁹⁹.

Заметим, что о подобной необходимости подготовки к мировой войне заявляли и другие теоретики ВНС, например, полковник В. Г. Александров¹⁰⁰.

Особым вопросом в контексте внешнеполитических воззрений теоретиков ВНС становилась проблема взаимоотношения с родственными славянскими народами Южной и Западной Европы, которые вели в первой четверти XX века ожесточенную борьбу за национальную независимость. Следует заметить, что в данных вопросах в позициях П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова наблюдались существенные расхождения, которые были связаны с их отношением к славянофильской традиции понимания данных проблем, а точнее, к панславизму.

Позиция М. О. Меньшикова в этой связи представлялась наиболее четкой и последовательной, не претерпела с течением времени значительных изменений.

Воспринимая панславизм в качестве романтической мечты славянофилов, теоретик ВНС делал акцент на его практической неосуществимости в силу законов развития национализма, в результате действия которых происходило, по его мнению, не соединение, а отталкивание славянских наций¹⁰¹. Кроме того, Меньшиков резко отрицательно оценивал саму необходимость помощи славянам в организации собственной борьбы за независимость, ориентируясь при этом на красноречивые исторические примеры взаимной «платы» славян за оказываемое им содействие¹⁰². Таким образом, позиция Меньшикова по отношению к междуславянскому взаимодействию в общемировом масштабе сводилась к следующему утверждению: «Я никогда панславистом не был, никогда не проповедовал слияния с Россией остального славянства и признаюсь, в глубине души

---

⁹⁹ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1912. 29 июня; *Его же*. Письма к ближним // Новое время. 1912. 15 дек.

¹⁰⁰ См.: Известия ВНК. 1911. № 2. С. 124.

¹⁰¹ См.: Меньшиков М. О. Задачи будущего // Письма к русской нации. С. 417–423.

¹⁰² См.: Меньшиков М. О. Кто кому должен // Новое время. 1913. 3 авг.

Глава III. Взгляды П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по проблемам... никогда не верил в это, не желал этого»¹⁰³. При этом теоретик ВНС настаивал на желательности создания со славянскими народами взаимовыгодных союзнических отношений, основанных на принципах равенства и взаимного уважения¹⁰⁴.

Позиция П.И. Ковалевского по данным вопросам была сложнее, противоречивей и подверглась некоторой эволюции. Так, еще в 1912 г. Ковалевский в данных вопросах в целом разделял точку зрения Меньшикова, не принимая в расчет взгляды панславистов.

Воспроизводя логическую схему рассуждений своего коллеги по партии, Ковалевский, активно ссылаясь на историю взаимоотношений России и славянских народностей, утверждал, что Российская империя ценой множества потерь активно помогала братьям по крови на протяжении всего XIX века. Однако славяне не осознавали этот священный долг, продолжая совершать в ответ порой дерзкие выходки в адрес России. Данный исторический опыт Россия должна была хорошо уяснить.

Идеальной моделью отношений России и славян, по Ковалевскому, являлось их взаимодействие в качестве старших и младших партнеров, при котором Россия, намеренно не предпринимая попыток организовать славянский союз, теоретически могла войти в него только на правах старшего, стать в его главе, превратив русское дело в общеславянское. Итог своих рассуждений в этой связи теоретик выразил следующим образом: «Если Россия будет для славян, но и славяне для России. Смотреть же на Россию, как на дойную корову – время прошло!»¹⁰⁵.

Однако Балканские войны и приближение Первой мировой войны произвели на Ковалевского огромное впечатление, активизировав «славянофильские» нотки в его высказываниях. Так, в работах этого периода теоретик ВНС, соглашаясь с мнением поздних славянофилов, указывал на возможность посредством победы в мировой войне способствовать созданию единой славянской нации, общеславянской федерации под рус-

---

¹⁰³ Меньшиков М. О. Разноголосица // Письма к ближним. 1916. С. 530.

¹⁰⁴ См.: Меньшиков М. О. Письма к ближним // Новое время. 1912. 1 дек.

¹⁰⁵ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 41–42.

ским началом, призывая Россию активно вмешаться в ситуацию на полуострове¹⁰⁶.

Уверенность мыслителя в возможности подобного исхода событий не поколебала даже и вторая Балканская война. Так, в 1915 г. Ковалевский подчеркивал: «Объединение славян есть роковое исполнение естественного исторического закона национального бытия. В его исполнении проявляются какие-то силы нам непонятные и нами непостижимые»¹⁰⁷.

Заметим в этой связи, что подобные панславистские тенденции в этот период времени были характерны и для высказываний других теоретиков ВНС. Так, лидер партии П. Н. Балашев в 1913 г. подчеркивал настоятельную необходимость военного вступления России в Балканские войны, завоеваний проливов, утверждения в Константинополе с целью в конечном итоге «вместе со своими младшими братьями сделаться участницей в самом обладании балканской землей»¹⁰⁸, а ведущий партийный функционер П. Кулаковский участвовал в многочисленных славянских съездах, полностью поддерживал панславистское движение¹⁰⁹.

Завершая анализ внешнеполитических воззрений Меншикова и Ковалевского, отметим следующее. Теоретики ВНС не разработали целостной концепции внешней политики. Единственным критерием в данном отношении выступал подверженный ситуационной конъюнктуре принцип национального прагматизма «блага» нации, требовавший проведения активной, самостоятельной, действенной политики, что придавало внешнеполитическим построениям националистов чрезвычайную гибкость. Представляется, что в этом заключается главное достоинство их взглядов. Однако концепция идеологов ВНС была весьма теоретичной, оторванной от реальности, ведь практическое воплощение идеи «внешнеполитической автаркии» в геополитических реалиях начала XX века было весьма

---

¹⁰⁶ См.: *Ковалевский П. И.* Значение национализма в современном движении балканских славян. Ростов н/Д : Тип. Полубатко, 1912. С. 31–32.

¹⁰⁷ *Ковалевский П. И.* Немцы – психологический очерк // Наши враги. Очерки. Библиотека «Голоса России». Пг. Вып. I. 1915. С. 4.

¹⁰⁸ *Балашев П. Н.* Заветная мечта каждого русского. СПб. : Изд-во С-Петербур. отд. нац. Союза, 1913. С. 4.

¹⁰⁹ См.: Известия ВНК. 1911. № 1. С. 50–52.

затруднено. Россия для успешного движения по пути реформ при учете объективного роста противоречий между ведущими державами объективно нуждалась в союзниках, в связи с чем предлагаемая националистами ее международная самостоятельность и независимость была равносильна гибели.

Кроме того, во взглядах теоретиков ВНС по данным вопросам просматривались и откровенные элементы «умозрительного романтизма», противоречивости по отношению к другим частям их идейной доктрины, что наиболее четко проявилось в представлениях Ковалевского относительно отношений со славянскими народами. Естественно, данный факт являлся признаком слабости внешнеполитической концепции теоретиков ВНС.

Итак, проанализировав проект общественно-политического устройства Российской империи, предлагаемый Меньшиковым и Ковалевским, стоит, на наш взгляд, констатировать тот факт, что их воззрения существенно повлияли на официальную позицию ВНС в данных вопросах.

При этом главной отличительной чертой отношения теоретиков ВНС к данным проблемам являлось органическое неприятие системы самодержавной власти, существующей до 1905 г., в связи с чем они предлагали концепцию ее реформирования.

В общих чертах данный проект следует охарактеризовать следующим образом: крепкая авторитарная власть при конструктивном народном представительстве и деятельностном правительстве, охраняющая широкие гражданские свободы, защищающая традиционные ценности, обеспечивающая нравственное оздоровление общества. При этом такого рода организованная власть должна была опираться на институты самоуправления, обеспечивающие ее максимально эффективную реализацию, сильную армию в качестве залога ее крепости и независимости, самостоятельную церковь, духовно скрепляющую русское национальное единство.

Важнейшим принципом данной концепции являлось принятие лозунга «кадры решают все», в соответствии с которым оба мыслителя уделяли повышенное внимание качественному составу общественно-политических институтов. Именно при таком государственном устройстве, по мнению теоретиков

ВНС, обеспечивалось бы поступательное развитие Российской империи и нации.

Таким образом, М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский стремились создать принципиально новую, в значительной степени своеобразную концепцию общественно-политического развития Российской империи, пытаясь найти возможность для обеспечения существования традиционных ценностей русской цивилизации в новых условиях утверждения капитализма. Иначе говоря, теоретики ВНС стремились сформулировать адекватный ответ цивилизационного развития русской имперской государственности на вызовы времени. При этом вслед за премьером Столыпиным, Ковалевский и Меньшиков рассматривали в качестве главного элемента необходимой стратегии ее эволюционирования метод постепенного прогрессивного развития, осуществляемого с помощью умеренных реформ на основе использования позитивного опыта западных стран.

Однако, как представляется, теоретикам ВНС не удалось реализовать свою концепцию вследствие, как минимум, трех обстоятельств.

Во-первых, длительная стратегия реформ была изначально обречена на провал в условиях быстро прогрессирующего кризиса самодержавия, ускоренного мировой войной. Думается, что это понимал и сам Меньшиков, который, как уже было показано, после уничтожения русской монархии предлагал не критически перенять опыт государственного строительства ведущих стран западной Европы, усматривая лишь в таком варианте развития событий единственный шанс для спасения русской государственности. Единственным выходом в новых условиях, на наш взгляд, являлась только радикальная попытка «санации» государственного имперского механизма, осуществляемая путем отказа от ряда традиционных общественно-политических институтов.

Во-вторых, формулированию последовательной, а главное, практически осуществимой концепции имперского развития мешали, на наш взгляд, и предельная теоретизированность, идеализм взглядов Ковалевского и Меньшикова. Оба мыслителя были склонны создавать своеобразные мифы об идеально организованных Государственной Думе, правительстве, фор-

Глава III. Взгляды П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по проблемам...
мах политической деятельности, которые мало учитывали реальные условия.

В-третьих, немаловажное значение имел и тот факт, что в качестве базового элемента политического реформирования Ковалевский и Меньшиков обозначали принцип национального прагматизма, что на практике означало сочетание как либеральных, так и консервативных, антилиберальных мировоззренческих элементов. С перечисленными факторами была связана очевидная трудность при формулировании четкой и последовательной концепции отношения русских националистов к важнейшим вопросам действительности даже в теории, не говоря о возможности ее практического воплощения.

Тем не менее, отметим, что идеи теоретиков ВНС относительно организации государственности существенно повлияли на традицию русской общественной мысли и впоследствии творчески перерабатывались представителями националистического направления, такими как, например, Н. Устрялов, И. Ильин, И. Солоневич¹¹⁰. В наибольшей степени принципы авторитарности, единоначалия, дисциплины, гражданственности, содержащиеся в проектах теоретиков ВНС, развивают уже современные националисты, например, Е. Холмогоров¹¹¹.

---

¹¹⁰ См.: *Ильин И.* Россия есть живой организм [Электронный ресурс] // Русское небо : [сайт]. [2007]. URL : <http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/ilin/nz/nz-92-93.htm> (дата обращения: 09.10. 2007); *Солоневич И.* Народная монархия. Буйэнос-Айрес: Наша страна, 1973. [Электронный ресурс]. URL : <http://rusmonarh.narod.ru/monarhia/01.htm> (дата обращения: 09.10.2007); *Устрялов Н.* К вопросу о русском империализме // Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России». 1916. 15 окт. С. 1–5.

¹¹¹ См.: *Холмогоров Е.* Русский националист. М. : Европа, 2006. С. 290–315.

ГЛАВА IV

ВЗГЛЯДЫ

П. И. КОВАЛЕВСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков придавали огромное значение проблематике взаимоотношений народов в составе Российской империи. В этой связи М. О. Меньшиков констатировал – «Инородческий вопрос самый грозный из всех, ибо в нем дело идет о душе народной»¹.

Данный факт являлся неудивительным, поскольку, позиционируя себя в качестве идеологов русского национализма, именно в обеспечении приоритетности прав русской державной нации относительно остальных народностей, проживающих на территории страны, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков видели главную внутривластную задачу правительства.

Важнейшее значение проблематики межнациональных отношений в сравнении с другими направлениями внутренней политики, по мнению теоретиков русского национализма, определялось следующими факторами. Во-первых, утверждалось, что национальный вопрос приобрел в начале XX века чрезвычайную остроту. По мнению Ковалевского и Меньшикова, от того или иного его решения прямо зависели перспективы развития русской государственности, а игнорирование данных проблем могло привести не иначе как к структурному кризису и конечному распаду Российской империи. Таким образом, лишь при удачном решении национального вопроса, при построении правильной стратегии межнациональных отношений, по мнению П. И. Ковалевского и М. О. Меньшико-

---

¹ Меньшиков М. О. Письма к ближним за 1907 г. СПб. : Изд-во М. О. Меньшикова. 1907. С. 239.

ва, становилось возможным обращение к другим актуальным политическим задачам.

Обосновывая подобным образом важность и значимость проблематики межнациональных отношений, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков разрабатывали собственный подход к решению национального вопроса. Отметим, что мировоззренческие установки, характеризующие их отношение к данной проблематике, в целом совпадали с высказываниями других теоретиков русского национализма и крайне правых. В этой связи согласимся с мнением современного исследователя Д. Раскина, который утверждает, что для подхода националистов и других правых характерными являлись утверждение о том, что интересы русского народа и остальных народов империи в значительной степени несовместимы, и поэтому нерусские народности могут существовать лишь при русском господстве, тезис о том, что русский народ находится в угнетенном положении в собственном государстве, и поэтому любые меры, направленные против «инородцев», во многом будут носить справедливый и обоснованный характер, а также апокалипсическое представление, связанное с тем, что русский народ столкнулся в начале XX века не просто с вспышкой «инородческого» сепаратизма, а с настоящими силами ада². Таким образом, проблематика межнациональных отношений рассматривалась и в некоем религиозно-мистическом контексте.

При анализе данной проблематики теоретики национализма стремились, так сказать, к ее «комплексному» всестороннему пониманию. Так, в своих сочинениях они анализировали аспекты генезиса национального вопроса, выявляли особенности современного состояния межнациональных отношений, критически оценивали национальную политику правительства и, наконец, формулировали конкретные теоретические принципы решения национального вопроса, разрабатывали стратегию национальной политики в ее практическом воплощении.

Обобщая выше сказанное отметим, что специфика подхода М. О. Меньшикова и П. И. Ковалевского, как и других теоре-

---

² См.: Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки / под ред. О. Т. Вите, В. М. Воронкова, Р. Ш. Ганелина, Б. М. Фирсова. СПб. : Институт социологии РАН, 1992. С. 16–18.

тиков русского национализма, к анализу проблематики межнациональных отношений заключалась в том, что национальный вопрос рассматривался ими в самостоятельном качестве, а возможность его позитивного решения прямо не связывалась с проведением широкомасштабного реформирования каких-либо отдельных сфер общественной жизни.

Возникновение и обострение национального вопроса в Российской империи в начале XX века явилось по справедливому утверждению идеологов ВНС объективным явлением. Главными причинами такого положения дел, по мнению П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, стали, с одной стороны, объективный процесс развития самосознания нерусских народностей, что было спровоцировано политикой правительства, а с другой – непоследовательное русификаторство правящих кругов, не способное в итоге не только законсервировать развитие национального сознания нерусских народностей в составе империи, но и приводящее к негативному восприятию нерусскими окраинами всей государственной системы империи.

Кроме того, по мысли идеологов национализма, попытки со стороны правительства создать единое измерение имперской гражданственности на основе максимального учета прав всех народов, входящих в ее состав, оказались просто неприемлемыми, поскольку приводили к тому, что русская нация, совершенно не приспособленная к жизнедеятельности в условиях капиталистической системы, оказалась в роли аутсайдера и теряла господствующее положение во всех сферах общественной жизни. Различного рода статистические данные, подчеркивающие невыгодность положения русских, а порой и их дискриминацию в империи приведены в работе С. М. Сергеева³.

Конкретным выражением остроты и неразрешенности национальных противоречий в Российской империи к началу XX века, по мнению как Ковалевского, так и Меньшикова, являлось существование двух параллельных процессов в общественно-политической жизни государства. Так, в первую очередь, обращал на себя внимание неконтролируемый рост влияния нерусского населения империи, что сопровождалось ухудшением положения представителей державной нации, их

---

³ См.: Сергеев С. М. Указ. соч. С. 177–186.

дискриминацией со стороны полунерусских по составу правительственных структур. Вследствие этого законодательные ограничения, наложенные правительством в отношении правового положения некоторых нерусских народностей, перестали соблюдаться, подвергаясь прямому нарушению, превращаясь в политический анахронизм. П. И. Ковалевский, описывая данный процесс, отмечал: «Эксплуатация населения небольшой группой немецкой партии, захватившей власть в свои руки, велась самым бесстыдным образом. Коренное население лишено возможности не только отстаивать свои права, но даже искать себе правды и справедливости, так как суды были пародией на суд, совесть народа насилывалась фанатизированными пасторами, а школы открыто онемечивались и воспитывали население в духе корено-враждебном всему русскому, причем, разумеется, русский язык был изгнан из школы, так и из суда и административных учреждений»⁴.

Фактически речь в понимании всех без исключения националистов и крайне правых шла о так называемом инородческом «засилье». Под «засильем» теоретики русского национализма понимали внедрение нерусского населения во все сферы общественной жизни Российской империи и завоевание там ключевых позиций. М. О. Меньшиков в своих работах рисовал прямо апокалиптическую картину «инороднического» проникновения во все сферы жизни общества, включая центральный механизм функционирования имперской власти⁵. В итоге рассмотрения данной проблемы теоретик национализма констатировал: «Расхищение русской территории и государственности началось давно еще при торжестве старого режима (до 17 октября 1905 г. – П. С.). То же расхищение земли и прав русской народности вошло и в новый порядок. Идет гибельный процесс какого-то завоевания без боя... вся Россия войдет скоро в нисходящий реестр»⁶.

---

⁴ См.: Ковалевский П. И. Александр III – царь-националист // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М. : Граница, 2005. С. 206.

⁵ См.: Меньшиков М. О. Захват Петербурга // Новое время. 1908. 26 июля; *Его же*. Нация просыпается // Новое время. 1909. 6 окт.; *Его же*. Польский гнет // Новое время. 1909. 7 мая и т. д.

⁶ Меньшиков М. О. Чудовищный захват // Новое время. 1908. 15 июля.

Данный вывод теоретиков русского национализма нашел подтверждение и в различного рода свидетельствах их современников. Так, информируя о положении дел на местах, один из членов Всероссийского национального союза сообщал в главный совет: «Не преувеличу, если скажу, что весь юг России находится в руках немцев»⁷. В данном случае имелся в виду широкий захват немцами южных земельных угодий, в результате чего русское крестьянство, проживающее на данных территориях, оказывалось в чрезвычайно зависимом от них положении. Главный совет ВНС располагал также свидетельствами об ослаблении русского влияния и на других имперских окраинах, в частности в Карелии⁸. Респондент ВНС в северо-западных областях империи Н. О. Мальцев неоднократно сообщал об экономических злоупотреблениях евреев – владельцев крупных предприятий, в результате которых многие русские жители края были незаконно уволены с работы, что привело к организации ими отрядов самообороны, «дабы противопоставить еврейскому началу сплоченные русские силы»⁹.

Заметим, что непосредственным доказательством утверждения теоретиков ВНС о существующем «инородническом» засилье являются статистические данные относительно национального состава дворянского сословия. В связи с этим Р. Пайпс в своей работе прямо указывает на тот факт, что уже в последний период существования Московского государства в структуре служилого сословия преобладали нерусские элементы (две трети состава)¹⁰. Вполне естественно предположить, что с течением времени ситуация еще более усугубилась.

Не стоит также забывать и о том, что коренное русское население империи несло в полном объеме основные государственные повинности, в то время как, например, финны и поляки пользовались существенными автономными правами и всевозможными льготами. Крепостное состояние в собственно российских губерниях было отменено в среднем

---

⁷ Письма в ВНС // ГАРФ. Ф. 1719 (Всероссийский национальный союз). Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

⁸ Там же.

⁹ Письмо Н. О. Мальцева в ВНС // ГАРФ. Ф. 1719 (Всероссийский национальный союз). Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

¹⁰ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Захаров, 2004. С. 251.

на полвека позже, чем на имперских окраинах, там, где оно существовало.

С другой стороны, нельзя не отрицать, что идеологи ВНС, делая выводы о таком положении дел в межнациональных отношениях внутри империи, нередко видели ситуацию односторонне, склонны были в своих оценках к значительной гиперболизации и драматизации реального положения дел.

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, впрочем, как и большинство других идеологов русского национализма, были солидарны в оценке того негативного влияния, которое оказывали «инородцы» на развитие Российской империи. Меньшиков в многочисленных статьях уделил значительное внимание данной проблеме. Прежде всего мыслитель доказывал нежелательность наличия нерусских элементов в имперской общественной структуре, вследствие объективного действия теоретически им обоснованного «закона смешения». Руководствуясь принципами крайнего антропологизма и распространяя действие физико-химических закономерностей на общественную жизнь, публицист утверждал, что априори чистое вещество (моноэтническое государство) в результате попадания в его структуру чужеродных (этнических) элементов теряет свои положительные качества и в значительной степени портится¹¹. Таким образом, уже сам по себе факт присутствия «инородцев» в составе российского государства не мог привести к каким-либо благоприятным последствиям. Наоборот, Меньшиков констатировал: «Из быстрого и постепенного инородческого засилья происходит быстрое или постепенное перерождение тканей общества, нарушение равновесия в их составе и в механическом расположении»¹².

Положение дел в значительной степени усугублялось и вследствие воздействия деструктивной по своей сути идеологии «инороднического» сепаратизма. Определяя главные цели нерусских народов, Ковалевский и Меньшиков подчеркивали стремление «инородцев» не к оформлению национально-культурной автономии, а именно к созданию собственного поли-

---

¹¹ Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 158.

¹² Меньшиков М. О. Развал Востока // Новое время. 1909. 2 апр.

тически независимого государства. При этом по убеждению Меньшикова и Ковалевского, подчиненные нации для достижения своей сокровенной цели использовали самые разнообразные средства – от мирного реформирования, если это было возможно, до кровавой революции¹³. Именно поэтому и вся деятельность нерусских народностей, осуществляемая ими в составе империи, воспринималась не иначе, как подготовка к вооруженному столкновению с державной нацией в борьбе за осуществление указанных устремлений. П. И. Ковалевский, кроме того, замечал, что подобного рода подрывная деятельность нерусских осуществлялась при полном попустительстве со стороны правительства и общественных сил¹⁴.

М. О. Меньшиков отмечал также, что немалая опасность для Российской империи состоит в том, что национальные движения «инородцев» могут спровоцировать столкновение великих держав, готовых воспользоваться удобным моментом для нахождения предлога для войны с Россией с целью ее ослабления.¹⁵ Однако теоретик национализма, оценивая различные варианты возможного хода событий, приходил к выводу, что сам факт иностранного вмешательства в дела Российского государства вызвал бы, во-первых, подъем реакции, в результате чего были бы уничтожены даже зыбкие предпосылки для реформирования в национальном вопросе с целью удовлетворения основополагающих требований «инородцев», а во-вторых, кровопролитие среди мирного населения национальных окраин в результате военного вторжения русской армии. Именно поэтому Меньшиков считал ставку лидеров национального сепаратизма на иностранное вмешательство, по меньшей мере, неоправданной.

Кроме того, доказательством бесперспективности развития идеологии сепаратизма, по мысли М. О. Меньшикова, выступало и то обстоятельство, что устремления к собственному государственному конституированию ни одной из нерусских групп, проживающих на территории Российской империи, не были

---

¹³ Меньшиков М. О. Мания бунта // Национальная империя. С. 32.

¹⁴ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. СПб. : Тип. М. Акинфиева, 1912. С. 32.

¹⁵ Меньшиков М. О. Мания бунта // Национальная империя. С. 32.

оправданы с точки зрения исторической логики. «Инородцы наши не сумели создать своего величия и тем настойчивее примазываются к чужому. Но голос науки столь же настойчиво осаживает их назад,»¹⁶ – утверждал публицист.

Таким образом, в данном вопросе теоретики русского национализма исходили, с одной стороны, из признания факта объективной угрозы развития идеологии «инороднического сепаратизма» для самого существования Российской империи, а с другой – доказывали ее бесперспективность и утопичность, приводя при этом отнюдь не бесспорные доводы.

Исходя из вышесказанного, отрицательное влияние «инородцев» на все структуры имперской общественности, по мнению теоретиков национализма, не требовало особых доказательств. В этой связи говорилось, в первую очередь, о деструктивном «инородническом» воздействии на глубинные основы русского национального сознания¹⁷. Кроме того, публицист «Нового времени» замечал и тот факт, что «инородническое» влияние прямым образом разрушает центральную основу любой общественной национальной структуры – аристократию, способствуя ее вырождению в национальном смысле¹⁸. Данный факт, по Меньшикову, имел прямо-таки катастрофическое последствие для судеб русской государственности¹⁹.

Наконец, Меньшиков обосновывал мысль о том, что именно вследствие влияния нерусских народностей и их масштабной интеграции в управленческие структуры империи происходила парализация государственной власти, а ее институты теряли возможность для осуществления твердой и последовательной политики²⁰. Именно поэтому Меньшиков требовал создать однородное в национальном плане правительство и народное представительство, о чем подробнее будет сказано в отдельной части работы.

---

¹⁶ Меньшиков М. О. Они и мы // Национальная империя. С. 292.

¹⁷ См.: Меньшиков М. О. Национальное единодушие // Национальная империя. С. 253.

¹⁸ См.: Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 158.

¹⁹ См.: Меньшиков М. О. Пророчество Даниила // Национальная империя. С. 68–73.

²⁰ См.: Меньшиков М. О. Утомление власти // Новое время. 1910. 11 сент.

В связи со всем вышесказанным совершенно неудивительным выглядел и тот факт, что все без исключения националисты, а также крайне правые, прямо обвиняли нерусское население империи в организации революционного процесса. Иначе говоря, первая русская революция носила, по их мнению, «инороднический» характер. «У нас революция была главным образом инородческая. И Россия гибнет от слишком больших чужеродных окраин, которые покорились силе наших предков, чтобы потом покорить их потомство хитростью»²¹, – писал публицист «Нового времени». В этой связи забастовки рабочих и акты неповиновения крестьян являлись, по мнению мыслителя, лишь попытками организовать русскую самооборону в ответ на наступление сепаративного национализма «инородцев» и бездействие правительства.

Подчеркивая подобный характер русской революции, Меньшиков констатировал весьма печальный для него факт того, что лидеры революции, являющиеся в большинстве своем русскими по происхождению, используют «инородцами» для достижения поставленных ими целей, главной из которых является уничтожение русского государства как самостоятельной политической единицы²².

Стоит заметить, что, хотя с данным радикальным утверждением Меньшикова относительно характера русской революции трудно согласиться, но исторические факты, свидетельствующие об активных выступлениях во время революции 1905 г. против имперской власти на окраинах (таких, как Финляндия, Кавказ, Польша, Прибалтика) действительно имели место, что говорит о значительном развитии национальных движений нерусских народов в это время.

Как видим, при анализе проблематики влияния нерусских народностей на имперскую государственность националисты, как и крайне правые, в основном концентрировали свое внимание на отрицательных моментах. Однако М. О. Меньшиков указывал и на другой аспект их воздействия, связанный с тем, что нерусские народы, особенно поляки и фин-

---

²¹ Меньшиков М. О. Развал Востока // Новое время. 1909. 2 апр.

²² См.: Меньшиков М. О. Двенадцать языков // Национальная империя. С. 49–50.

ны, зачастую выступали «переносчиками» на русскую почву европейских образцов общественности, становясь при этом своеобразной «смычкой» между Россией и Европой, позволяли перенимать позитивный опыт последней. В этом смысле влияние «инородцев», как считал М. О. Меньшиков, трудно было переоценить²³. Однако отмеченный позитивный характер влияния «инородцев» признавался теоретиками русского национализма лишь в ограниченном контексте, а в официальных партийных документах ВНС такое утверждение и вовсе не содержалось.

Таким образом, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков оценивали современное им положение межнациональных отношений в Российской империи как крайне ненормальное и опасное в контексте перспектив дальнейшего существования государства, поскольку главной их особенностью являлось угнетенное положение титульной господствующей нации при ощутимо нарастающем влиянии нерусских народностей. В этом отношении их позиция не расходилась с официальной партийной и не претерпела какой-либо эволюции с течением времени, если не считать, что с началом Первой мировой войны обвинения в адрес нерусского населения, в частности в отношении немцев, стали еще более радикальными.

Подобные характеристики заставляли идеологов ВНС подходить к рассмотрению данной проблематики с особой тщательностью. Так, обращаясь к тематике межнациональных отношений практически в каждой из своих работ, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков сформулировали совокупность принципов, на основе которых и должен был быть решен национальный вопрос в государстве.

Первым ключевым аспектом, выдвигаемым в этой связи идеологами русского национализма, являлся принцип господства русской нации в государстве. В соответствии с ним все представители данной этнической группы должны были иметь привилегированное положение по отношению к другим. При этом утверждение о необходимости господства русских во всех сферах общественной жизни представлялось бесспорным и трактовалось однозначно: «Русский народ есть создатель и

---

²³ См.: Меньшиков М. О. Открытые двери // Новое время. 1906. 10 дек.

собиратель Руси. В России русский народ является господствующей и державной нацией. Только русский народ и он один имеет право рассуждать о состоянии России...»²⁴.

По мнению М. О. Меньшикова, данное утверждение не могло подлежать критическому рассмотрению и по причине его законодательного закрепления в Основных государственных законах²⁵. Господство русской нации обуславливалось самой имперской титулатурой русского государства, которая предполагала не «руководство» и «водительство» по отношению к остальным имперским «инородцам», а именно ее царственное господство²⁶.

Заметим, что тезис «Россия для русских» в качестве безусловной истины принимался на вооружение не только всеми без исключения другими видными теоретиками русского национализма, но и идеологами крайне правых. Ковалевский и Меньшиков стремились подчеркнуть справедливость выдвинутого ими лозунга прежде всего ссылками на его применимость в общественной практике развитых европейских стран. Так, М. О. Меньшиков отмечал: «Россия “для русских” совершенно так, как Англия для англичан»²⁷.

С другой стороны, оба теоретика национализма спешили оговориться, что принятие принципа «Россия для русских» утверждает справедливые права господствующей нации, но никак не означает начало наступления на «инороднические» права или их дискриминацию. Продолжая данную мысль, другой видный теоретик русского национализма Н. О. Куплеваский отмечал: «Слово господство разумеется не в смысле порабощения. Никто не помышляет о какой-либо рабской или крепостной зависимости каких-либо инородцев, но оно разумеется в смысле политическом и экономическом»²⁸.

---

²⁴ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб. : тип. Акинфиева, 1912. С. 241.

²⁵ Меньшиков М. О. Чье государство Россия? / М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. М., 2005. С. 73–74.

²⁶ Меньшиков М. О. Нецарственный империализм / М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. С. 186.

²⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним за 1907 г. СПб. : издательство М. О. Меньшикова, 1907. С. 636.

²⁸ Куплеваский Н. О. Всероссийский Национальный Союз. СПб. : тип. Леонтьевича, 1908. С. 5.

Таким образом, практическая реализация данного лозунга означала в представлениях идеологов ВНС в первую очередь установление патриархального главенства русской нации над «инородцами» по принципу внутрисемейного старшинства и стремление к созданию условий, при которых осуществлялось бы взаимовыгодное сотрудничество русских и других имперских народностей.

Однако, обосновывая выдвинутый принцип, идеологи русского национализма, как и крайне правые, сталкивались с фактически неразрешимой проблемой, так как затруднялись однозначно ответить на вопрос о том, что такое русская нация, назвать главный системаобразующий ее элемент. Данная проблема, которую можно условно обозначить в качестве «проблемы национальной идентификации», является, на наш взгляд, ключевым противоречием любой националистической идеологии, и в этой связи теоретики русского национализма начала XX века не явились исключением.

Иными словами, при понимании данного теоретического постулата неминуемо возникали проблемы, связанные с определением состава той этно-социальной группы, которая должна была получить несравнимо большую совокупность прав во всех сферах общественной жизни по сравнению с другими. В работах теоретиков русского национализма в данной связи обращалось внимание на два взаимосвязанных критерия состава русской нации.

Во-первых, он мог определяться на основе этнографического признака, и тогда под русскими понимались три ветви восточного славянства – великорусы, малороссы и белорусы²⁹. В данном отношении представляется, что позиция националистов не являлась достаточно обоснованной и была во многом идеализированной. Прямым доказательством этого является тот факт, что Меньшиков и Ковалевский, как и другие теоретики русского национализма, отказывались воспринимать объективное существование такого общественного течения, как украинофильство, даже несмотря на то что к началу

---

²⁹ Ковалевский П. И. История Малороссии. СПб. : Тип. В. Коротаевой, 1912. С. 5; Меньшиков М. О. Национальный союз // Письма к русской нации. С. 67.

XX века оно не только теоретически оформилось, но и имело весьма широкую общественную поддержку в интеллигентской среде³⁰. Называя данное течение исторически неоправданным, верхушечным, болезнью непросвещенной интеллигенции, наконец, спровоцированным недоброжелателями России государственным преступлением³¹, Меньшиков и Ковалевский не хотели замечать факта наличия у украинцев собственного национализма, само существование которого в значительной степени опровергало концепцию понимания состава русской нации в качестве этнографического единства трех родственных народов.

Во-вторых, теоретики русского национализма определяли состав русской нации, руководствуясь французской традицией понимания термина «нация», то есть зачисляли в ее состав всех полноправных граждан российской империи. Однако такими гражданами могли стать лишь лояльно настроенные по отношению к русскому государству и нации представители нерусских народов³².

Отметим также, что в принципе теоретики русского национализма, соглашаясь с авторитетными крайне правыми, в частности с И. П. Мордвиновым и Д. И. Иловайским³³, склонны были понимать под основным критерием принадлежности к русской национальной общности приверженность православному вероисповеданию.

Таким образом, термин «русская нация» в итоге принимал весьма расплывчатые черты, что объективно отрицательно сказывалось на стройности всей концепции разрешения нацио-

---

³⁰ Одним из идеологов украинофильства являлся М. Грушевский, который сформулировал четкую идейную концепцию течения. Подробнее см.: *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос: Статьи и заметки. СПб. : Общественная польза, 1907. 294 с.

³¹ Подробнее см. работы: *Ковалевский П. И.* История России с национальной точки зрения. С. 92; *Его же.* История Малороссии. С. 103, 213; *Меньшиков М. О.* Великорусская партия // Национальная империя. С. 145–151; *Его же.* Могильщикам России // Письма к русской нации. С. 442–447; *Его же.* Быть ли России великой // М. О. Меньшиков. Письма к русской нации. С. 224–232.

³² См.: *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма. С. 17.

³³ Об их позиции см.: *Омельяничук И. В.* Консервативно-монархическое движение в Российской империи (1901–1914 гг.) : дисс. д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 473.

нального вопроса. Тем не менее, выдвигая подобный принцип, Ковалевский и Меньшиков дали в своих работах фундаментальное обоснование причин необходимого господствующего положения русских в империи.

Прежде всего, по мнению М. О. Меньшикова, данный факт прямо содействовал успешной реализации творческого потенциала государства, являл собой первейшую необходимость для его успешного, поступательного развития³⁴. По Меньшикову, утверждение господствующего положения русских полностью соответствовало логике развития национализма как общественного феномена. Речь, в первую очередь, шла об уже упомянутом объективном стремлении любой национальной общности (в данном случае) русской к утверждению единоличного господства в государстве. Главнейшим фактором при этом, по Меньшикову, выступал принцип здорового национального эгоизма, являющийся неотъемлемым компонентом в структуре самосознания любой национальной общности³⁵.

П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков также обосновывали приоритетные права русской нации в Российской империи ссылаясь на тенденции исторического развития русской государственности. В этом смысле господствующее положение русской нации в государстве определялось, прежде всего, ее вкладом в дело государственного строительства, теми материальными и духовными затратами, которые она понесла в развитии данного процесса. Идеологи русского национализма резонно замечали, что государство, созданное посредством титанических усилий преимущественно одного русского народа, не может позволить себе уравнивание в правах народа-хозяина страны и всех остальных. Немаловажное значение имел и тот факт, что, признавая необходимым практическую реализацию державных прав русской нации, Меньшиков, указывая, что такое ее приоритетное положение в государстве порождает целый комплекс обязательств, прежде всего, связанных с ответ-

---

³⁴ См.: Меньшиков М. О. Чье государство Россия? // Национальная империя. С. 77.

³⁵ См.: Меньшиков М. О. Русское пробуждение // Национальная империя. С. 177.

ственность за охрану государственного бытия империи и ее дальнейшее поступательное развитие³⁶.

Меньшиков и Ковалевский соглашались с доказательствами необходимого господствующего положения русских в государстве, приведенными в работах других теоретиков русского национализма. Так, не вызывало сомнения утверждение приоритета русской нации в государстве по причине ее численного превосходства, лучшего общественно-политического устройства, особого отношения к «инородцам» и т. д.³⁷

Идеологи ВНС, руководствуясь собственной теорией нации и национализма, также разделяли мнение о том, что господство русской нации в империи определялось и на основе ее «права сильного» в отношении других соподчиненных наций.

Господство, по мнению Меньшикова и Ковалевского, означало и высшую степень ответственности. Именно поэтому оба теоретика ВНС утверждали, что русским следует доказать, что они имеют все основания пользоваться исключительными привилегиями в Российской империи, что было невозможно сделать без проведения мер, направленных на развитие русского национального сознания.

Таким образом, отметим, что П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, обосновывая необходимость господствующего положения русской нации в государстве, развивали и дополняли идеи других теоретиков русского национализма, формируя официальную позицию ВНС, которую выразил первоначальный лидер Союза князь Урусов. На учредительном собрании Союза он отметил: «Никак нельзя допускать хотя бы малейшего унижения в России русского же человека, который первый создал нынешнюю нравственную и физическую мощь своей великой Родины»³⁸. В уставе ВНС в итоге было зафиксировано стремление содействовать господству русской народности в пределах империи, а также укреплять русское национальное единство³⁹.

---

³⁶ См.: Меньшиков М. О. Великорусская партия / М. О. Меньшиков. Национальная империя. С. 148–149.

³⁷ См.: Подобные мысли излагал, например, В. В. Бернов см.: Бернов В. А. Национализм в качестве основы государственности. СПб. : Товарищество художественной печати, 1912. С. 54.

³⁸ Цит. по: Санькова С. М. Русская партия в России. С. 90.

³⁹ Там же.

Заметим, что подобные установления были закреплены во всех без исключения программных документах ВНС и в дальнейшем, что прямо свидетельствовало о том, что в данном вопросе позиция партии оставалась твердой и не претерпела эволюции. Кроме того, отметим, что такого рода установки целиком разделялись и в программных документах крайне правых⁴⁰.

Итогом практической реализации принципа «Россия для русских» для П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова становилась «национализация» всех сфер общественной жизни. Иначе говоря, теоретики национализма обосновывали концепцию «национального государства». Сущность ее состояла в признании того, что именно национально-государственные атрибуты русской нации должны определять общественное «лицо» империи. Оба теоретика национализма считали данный факт первостепенным условием организации имперской государственности. Поэтому, с их точки зрения, любое посягательство на декларируемый принцип со стороны враждебных русской нации сил имело характер политического преступления, к виновникам которого должны быть применимы самые суровые санкции⁴¹. По мнению Ковалевского и Меньшикова, практическая реализация концепции «национального государства» означала бы тот факт, что представители русской нации должны были получить абсолютное большинство во всех управленческих структурах империи, православие, как главнейший определитель и атрибут русской нации, стать господствующей религией с исключительными правами на вероисповедание, а русский язык должен был играть роль государственного языка. Кроме того, русские обязаны были получить исключительные права в экономической и культурной сферах, где государство с помощью особого законодательства должно было производить прямую протекцию их прав и интересов. Новая власть, созданная в национальном государстве, должна была выполнять главнейшую функцию – обеспечивать поступательное развитие державной (русской) нации, способствуя реализации ее прав и их охранению.

---

⁴⁰ Например, см. программу «Русского собрания»: Полный сборник платформ всех русских политических партий, приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб. : ННШ, 1906. С. 126.

⁴¹ См.: *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма. С. 12.

Заметим, что, хотя теоретически концепция «Россия для русских» являлась в целом последовательной, однако, когда речь заходила о практических шагах, направленных на ее реализацию, то здесь возникали очевидные трудности. В этой связи в качестве единственно возможной стратегии практических действий, направленной на осуществление «национализации» государства в перспективе П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, как и другие националисты и крайне правые, рассматривали поэтапную русификацию империи. В то же время отношение к русификации теоретиков национализма являлось противоречивым.

Так, с одной стороны, публицист «Нового времени» считал именно русификацию и ассимиляцию важнейшими средствами успешной реализации идеи национального государства⁴². С другой стороны, тот же Меньшиков в поздних статьях весьма скептически относился к самой возможности и даже желательности их проведения, учитывая возможные последствия, связанные с обострением национального вопроса. Так, публицист в 1916 г. отмечал: «Мы видим, что в живом организме клетки соединены, но вовсе не до слияния друг с другом. Почему-то органический процесс природы требует некоторого сепаратизма»⁴³, а далее констатировал радикальную перемену своей позиции: «Я лично – идейный враг всякого насильственного обрусения. Попытки нашей обрусительной политики мне кажутся жалкими, однако странно было бы не иметь в этой области вовсе никакой политики»⁴⁴.

Таким образом, М. О. Меньшиков на основе изученного опыта влияния проведения русификации на состояние межнациональных отношений пришел к противоречивому выводу о безусловной желательности ее осуществления с точки зрения общегосударственной логики, но принципиальной невозможности вследствие как природно-объективных, так и политических причин.

Отметим, что эволюционирование взглядов Меньшикова в данном вопросе существенно повлияло на официальную пар-

---

⁴² См.: Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 157.

⁴³ Меньшиков М. О. Разногласия // Письма к ближним за 1916 г. Пг. : Изд-во М. О. Меньшикова, 1917. С. 532.

⁴⁴ Там же. С. 531.

тийную позицию. Члены ВНС (особенно левое крыло) на последнем этапе существования партии также не верили в успех русификаторской политики, а скорее отмечали ее пагубность, однако альтернативы ими так и не было предложено.

Подобная позиция Меньшикова роднила его с взглядами национал-либералов, в первую очередь с П. Б. Струве, а также с идеологами крайне правых С. Ф. Шараповым и кн. Мещерским, которые изначально обосновывали нежелательность проведения русификации в виду возможности получения отрицательных практических результатов⁴⁵. Кроме того, мысль о негативном влиянии осуществления русификаторской политики на состояние межнациональных отношений внутри империи в начале XX века убедительно подтверждается современными исследователями данной проблематики⁴⁶.

Таким образом, на наш взгляд, постановка и обоснование принципа господствующего положения русских в империи, а также концепции национального государства заключали в себе объективное противоречие между националистической теорией и практикой. По логике теории главным стратегическим звеном в реализации таких установок являлось проведение русификаторской политики. Однако на практике русификация приводила к совершенно иным результатам, что и видели националисты, в частности, Меньшиков. Но изменить и «подстроить» свои теоретические установки в соответствии с реальной ситуацией теоретики национализма так и не смогли. В итоге желание безотчетно следовать непоколебимым теоретическим установкам возымело верх над трезвой оценкой ситуации, что не могло не привести к идейному кризису всего правого общественного спектра.

Утверждая мысль о необходимости обеспечения приоритетных прав в Российской империи представителям русской на-

---

⁴⁵ См. подробнее: Письма Шарапова и Мещерского // ГАРФ. Ф. 451 (Вергун Д. Н.). Оп. 1. Д. 45; *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М. : Готика, С. 188–189; *Струве П.* Интеллигенция и национальное лицо [Электронный ресурс] // Русский мир: [сайт]. [2007]. URL : <http://www.ushakov.org/society/str.htm> (дата обращения: 09.10. 2007).

⁴⁶ См.: *Вельможко Н. И.* Национальный вопрос в деятельности III и IV государственных дум : дис. канд. ист. наук. М., 1998. 200 с.

ции, Ковалевский и Меншиков должны были определить конкретное правовое положение в государстве нерусских народностей. Стоит заметить, что в общественно-политической мысли Российской империи в начале XX века сложилось две традиции понимания данной проблемы. Если представители первой из них, характерной в основном для всех правых, стремились к обеспечению господствующего положения представителей русской нации, сводя при этом до минимума совокупность прав «инородцев», то представители другого, либерального крыла общественного спектра настаивали на обеспечении равноправия всех проживающих на территории Российской империи наций, видя в этом главный залог для успешного решения национального вопроса⁴⁷.

П. И. Ковалевский и М. О. Меншиков находились в русле правой традиции понимания данных вопросов поэтому отстаивали мысль, органично вытекающую из признания приоритета русской нации в государстве, о необходимых отношениях русских и «инородцев» в вертикали господства – подчинения. Логическим выводом из признания такого тезиса являлось утверждение теоретиков национализма о том, что все нерусские народности, населяющие российскую империю, должны иметь известные правовые ограничения, ставящие их в прямую зависимость от господствующей русской нации. В вопросах о масштабах такого рода правовой дискриминации нерусского

---

⁴⁷ См., например, работы: Автономия, федерация и национальный вопрос. М. : Народная свобода, 1906. 48 с.; Автономия и федерация. Харьков : (Б. и.), 1917. 32 с.; Алексеев В. Народы России и их свободное устройство; Будилович А. С. Вопрос об окраинах России, в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства. СПб. : тип. Войкова, 1906. 26 с.; Выдрин Р. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 100–123; № 2. С. 70–87; Грушевский М. Единство или распадение России? СПб. : Общественная польза, 1907. 15 с.; *Его же*. На национальные темы: К вопросу о национально-территориальной автономии // Русское богатство. 1913. № 1; *Его же*. Национальный вопрос и автономия. СПб. : тип. Общественная польза, 1907. 15 с.; Жаботинский В. Письма о национальностях и областях // Русская мысль. 1911. № 1; Ковалевский М. М. Национальный вопрос в России и равенство подданных перед законом. Варшава: Правда, 1906. 15 с. ; Уравнение национальных прав как основная реформа в Российском государстве. СПб. : Тип. Вейерман, 1909. 60 с.; Ульянов Н.И. Об одном проекте разрешения национального вопроса в России // На темы и русские и общие. Нью-Йорк, 1965. С. 297–304 и др.

населения империи Меньшиков и Ковалевский, также как и другие теоретики национализма, в принципе демонстрировали практически полное единство. Общую позицию националистов по данному вопросу определил Д. А. Коцюбинский. Так, по его мнению, теоретики национализма, говоря о необходимых правовых ограничениях в отношении «иностранцев», имели в виду следующее: ограничение их политических (избирательных) прав на общегосударственном уровне; ограничение прав «иностранцев» на участие в местной жизни; ограничение некоторых гражданских прав «иностранцев» (при поступлении на госслужбу, при занятии бизнесом и свободными профессиями); ограничение притока «иностранцев» из-за рубежа⁴⁸.

Кроме того, утверждалось, что свои национальные устремления подчиненные «иностранцы» должны были согласовывать с интересами русской нации, а значит и государства, постоянно демонстрируя лояльное отношение. При этом тезис о правовом неравенстве русских и «иностранцев» воспринимался однозначно и не подвергался какому-либо критическому рассмотрению⁴⁹. Подобное утверждение активно пропагандировалось другими ведущими теоретиками националистов и националистической печатью⁵⁰.

Конкретным условием утверждения отмеченного правового соотношения русских и «иностранцев» в составе империи, по мнению националистов, должен был стать принцип равносильности, сформулированный П. И. Ковалевским в противоположность равноправию, поскольку последнее, по его мысли, отвечало интересам преимущественно «иностранцев», к примеру, евреев. Сущность данного принципа состояла в необходимости создания таких условий, при которых все нации в составе Российской империи получали бы равные возможности для своего развития. Для осуществления таких условий на практи-

---

⁴⁸ См.: *Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма на примере партии ВНС // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности) : сб. статей.* СПб., 2004. С. 98.

⁴⁹ См.: *Ковалевский П. И. Психология русской нации // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист.* М., 2005. С. 49.; *Меньшиков М. О. Чье государство Россия? // Письма к русской нации.* С. 74.

⁵⁰ См., например: Киевлянин. 1907. 3 июля.

ке, по мысли Ковалевского, необходим тщательный контроль со стороны государства, которое утверждало бы «равносилие», определяя совокупность прав каждой конкретной общности в зависимости от ее правового положения. Для практической реализации данного принципа необходимо было, по мнению Ковалевского, искусственно провести перераспределение прав отдельных наций в пользу слабейших. Так, например, права евреев в экономической сфере, где они достигли небывалого влияния, должны быть урезаны, тогда как другие нации обязаны получать большие возможности для своей деятельности. Данный приоритет национальной политики должен был реализовываться в тесной связи с принципом господства державной нации, и фактически он отвечал только русским интересам, поскольку перераспределял права во всех сферах жизнедеятельности общества в пользу русских.

Говоря о конкретной совокупности прав, которыми могут обладать «инородцы» в империи, М. О. Меньшиков, с одной стороны, прямо приравнивал их по статусу к иностранцам⁵¹. Таким образом, фактически теоретик национализма отказывал нерусскому населению в полномочном гражданстве в рамках Российской империи.

С другой стороны, стремясь в теории к построению в Российской империи гражданского общества, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков допускали возможность наличия у «инородцев» некой гарантируемой им со стороны государства минимальной совокупности прав. К таким правам относились, во-первых, гражданские свободы личности, право нахождения под общей юрисдикцией российского закона, некоторые культурные права, то есть в принципе декларировалось общее право «инородцев» на относительно самостоятельное национальное бытие, право на ограниченное самоуправление территорий⁵².

Непримиримую позицию занимали теоретики национализма по вопросу предоставления нерусским народам политических прав. В соответствии с обоснованием однозначно

---

⁵¹ Меньшиков М. О. Подделка патриотизма // Новое время. 1909. 16 июня.

⁵² Меньшиков М. О. Нация – это мы // Национальная империя. С. 105.

негативного воздействия идеологии «инороднического» сепаратизма на русское государственное единство Меньшиков и Ковалевский, как и другие теоретики ВНС, считали, что предоставление «инородцам» возможности входить в состав органов государственной власти или формировать их состав неизбежно приведет Российскую империю к катастрофе. Наиболее последовательно эту мысль отстаивал М. О. Меньшиков. С его точки зрения, дарование нерусским народностям политических прав создаст для них возможность легально организовывать непримиримую оппозицию, необходимую для реализации их собственных сепаративных устремлений, что в итоге парализует работу всех органов власти. Меньшиков отмечал: «Допустив к имперскому законодательству представителей покоренных народностей, Россия дает им вновь политическое бытие. Я нахожу такое отношение к инородцам большой ошибкой, последствия которой быстро скажутся»⁵³.

По мнению публициста «Нового времени», при формировании органов власти, несомненно, должен существовать особый ценз национальности, поскольку приносить реальную пользу государству, находясь в составе органов власти, могут только проникнутые искренним русским национальным чувством люди, осознающие священный долг перед своим Отечеством и нацией. Таким образом, «инородцы», объективно обладающие чужеродным национальным чувством, никогда не смогут пройти данный ценз, поскольку чувство собственной национальности принципиально неуничтожимо⁵⁴.

Таким образом, М. О. Меньшиков, как и П. И. Ковалевский в данных вопросах исходили из утверждения, что «лучше плохой русский, чем «хороший» с виду «инородец».

Определяющим аспектом, посредством которого формировалась политика имперского правительства в отношении конкретных имперских народов, стал принцип дифференцируемого подхода к ним. Заметим, что необходимость принятия четко дифференцируемого подхода в отношении наций, населяющих Российскую империю, замечали и другие представители рус-

---

⁵³ Меньшиков М. О. Великорусская партия // Национальная империя. С. 157.

⁵⁴ См.: Меньшиков М. О. Почти иностранное ведомство // Письма к русской нации. С. 56.

ской интеллигенции⁵⁵. Данный принцип идеологии русского национализма был наиболее четко сформулирован П. И. Ковалевским.

С его точки зрения, все нации, проживающие в Российской империи, существенно отличались друг от друга по различным признакам, что, безусловно, необходимо было учитывать при проведении в их отношении каких-либо политических мероприятий. В качестве критериев такой дифференциации соподчиненных наций мыслитель предлагал следующие: наличие собственного национально-обособленного ареала; степень национально-культурного развития, а также отношение той или иной нации к русскому государству и господствующей нации в нем.

Ковалевский различал нации по степени национально-культурного развития, критерии определения которого порой страдали чрезвычайным субъективизмом и категоричностью. В отношении наций с высокой степенью развития национально-культурного сознания предлагалось вести политику, дающую таким нациям право культурной автономии с сохранением их национальных особенностей. К так называемым низшим нациям, таким как в основном северокавказские и финно-угорские народности, не создавшим собственной государственности, предполагалось применять тактику русификации с целью их полной ассимиляции без сохранения собственных национальных атрибутов. Полная ассимиляция таких народностей являлась, по Ковалевскому, гарантией получения ими прав наравне с русскими.

Как представляется, такой категоричный подход в определении инструментов и тактики национальной политики в Российской империи был явно неприемлем и лишь обострял и без того непростую ситуацию. Кроме того, Ковалевский, высказывая подобные мысли, противоречил собственной концепции нации и национализма, утверждавшей принципиальную невозможность слить одну нацию с другой.

Третий критерий – степень политической лояльности, по мысли Ковалевского, являлся важнейшим и в наибольшей сте-

---

⁵⁵ См., например: *Медем К.* К постановке национального вопроса в России // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 150–163; № 9. С. 149–166.

пени мог определять направленность национальной политики в отношении конкретной соподчиненной нации. С этим утверждением полностью соглашался и М. О. Меньшиков, оно поддерживалось и на страницах официальной партийной печати.⁵⁶

Характерно, что данный критерий служил непосредственным определителем и правительственной линии в национальном вопросе. Так, еще в 1907 г. премьер-министр П. А. Столыпин рассматривал в прямо пропорциональной зависимости степень политической лояльности нерусских народностей империи и конкретную совокупность их прав. В этом отношении характерно следующее его высказывание: «Признайте (нерусские народности – П. С.), что высшее благо быть русским гражданином, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права»⁵⁷.

Представляется, что данный критерий характеризовала высшая степень непостоянства и вариативности. Так, лояльная позиция, занятая конкретной «инороднической» группой в отношении русского государства и нации, могла сиюминутно поменять сложившуюся политическую конъюнктуру в ее отношении. Поэтому, например, финны, которые имели достаточно высокий уровень национально-культурного развития, однако систематически выступали против государственной политики русского правительства, не должны были иметь сколь-нибудь существенных прав в государстве. Наоборот, евреям для того чтобы сделаться полноправными гражданами империи достаточно было «стать русскими по духу», уважать существующий государственный строй.

Однако такое изменение отношения к названным «инородцам» было возможным скорее только в теории, поскольку вряд ли какой-либо факт смог убедить националистов в их политической лояльности.

Представляется, что применение принципа дифференцируемого подхода в отношении нерусских народов империи неизбежно привносило в общую концепцию решения национального вопроса элементы противоречивости и непоследовательности. Ведь реализация критерия лояльности при определении поли-

---

⁵⁶ См. Известия ВНК. 1911. № 1. С. 8.

⁵⁷ Столыпин. Жизнь и смерть. Саратов: Поволжское книж. изд-во, 1991. С. 254.

тической линии в отношении любой соподчиненной нации зачастую приводила теоретиков национализма к мнению, никак не вписывающемуся в рамки разработанной ими концепции.

Главным «узким» местом понимания данных вопросов становился тот факт, что Ковалевский и Меньшиков исходили из двух фактически несовместимых между собой эклектических посылок. С одной стороны, признавая тождество русских и государственных интересов, оба идеолога национализма стремились, как было указано, построить отношения русской и прочих наций, входящих в состав Российской империи, в плоскости господства – подчинения. Такого рода позиция, естественно, сопровождалась стремлением, с одной стороны, минимизировать права «инородцев», а с другой – все же обеспечить государственную гарантию известной совокупности их прав. Однако при определении содержания правого минимума, которым должны были обладать «инородцы», возникали очевидные сложности.

Для примера приведем отношение П. И. Ковалевского к возможности представительства в Государственной Думе «инородцев» Кавказа. Размышляя по этому поводу, Ковалевский, видимо, не был принципиальным противником присутствия в Думе лояльно настроенных депутатов – «инородцев» и более того был убежден в возможности их конструктивного сотрудничества в ее стенах. В этой связи Ковалевский фактически выступал за марионеточное «инородческое» представительство, строго действующее в рамках политической линии правительства. Фактически такого же мнения придерживался и еще один видный теоретик ВНС В. А. Бернов⁵⁸. Как видим, тезис о невозможности политического представительства в то же время фактически подвергался сомнению.

Кроме того, оба теоретика национализма заявляли о том, что нерусскому населению Российской империи должны быть обеспечены все возможности для ограниченного национал-культурного развития, однако степень подобного правового ограничения не была четко определена. Иллюстрацией наличия споров относительно данной проблематики являлась неоднозначная

---

⁵⁸ Бернов В. А. Национализм в качестве основы государственности. СПб. : Товарищество художественной печати, 1912. С. 66.

позиция мыслителей по поводу пределов использования нерусскими народами собственных языков при утверждении первенствующего статуса русского как официального языка делопроизводства и преподавания в Российской империи. Справедливо считая возможность использования языка, с одной стороны, основой национально-культурных прав, а с другой – одним из главных элементов обеспечения государственного единства, теоретики национализма так и не смогли выработать единую и однозначную позицию по данному вопросу.

П. И. Ковалевский в соответствии с собственным дифференцируемым подходом при оценке действительного положения соподчиненных наций давал право на преподавание на родном языке только нациям с высоким уровнем развития национального самосознания и только отдельных предметов во внеурочное время⁵⁹. Однако такое положение дел было возможно, по мнению мыслителя, только при установлении надлежащего внимательного наблюдения за преподаванием, что должно было исключать всякие проявления национального сепаратизма. Однако в дальнейшем мыслитель, видимо, под влиянием масштабов национального движения склонен был пойти и на более существенные уступки «инородцам» в данных вопросах и признать право использования их языка в культурно-просветительской и бытовых сферах общественной жизнедеятельности⁶⁰.

М. О. Меньшиков занимал в данных вопросах несравненно более жесткую позицию. В специальной статье, посвященной проблеме статуса русского языка на территории инородческих окраин, публицист писал: «Требование судопроизводства на инородческих языках составляет не только оскорбление русской государственности, но оскорбление и здравого смысла... Вопрос о государственном языке решается очень просто. Инородцам должна быть дана русская школа и поставлен определенный срок для изучения русского языка. В течение назначенного времени должны делаться всевозможные поправки в отношении

---

⁵⁹ Ковалевский П. И. Национальное воспитание и образование в России. СПб. : Изд-во ВНК, 1910. С. 89.

⁶⁰ См.: Ковалевский П. И. Психология русской нации // Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М., 2005. С. 44.

языка, но потом – никаких поблажек»⁶¹. Как видим, Меньшиков отказывался признавать какие-либо права языка нерусских народностей даже в области их просвещения. В итоге применение принципов дифференцируемого подхода по отношению к «инородцам» давало возможность в конечном итоге фактически манипулировать степенью их правовой обеспеченности.

Таким образом, тезис о признании за нерусскими народами какой-либо совокупности прав становился демагогическим утверждением, поскольку на практике теоретики русского национализма не разработали единого мнения ни по поводу необходимого правового статуса «инородцев», ни какого-либо четкого механизма реализации их прав.

Утверждение о необходимости искусственно «урезать» права нерусских народностей также не могло сочетаться со стремлением теоретиков русского национализма утвердить в Российской империи основы гражданского самосознания, создать патриархальную гармонию отношений между отдельными нациями, населяющими государство.

В итоге указанные противоречия сыграли роковую роль в судьбе ВНС, так как постоянно расшатывали идеологический партийный консенсус, становясь причиной партийных кризисов. Фактически именно споры о применении дифференцируемого подхода в определении политики по отношению к отдельным нациям спровоцировали партийный раскол, следствием которого стало отделение от ВНС группы независимых националистов под руководством Крупенского, а в дальнейшем распад Союза на правых и левых.

Отметим в то же время, что пытаясь устранить подобное концептуальное противоречие своей концепции, Ковалевский и Меньшиков допускали в принципе уравнивание прав «инородцев» с русскими при определенных условиях. Такая ситуация могла быть, с их точки зрения, создана в результате объективного исторического развития.

При этом, по мнению идеологов ВНС, должны быть соблюдены следующие условия: во-первых, наличие высокого уровня национального самосознания у русских, а во-вторых, «на-

---

⁶¹ Меньшиков М. О. Государственный язык // Новое время. 1910. 27 сент.

циональное самоубийство» малых народностей, то есть полное уничтожение «инороднического» национального самосознания и перевод национализма в первичную стадию своего развития, на которой он определяется лишь наличием прирожденного национального чувства. Любой представитель нерусской нации для получения равных с державной нацией прав должен стать русским «по духу», то есть обладать именно русским национальным сознанием, приобрести русский национально-культурный тип. Правда, по мнению самих националистов, такое развитие событий являлось скорее исключением, нежели правилом и касалось лишь отдельных представителей «инородцев», а не всех их в целом. Введение равноправия возможно было, по мнению публициста, и под давлением иностранного общественного мнения в том случае, если развитие национализма нерусских наций опиралось на прямую поддержку иностранной державы и создавало для империи угрозу большой войны. В данном случае наделение их некой совокупностью прав имело характер кратковременной уступки.

Таким образом, оценивая высказывания русских националистов по вопросу необходимого правового статуса «инородцев», представляется, с одной стороны, что как П. И. Ковалевский, так и М. О. Меньшиков в своих теоретических рассуждениях в принципе не отрицали возможностей развития собственного национализма у соподчиненных наций, однако оно должно было проходить в определенных рамках под непосредственным контролем русских, а «инородцы» обязаны были организовать свою жизнь так, чтобы не нарушать интересов, а даже способствовать реализации национальных устремлений державной нации. Естественно, что такого рода оговорки не допускали на практике возможностей для сколь-нибудь самостоятельного развития собственного национализма у народностей Российской империи и давали право русской нации на неограниченное вмешательство и корректировку данного процесса в нужном для себя направлении. Естественно, что подобное стремление устраивать «инородцев» не могло.

С другой стороны, очевидно, что подобная позиция Меньшикова и Ковалевского в целом выглядела весьма логичной, что убедительно доказывали как другие теоретики русского на-

ционализма⁶², так и современные исследователи, принадлежащие к западной научной мысли.

Так, по мнению английского исследователя Д. Эктон, существование полного равноправия наций в рамках единого полиэтнического государства невозможно, поскольку противоречит самой идее государственности. Вместе с тем, важнейшим направлением государственной политики, по мнению исследователя, должно являться стремление обеспечить в условиях правового неравенства национальных общностей максимальное удовлетворение их нужд и потребностей. Необходимость нахождения подобного рода консенсуса в межнациональных отношениях обусловлена задачами обеспечения поступательного развития государства⁶³. Как видим, Д. Эктон в своей концепции фактически выступил прямым продолжателем идей Меншикова и Ковалевского. Нам подобная логическая схема рассуждений также представляется весьма перспективной, хотя, как отмечалось, и несвободной от противоречий, вследствие чего трудно осуществимой практически.

Следующим ведущим теоретическим принципом, на основе которого должен быть решаем национальный вопрос в империи, для П. И. Ковалевского и М. О. Меншикова являлось единодержавие. Смысл его состоял в признании неприкосновенности единства и территориальной неделимости Российского государства. Иначе говоря, национальный вопрос должен был быть решен в рамках существующего в империи унитарного национально-государственного устройства. Утверждая данный принцип, идеологи русского национализма высказывались весьма категорично и не принимали каких-либо критических оговорок. Приведем в этой связи развернутое обоснование данного принципа Ковалевским: «Русская земля ни при каких условиях не может быть ни разделена, ни уменьшена в объеме, не расчленена на составные части, из которых она произошла. Она может быть увеличена в объеме. К ней могут быть произведены приращения – но уменьшение недопустимо и немислимо. Точно также немислимо расчленение ее на отдельные части

---

⁶² См: *Степанец Б.* Национализм как социологическая идея. Вильна : Тип. Русский почин. С. 27–31.

⁶³ Подробнее см.: *Эктон Д.* Принцип национального самоопределения // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 29–40.

в виде штатов, автономий, федераций и проч. Всякий сепаратизм и всякие подразделения – глупые, праздные и преступные мечтания. Россия есть неделимое и нерушимое целое и в ней мыслимо лишь единодержавие»⁶⁴. С данным утверждением соглашались и другие теоретики русского национализма, например, Н. И. Герасимов и А. А. Сидоров⁶⁵.

Другой видный теоретик ВНС Н. О. Куплевасский, размышляя над стратегией преобразования государственного строя Российской империи, заявлял о необходимости соблюдения принципа единодержавия в качестве исходного пункта для проведения подобного реформирования⁶⁶.

Для П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, а также для других русских националистов, утверждение единодержавия в качестве одного из базовых принципов решения национального вопроса имело огромное значение по нескольким причинам.

Во-первых, по мнению М. О. Меньшикова, унитарное национал-территориальное устройство империи являлось одним из исторических устоев, смыслом русской государственности. В связи с этим отказаться от данного принципа для теоретиков национализма являлось совершенно неприемлимым шагом, прямым нарушением важнейшей исторической традиции. Во-вторых, продолжая мысль публициста «Нового времени», П. И. Ковалевский обосновывал утверждение, что единодержавие есть основной способ существования русского государства, при котором обеспечивается нерушимость и защита его государственного бытия. В-третьих, по мнению теоретиков национализма, только при унитарной национально-территориальной системе построения русского государства представлялось возможным придать его развитию поступательный эволюционный характер, при котором достигалась бы практическая реализация богатого творческого потенциала империи.

---

⁶⁴ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. С. 241.

⁶⁵ См.: Герасимов Н. И. В защиту русского национализма. СПб.: Тип. Сайлина, 1912. С. 28; Сидоров А. А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России.

⁶⁶ См. работу: Куплевасский Н. О. Исторический очерк преобразований государственного строя в царствование Николая II. СПб.: Изд-во ВНК, 1912. 75 с.

Строгое соблюдение данного принципа являлось, по мнению П. И. Ковалевского и М. О. Меншикова, прямой гарантией недопущения развития «инородческого» сепаратизма, исключало его деструктивное влияние на базовые основы русской имперской государственности.

Заметим, что обоснование единодержавия в качестве одного из исторических устоев русской государственности, на основе которого должен был быть решен национальный вопрос, было характерно не только для русских националистов, но и крайне правых. Отметим, что, партии, находящиеся левее в общественно-политическом спектре Российской империи начала XX века, такие как октябристы и кадеты, в своих концепциях решения национального вопроса также исходили из признания приоритетной задачи сохранения единства и неделимости русского государства. Так, кадетский идеолог Ф. Кокошкин, разрабатывающий программу решения национального вопроса, утверждал, что оптимальной схемой являлось бы практическое осуществление национал-культурного самоопределения «инородцев» внутри самоуправляющейся автономии при сохранении унитарной структуры империи. Исключение в данном отношении делалось лишь для Польши и Финляндии⁶⁷.

Кроме того, и практическая деятельность русских либералов в стенах государственных дум третьего и четвертых созывов еще раз доказывала то, что одновременно с декларацией признания необходимости «либерализации» принципов национально-территориального устройства государства четко прослеживалось их стремление сохранить единую империю.⁶⁸

Утверждение принципа единодержавия в качестве незыблемой основы русской государственности органически сочеталось в концепции идеологов русского национализма и с признани-

---

⁶⁷ См.: *Кокошкин Ф.* Областная автономия и единство России. М. : Народное право, 1906. 15 с.; *Его же.* Автономия и федерация. Петроград : Партия народной свободы, 1917. 30 с.

⁶⁸ Подробнее см.: *Вельможко Н. И.* Национальный вопрос в деятельности III и IV государственных дум; *Носков Н. Д.* Охранительные и реакционные партии в России. СПб. : тип. Пропстера, 72 с.; *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы : материалы междунар. конф. Москва. 27–29 октября 1998 г. М. : РОССПЭН, 1999. 567 с.; Щербинина А. В.* Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // *Либеральный консерватизм: история и современность.* М., 2001. С. 225–232.

ем за некоторыми «инородцами» прав на автономию. При этом отметим, что, во-первых, понимание автономии П. И. Ковалевским и М. О. Меньшиковым существенно отличалось от интерпретации данного понятия русскими либералами, а во-вторых, то, что взгляды теоретиков национализма по данному вопросу с течением времени значительно эволюционировали.

Первоначально, в момент конститутирования движения русского национализма (1907–1910), П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков понимали под автономией в основном реализацию прав некоторых развитых национальных общностей в составе Российской империи на национально-культурное самоопределение (Ковалевский), а также на ограниченное самоуправление и экономическую самостоятельность (Меньшиков).

В данном отношении позиция теоретиков национализма в основном совпадала с октябристской и кадетской и состояла в признании того факта, что автономия в таком качестве обеспечивала бы, с одной стороны, реализацию прав «инородцев», а с другой – способствовала более четкому осуществлению имперской власти на местах, учитывая местные особенности регионов. Кроме того, экономическая децентрализация должна была способствовать поступательному социально-экономическому развитию государства.

Примечательно, что и другие представители русской правой интеллигенции в целом поддерживали данное мнение, считая реализацию на практике принципа такого рода организованной автономии необходимой и насущной мерой, поскольку «правовые формы автономии лишь закрепляют и фиксируют сложившуюся на практике «особность» хозяйственного уклада экономической жизни».⁶⁹

С другой стороны, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков в отношении автономии ограничивались лишь общими теоретическими посылками, детально не разрабатывали механизм ее осуществления и не выделяли ряд полномочий местных органов власти, что прямо свидетельствовало, на наш взгляд, об изначально отрицательном отношении к данному институту. Кроме того, не стоит забывать, что введение автономии даже

---

⁶⁹ *Медем К.* К постановке национального вопроса в России // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 150–163; № 9. С. 156.

в таком аморфном виде предполагалось лишь для некоторых наций в составе империи. Таким образом, подобная позиция в отношении принципа автономии роднила идеологов национализма с крайне правыми теоретиками.

Однако трезвая оценка реально складывающейся ситуации в общественно-политической обстановке внутри империи все же заставляла П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова обращаться к теоретическому обоснованию данного феномена и пытаться совместить идею автономии и единой державы.

Стоит заметить, что утверждение о практическом осуществлении принципа национал-культурной (по Ковалевскому) и административной (по Меньшикову) автономии даже в таком качестве могло существовать лишь теоретически, так как на практике весьма тяжело было остановить естественный процесс ее перерастания в политическую автономию, что само по себе разрушало унитарную национально-территориальную структуру империи, которую столь горячо отстаивали все русские националисты. С учетом того, что механизмы «замораживания» развития национального сознания русских «инородцев» до этапа политической автономности не были разработаны ни одним из идеологов русского национализма, данная проблема представлялась неразрешимой вовсе. Однако, несмотря на это, подобная интерпретация автономии была принята и в официальных партийных документах ВНС⁷⁰.

Примечательно, что и некоторые представители интеллигенции того времени прекрасно видели противоречивость подобного рода взглядов. Так, Р. Выдрин отмечал: «Международный мир в России зависит от признания принципа национально-культурного самоопределения. Но на пути к осуществлению данного принципа мы встречаемся с мощным ростом национального либерализма, становящегося крупным фактором русской жизни»⁷¹. Как видим, мыслитель имел в виду факт появления одновременно с практическим осуществлением принципа административной национал-культурной автономии яв-

---

⁷⁰ См.: Воззвание главного совета ВНС. Устав и программа ВНС; Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 92.

⁷¹ Выдрин Р. Русская публицистика под знаком национального вопроса // Современник. 1915. № 2. С. 145.

ных предпосылок к возникновению на ее основе национально-го движения нового типа, борющегося за политическое самоопределение. Таким образом, следует, по нашему мнению, определенно утверждать, что одновременное признание принципов единой державы и автономности даже в ограниченном виде с учетом также констатации объективности перерастания автономии в политическую с самого начала составляло центральное противоречие взглядов П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по данному вопросу.

Неразрешимость данной проблемы в условиях дальнейшего обострения ситуации в межнациональных отношениях империи объективно вела к расколу партийного движения на левое и правое крыло.

М. О. Меньшикова такое положение дел явно не могло устраивать. Именно поэтому в своих работах преимущественно периода 1910–1916 гг. он пытался разработать новую концепцию понимания феномена автономии, учитывая новые общественно-политические реалии. Мысли публициста в данном отношении сводились к следующему. М. О. Меньшиков совершенно обоснованно считал, что с течением времени «иностранцев» (в данном случае речь шла, прежде всего, о Польше и Финляндии) уже ни при каких условиях не может устраивать национально-культурная автономия с ограниченным самоуправлением, поэтому с целью сохранения имперского единства следует пойти им на уступки. Идеолог ВНС понимал, что унитарное устройство империи в его прежнем виде не способно более обеспечить стабильное развитие русской государственности. Естественно, сохранение единой державы желательно, однако больше ничего не оставалось, по мнению Меньшикова, как пренебречь им в известной степени.

Таким образом, проявляя бóльшую по сравнению с тем же П. И. Ковалевским политическую проницательность, Меньшиков выступал за «этнографическую», обладающую всеми признаками политической самостоятельности, автономию. Ради спасения государственности следовало бы сделать все, чтобы удалить «иностранцев» из общественных тканей Российской империи, реализовав на практике концепцию моноэтнического государства. В этом отношении характерны следующие

щие его высказывания: «Я лично вовсе не друг инородцам, напротив, я откровенный враг их, но враг именно потому, что они нас завоевывают, они забирают наше царство. Я, однако, вовсе не подавал голоса за отнятие у них земель, имущества, культурных и религиозных прав. Никогда! Идя гораздо дальше большинства патриотов русских, я советую дать инородцам автономию – лишь бы они очистили русскую землю и вышли из наших государственных тканей. Я думаю, что настанет время, когда правительства всех народов сочтут выгоднее всего размежеваться по этнографическим рубежам. Пусть каждый народ крепче держится своей земли и не зарится на чужую»⁷². Подобного рода «этнографическую» автономию, по Меньшикову, следовало даровать лишь тем «инородцам», которые обладали устойчивым территориальным ареалом расселения⁷³.

Осуществление автономного устройства для органически враждебных русской государственности «инородцев» позволило бы, с одной стороны, обеспечить в будущем их политическую лояльность по отношению к русским (поскольку главное требование их национального сепаратизма было бы удовлетворено), а с другой – сохранить и упрочить русское национальное и государственное единство, позволив обновленному русскому государству, очищенному от «инороднического» балласта, поступательно развиваться в дальнейшем⁷⁴. Таким образом, М. О. Меньшиков утверждал, что «этнографическая» автономия не только отрицательно не скажется на развитии русского государства, но и принесет русской нации ощутимые выгоды, позволит сохранить принцип единодержавия на коренных русских территориях.

Меньшиков в то же время считал введение подобной автономии лишь кратковременной стратегической уступкой, чрезвычайно необходимой лишь на действительный момент времени. С ее помощью публицист рассчитывал получить ударный козырь в борьбе за русские национальные интересы, в том

⁷² Меньшиков М. О. Права на Кавказ // Национальная империя. С. 203.

⁷³ См.: Меньшиков М. О. Ответ на выстрел // Новое время. 1911. 22 окт.; *Его же*. Кадетская политика // Новое время. 1908. 26 февр.

⁷⁴ См.: Меньшиков М. О. Кого выбирать в парламент // Письма к русской нации. С. 340.

числе и на уровне геополитики, лишив европейские державы возможностей для оказания прямого давления на Российскую империю.

Вместе с тем выдвижение и обоснование принципа этнографической автономии вызвало волну дискуссий по данному вопросу в рядах членов и сочувствующих ВНС, так как его практическая реализация означала фактический отказ от единой державы, что являлось категорически неприемлемым для правого крыла партии.

Обсуждение этнографической автономии велось и на страницах националистически ориентированных периодических изданий. Так, автор статьи в «Киевлянин» весьма критически подошел к оценке возможной практической реализации данного принципа. Прежде всего, заявлялось о том, что «не идейным путем, не свободным развитием политического мышления, а силой обстоятельств русский национализм усвоил принцип размежевания и пользуется им не в силу его идейной ценности, а как необходимым оружием в политической борьбе»⁷⁵. В этой связи признавалось, что данный принцип является единственно верным в существующих обстоятельствах и поэтому должен неизбежно укрепиться в партийной идеологии. Однако вместе с тем при критическом разборе автор делал вывод о невозможности его практического воплощения, вследствие, во-первых, того, что он имеет «конституционный» характер, так как фактически признает права некоторых наций в составе империи на политическое самоопределение, во-вторых, потому, что пределы обособленности нерусских народов создают в то же время и пределы для развития русского национализма, так как нивелируют русское влияние, в-третьих, резонно замечалось, что в настоящее время фактически невозможно четко разграничить государство по этнографическим рубежам.

В результате делался вывод, ставший фактически официальной позицией правых националистов, об «антинациональной» сущности принципа этнографической автономии. Таким образом, позиция Меньшикова не была принята во внимание партийным большинством, что, как представляется, фактически исчерпало позитивные инициативы ВНС в области решения

---

⁷⁵ Киевлянин. 1910. 2 мая; 1910. 6 мая.

национального вопроса в империи. В то же время отметим, что данная концепция явно не была доработана и имела «слабые» места, справедливо указанные автором статей в «Киевлянине».

Завершая анализ воззрений П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова по вопросу отношения к автономии отметим, что налицо имела эволюция их воззрений. Если первоначально теоретики национализма не подвергали сомнению унитарный принцип национально-территориального устройства империи, а введение автономии даже в строго очерченных ими рамках считали нежелательным вариантом развития событий, то впоследствии конъюнктура их воззрений изменилась. Наблюдая развитие общественно-политической ситуации, Меньшиков первым подметил необходимость введения политической автономии для нерусских народностей ради спасения территориального единства государства. Публицист в итоге выступил «большим националистом», нежели партийные идеологи, руководствовался исключительно принципом национального прагматизма, в то время как остальные теоретики, в том числе П. И. Ковалевский, не могли отказаться от стереотипов имперского мышления. В то же время, сам М. О. Меньшиков не преодолел до конца инерционность мышления «старого образца», что проявилось как в недостаточной теоретической обоснованности принципа этнографической автономии, так и в восприятии ее введения лишь в качестве долговременной, но все же уступки. Таким образом, в целом, теоретики русского национализма отказаться от апологетики единодержавия так и не смогли, что в итоге и привело их к неудачам в попытках выработки новой концепции, совмещающей две противоположные идеи – унитарность и автономность.

Кроме формулирования базовых принципов решения национального вопроса, идеологи ВНС уделяли внимание также и вопросам конкретной стратегии их реализации на практике. При этом П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков соглашались с мнением А. Алекторова, который утверждал, что в данных вопросах нужна политика «равноправия и братства, но не покровительства инородцам в ущерб коренного населения страны, политика умственного просвещения и поднятия экономического благосостояния»⁷⁶.

⁷⁶ Алекторов А. Е. Инородцы в России. С. 92.

Другими словами, идеологи национализма вслед за Александровым в национальном вопросе декларировали стремление создать «счастливую семью» народов Российской империи, которая под руководством державной русской нации получила бы импульс к прогрессивному развитию.

На основе подобного понимания главной цели национальной политики теоретики национализма формулировали следующие аспекты стратегии ее проведения. Меньшиков и Ковалевский, в первую очередь, утверждали, что конкретные политические шаги правительства должны были совершаться на основе признания приоритетного значения принципа национального прагматизма. Другими словами, любые политические действия, направленные на защиту и реализацию интересов русской нации, а значит, и русского государства, даже в том случае, если они прямо противоречили стремлениям нерусских народностей и ухудшали их положение, объявлялись теоретиками национализма единственно верными и не подлежали критическому рассмотрению.

Другой основной идеей стратегической линии необходимой национальной политики правительства, которая в известной степени противоречила вышеуказанной, по мнению Ковалевского и Меньшикова, являлся всемерный учет специфических особенностей всех населяющих империю народностей, что позволило бы в итоге совершенно безболезненно завершить процесс их адаптации в составе империи.

Формулируя подобные идеи, идеологи национализма в значительной степени продолжали русскую традицию правой консервативной общественной мысли XIX века П. И. Ковалевский в данной связи выступал за масштабную культурную интеграцию народов империи, за ассимиляционное взаимодействие между отдельными национально-культурными типами. Это привело бы, по мнению ученого, к «естественному» решению национального вопроса на принципах взаимоуважения отдельных наций при признании старшинства русских. П. И. Ковалевский писал, что нерусские народы необходимо «согласить с нашей культурой. Взять все полезное у них. Переработать на свой национальный лад и дать полную русскую культуру этим инородцам... И раз они сливаются духом с русскими, раз

русская нация, русская родина, русское государство станут их нацией, их родиной, то и они получают все права русского гражданина и все блага русской жизни»⁷⁷.

Как представляется, подобные утверждения носили в высшей степени демагогический характер, поскольку о конкретном механизме культурной интеграции «инородцев» в состав империи и гарантиях декларируемого результата теории национализма имели весьма смутное представление. В реальности речь шла лишь о создании как можно более благоприятных условий для осуществления со стороны русского державного большинства политики «национализации» «инородцев», иначе, их политической, а в идеале и культурной, русификации. Логическим итогом таких процессов стало бы создание новой социокультурной матрицы межнациональных отношений в империи, характерные черты которой определяли бы русские национальные атрибуты. Именно о таком идеальном, с точки зрения националистов, результате русско-«инороднического» сотрудничества откровенно писал М. О. Меньшиков⁷⁸ и другие теоретики русского национализма⁷⁹.

Еще одним пунктом, определяющим необходимую стратегию национальной политики, по Ковалевскому и Меньшикову, становилось утверждение о ее неразрывной связи с внешнеполитическими задачами государства. В данном отношении имелось в виду, что национальный вопрос может быть решен только в случае воссоединения всех территорий с преобладанием русского населения в составе Российской империи. Речь шла о необходимости оказания политического давления, прежде всего, на Польшу и Австро-Венгрию. Заметим, что в данном вопросе оба теоретика русского национализма высказывались безапелляционно, призывали использовать все доступные, в том числе и военные, методы для решения проблемы⁸⁰. Как представляется, подобные утверждения русских националистов выглядели нередко недопустимо радикальными, фактически не

⁷⁷ Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 39.

⁷⁸ См.: Меньшиков М. О. Национальное единодушие // Национальная империя. С. 255.

⁷⁹ См., например: Киевлянин. 1910. 23 мая.

⁸⁰ См.: Ковалевский П. И. Основы русского национализма. С. 32; Меньшиков М. О. Сроки близятся // Письма к русской нации. С. 436–442.

учитывали реальную обстановку и поэтому только накаляли и без того непростые отношения имперского правительства с европейскими соседями.

Безусловно, главной характеристикой национальной политики правительства, по мнению Меньшикова и Ковалевского, должна была стать чрезвычайная активность при постановке задач с целью всестороннего отстаивания русских державных интересов в империи. Активность правительства, ясность и конкретность основных принципов национальной политики должны, по мнению идеологов русского национализма, четко сочетаться еще и с твердостью, упорством при проведении в жизнь тех или иных политических решений, смелостью при осуществлении всех необходимых мер, даже репрессивного характера.

Правительство в твердом отстаивании собственной позиции не могло, по мнению теоретиков национализма, находиться в изолированном положении, а, наоборот, должно всемерно пользоваться поддержкой общественности. Для этого и создавался Всероссийский национальный союз, главной целью которого, по мнению Ковалевского и Меньшикова, должна была стать организация и укрепление русского национального единства, необходимого для поднятия уровня национального самосознания с целью осуществления защиты третируемых «инородцами» русских державных интересов. По мнению П. И. Ковалевского, необходимо было организовать подобное единство на основе русских национальных качеств – коллективизма и взаимовыручки, что не составит особого труда⁸¹. Настоятельную необходимость создания национального единства русских в качестве главной гарантии защиты их интересов отмечал и М. О. Меньшиков⁸², а также другие теоретики русского национализма, например В. Бернов⁸³.

Стратегия проведения национальной политики должна была, по мысли Ковалевского и Меньшикова, строиться сообразно принципам законности, нравственности, гуманизма и де-

---

⁸¹ См.: *Ковалевский П. И.* Национальное воспитание и образование в России. С. 70.

⁸² См., например: *Меньшиков М. О.* Могильщикам России // Письма к русской нации. С. 442–447; *Его же.* Великорусская партия // Новое время. 1907. 8 мая.

⁸³ *Бернов В. А.* Национализм в качестве основы государственности. С. 70.

лового партнерства. Подобные мысли встречаются во многих работах Ковалевского и Меньшикова, несмотря на имеющиеся гневные обличения «инородцев». Тем не менее, оба идеолога русского национализма всемерно подчеркивали мысль о том, что при «нормальной» ситуации в межнациональных отношениях (то есть тогда, когда со стороны нерусских народностей признаются справедливые интересы державной нации, а сами они не осуществляют сепаратистской деятельности) правительство при осуществлении конкретных мероприятий в их отношении должно руководствоваться именно заявленными выше принципами. Заметим, что данную точку зрения всецело разделяли и другие теоретики русского национализма. Кроме того, она была закреплена и в официальных документах ВНС⁸⁴.

Как представляется, подобное требование относительно стратегии межнациональных отношений, выдвинутое теоретиками национализма, в итоге также имело чисто декларативный характер, поскольку реальная ситуация в Российской империи, главной особенностью которой, по мнению абсолютного большинства националистов, являлось наличие откровенного беззакония со стороны «инородцев», настоятельно требовала осуществления адекватных мер, основанных отнюдь не на принципах доброжелательности, законности и морали, а имеющих репрессивный характер.

Таким образом, представления теоретиков русского национализма о конкретной стратегии проведения национальной политики были весьма идеализированными и преследовали единую цель – создать в глазах общественности привлекательный образ их политической линии и практических устремлений.

Однако на практике подобная стратегия национальной политики оказалась неприменима во многом потому, что главной заботой русских националистов стала не организация конкретной позитивной программы действий, а стремление подчинить, а в лучшем случае уничтожить зачатки нерусских национальных движений, причем любыми методами, зачастую и репрессивными.

---

⁸⁴ Подробнее об этом см.: *Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 252–253.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение феномена русского национализма являлось закономерным и объективным явлением, обусловленным, как представляется, двумя основными факторами.

Во-первых, влиянием западных националистических учений, возникших в ведущих странах Западной Европы и явившихся непосредственным результатом процессов «национального пробуждения», завершившихся формированием крупнейших национальных общностей – итальянской и немецкой. Именно принципы национального прагматизма, являющиеся базовой основой национализма как политического мировоззрения и практики, определяли во второй половине XIX – начале XX века характер политики ведущих стран Запада. Естественно, что слои русской интеллигенции, не желающие воспринимать себя в качестве европейских аутсайдеров, а рассматривающие Российскую империю в качестве великой мировой державы, оказались весьма восприимчивыми к подобным идейным доктринам.

Во-вторых, возникновению и развитию идеологии и практики русского национализма не могла не способствовать и существующая в Российской империи в начале XX века общественно-политическая конъюнктура, характеризовавшаяся кризисными явлениями во всех сферах жизни. Данный факт был обусловлен преимущественно спецификой процессов капиталистической модернизации страны, проходящей в условиях медленно разлагающейся прежней экономической системы, опирающейся на полуфеодальные социальные инс-

титуты, такие как сословный строй и общинная организация. Данные тенденции сопровождались такими дестабилизирующими явлениями, как кризис помещичьего землевладения, неравномерность развития капиталистических отношений в различных частях империи, обострение социальных и национальных противоречий. Ситуация усугублялась и тем, что самодержавие стремительно теряло инициативу в проведении насущных реформ, а следовательно, и контроль над общественно-политической ситуацией в стране. Отмеченные явления наряду с проигранной русско-японской войной, вскрывшей существование небывалых злоупотреблений в высших эшелонах власти, привели к трагедии первой русской революции, способствовавшей росту националистических и патриотических настроений.

Таким образом, сам революционный процесс и один из его важнейших результатов – Манифест 17 октября 1905 г., явились непосредственными предпосылками возникновения доктрины ВНС, поскольку, с одной стороны, легализовали политическую жизнь в стране, а с другой – продемонстрировали возможность быстрого крушения социально-политических основ Российской империи, вследствие чего необходимо было принимать срочные меры для их «санации». В этой связи доктрина русского национализма предлагала один из вариантов концепции безреволюционного поступательно-прогрессивного развития Российской империи, который представлял собой альтернативу либеральному и правоконсервативному.

Русский национализм начала XX века, как представляется, являлся весьма своеобразным феноменом, что нашло свое непосредственное выражение как в специфичности его мировоззренческих и идейных установок, так и в своеобразии его практического проявления. Среди теоретиков данного общественного направления по праву выделялись известнейший профессор психиатрии П. И. Ковалевский и влиятельный публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков, которого называли «отцом» русского национализма.

Определяя сущность национализма как идеологии важно отметить, что единственной и в тоже время главнейшей его

чертой является четкое следование принципу национального прагматизма. Именно поэтому в конкретных исторических условиях национализм становится некой «суб» или «над» идеологией, некой «идеологической подкладкой». Согласимся с С. М. Сергеевым, который считает, что национализм предстает как «суперидеология, которая может вместить в себя любой социально-политический проект, лишь бы он способствовал силе и процветанию нации»¹. Более того, как представляется, только в союзе с конкретным общественно-политическим мировоззрением национализм становится жизнеспособным и последовательным. Национализм в чистом виде, как показывает практика (на примере М. О. Меньшикова), весьма противоречив и неперспективен.

Характеризуя общую направленность русского национализма, согласимся с мнением современного исследователя данной проблематики А. Н. Дьяченко, который рассматривает его не в качестве идеологии этнического предпочтения, а как своеобразный проект национального пробуждения, совмещающий в себе традиции русского консервативного мышления и либеральные западноевропейские идеи². В этой связи отметим, что русский национализм от западноевропейских аналогов отличало прежде всего то, что данный феномен развивался в рамках не либеральных мировоззренческих систем, а на основе преимущественно русской консервативной традиции общественной мысли. Таким образом, по нашему мнению, следует противопоставлять западный либеральный национализм и русский национал-консерватизм.

Кроме того, на идейную направленность русского национализма в значительной степени повлияли и специфические особенности русской государственности, своеобразные характеристики русской общественности.

Среди факторов, определивших специфичность русского национализма, стоит обратить внимание на следующие.

---

¹ Сергеев С. М. Пришествие нации? С. 166.

² Дьяченко А. Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ : дис. канд. филос. наук. Ростов н/Д. 2004. С. 87–88.

1. Своеобразие русского общественно-политического развития, основанного на приоритете традиций самодержавия, православия, социальной солидарности и патернализма.

2. Характерные черты русского национального характера, предопределившие специфику межнациональных отношений в рамках полиэтничной империи, не имевшей аналогов в мире.

3. Проблема восприятия европейского влияния, долгое время выступающая в качестве главного деструктивного элемента в структуре русской общественности, с одной стороны, отдаляющая интеллигенцию от народных масс, а с другой – противопоставляющая ее официальной власти.

Данные факторы обусловили, в первую очередь, мировоззренческие составляющие русской националистической доктрины, среди которых, как справедливо отмечают современные исследователи³, стоит выделять следующие основные: мобилизованность на основе идеи нации, православную религиозность, сочетание имперского и национального мышления, коллективное национальное мироощущение и антииндивидуализм, ситуационность в определении конкретной стратегии политического действия, иррационализм и мистицизм, ориентацию на перспективу.

Отмеченные интегральные компоненты националистического мировоззрения определили и политические приоритеты теоретиков ВНС, такие как примат законности в практических действиях, наличие жесткой критической составляющей по отношению к правительству и бюрократии, ориентация на проведение ограниченных реформ в условиях политической стабильности и порядка. Таким образом, представляется, что идейные построения теоретиков ВНС возможно идентифицировать в качестве либерально-консервативных, поскольку, как было установлено в работе, Меньшиков и Ковалевский, формулируя свое отношение к тем или иным проблемам,

---

³ Подробнее: *Дугин А. Аполония национализма* [Электронный ресурс] URL : <http://my.arcto.ru/public/konsrev/natio.htm> (дата обращения 09.10.2007); *Дегтярев А. К. Идеология национализма: социокультурный подход* : дис. д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1998. 232 с.; *Михайлов В. А. Субъективные основы национального движения*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 147 с. и др.

руководствовались как принципами консервативного, так и либерального мировоззрения при приоритете компонентов первого⁴.

Несмотря на тот факт, что проблема идейного содержания термина «либеральный консерватизм» в современной исторической и политологической науке является весьма спорной и далека от своего практического разрешения, представляется возможным, в общем и целом, согласиться с мнением современных исследователей, С. М. Саньковой, М. Н. Струпниковой,

---

⁴ О конкретных элементах консервативного и либерального мировоззрения, свойственных идейным построениям Меньшикова и Ковалевского см. работы: *Авдеев В. Б.* Интегральный национализм [Электронный ресурс] // Русколань : [сайт]. [2007]. URL : http://xromo.com/ruskolan/avdeev/ma_02_integral.htm (дата обращения 09.10.2007); *Григорьев Е. В.* Ценности консерватизма [Электронный ресурс] // Консерватизм в России: прошлое и настоящее: [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/grigorov/grigorov/html> (дата обращения 09.10.2007); *Его же.* Иррациональные элементы русского консерватизма [Электронный ресурс] // Консерватизм в России: прошлое и настоящее: [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/grigorov/grigorov/html> (дата обращения 09.10.2007); *Гоголевский А. В.* Очерки истории русского либерализма в начале XIX–XX вв. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. С. 3–5, 7; *Искра Л. М.* Консерватизм – стратегия будущего // Москва. 2003. № 9. С. 189–199; Консерватизм: Современные интерпретации / Научно-аналитический обзор. М. : Наука, 1990. 40 с.; *Казин А.* Тишина, в которой слышно слово [Электронный ресурс] // Библиотека думающего о России: [сайт]. [2007]. URL : http://www.patriotica.ru/religion/kazin_conserv.html (дата обращения 09.10.2007); *Козловский В. В.* Либеральный консерватизм в России // Российская социология. СПб., 1993. С. 79–95; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы круглого стола) // Полис. 1995. № 4. С. 33–59; *Лебедев С. В.* Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб. : Нестор, 2004 С. 208–209; *Нарвский И. В.* Взгляд на российский консерватизм, либерализм начала XX века из историко-культурной перспективы // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2000. С. 216–222; *Осипов А.* Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности : сб. статей. СПб., 2004. Вып. 1. С. 106–118; *Репников А. В.* Консервативная традиция и современность // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 201–202; *Селецкий В. Н.* Прогрессизм: идейно-политическая платформа // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 85–101; *Чернавский М. Ю.* Идея прогресса и русский консерватизм // Поиск молодых : сб. науч. статей аспирантов. Уссурийск, 1998. С. 21–25.

В. Ф. Пустарнакова, В. В. Козловского, М. Ю. Чернавского⁵, которые утверждают, что основными целями, декларируемыми представителями данного общественно-политического направления, являлось обнаружение духовных основ, на которых держится общественный строй и охрана порядка в сочетании с правами и свободами граждан в их ограниченном понимании при сохранении наиболее ценного из духовного и материального наследия человечества, а также проведение ограниченных реформ в условиях стабильности и законности. При этом в качестве главного критерия политического действия для теоретиков русского национализма выступал рациональный принцип национального прагматизма, который являлся весьма аморфным и гибким по своей сущности и предполагал использование идейных средств, практических установок и позитивного опыта разнообразных общественно-политических доктрин, таких как консерватизм, либерализм и социализм. Данная характеристика определяла главное отличие доктрины русского национализма от крайне правой идеологии.

В своем практическом проявлении русский национализм начала XX века также отличался очевидным своеобразием, что выразилось в том, что ВНС как его политическая организация, в отличие от крайне правых, не стал массовым объединением. Объяснялось это тем, что изначально главной целью ВНС являлось проведение русской национальной политики на государственном уровне, организация взаимовыгодного сотрудничест-

---

⁵ См.: *Струнникова М. Н.* Либерально-консервативная концепция государства и России [Электронный ресурс] // Журнал «Власть» : [сайт]. [2007]. URL : <http://www.transpress.ru/vlast/0506/65.html> (дата обращения 09.10.2007); *Санькова С. М.* Владимир Алексеевич Бобринский как представитель консервативно-либерального направления общественно-политической жизни России начала XX века [Электронный ресурс] // Консерватизм в России: прошлое и настоящее : [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism.narod.ru/sankova/sankova.html> (дата обращения 09.10.2007); *Пустарнаков В. Ф.* Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX века: различия и сходства // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 11–30.; *Чернавский М. Ю.* Два подхода к определению консерватизма [Электронный ресурс] // Консерватизм в России: прошлое и настоящее : [сайт]. [2007]. URL : <http://conservatism/narod.ru/chernav/chernav/html> (дата обращения 09.10.2007); *Его же.* Религиозно-философские основы консерватизма в России. М. : Изд-во Рос. заоч. институт текстильной и легкой промышленности. 188 с.

ва с правительством и органами государственной власти при условии выработки и следованию последних четкой программе реформ. Именно поэтому ядро ВНС составляла фракция в Государственной Думе, а сам Союз представлял собой по сути первую в истории российского государства попытку создания проправительственной правящей партии. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что ВНС не имел широкой сети местных организаций, рассчитывая в своей деятельности на помощь со стороны правительства.

Сложным вопросом является проблема определения места русского национализма начала XX века в политическом спектре Российской империи. Отметим, что на всем протяжении своей деятельности Ковалевский и Меньшиков подчеркивали уникальность собственной политической организации, которая проявлялась, по их мнению, в том, что Союз выступал на общественно-политической арене Российской империи в качестве единственной силы, борющейся за осуществление истинно национального идеала, детерминированного особенностями русского национального сознания. При этом особенность ВНС теоретики видели, прежде всего, в его политической ориентации, базировавшейся на принципах умеренного реформизма, прогрессизма и демократизма. Апология Союза как единственно «правильной» политической организации убеждала Ковалевского и Меньшикова в том, что он с течением времени «поглощает» все остальные партии и перерастет партийный статус, превратившись в однородную по своему составу общественно-политическую лигу. Именно с этим убеждением и была связана некоторая переоценка роли, места и значения ВНС в общественно-политической жизни Российской империи.

Как нам представляется, наиболее правы те исследователи, которые подчеркивают промежуточное положение ВНС между крайне правыми – черносотенными организациями и правыми октябристами с тяготением к последним⁶.

Меньшиков и Ковалевский, участвуя в деятельности националистических общественных организаций, сыграли важ-

---

⁶ См., например, работы: *Рылов В. Ю.* Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917 гг. Воронеж : Полиграф, 2002. 192 с.; *Санькова С. М.* Русская партия в России: образование и деятельность ВНС.

нейшую практическую роль в становлении и развитии движения русского национализма, пропагандируя основы доктрины ВНС. Идеи, высказанные мыслителями в своих трудах, не только оказали сильнейшее влияние на теоретическую доктрину политической организации русских националистов, но в известной степени определили мировоззренческие составляющие русского национализма универсального характера. Именно Ковалевский и Меньшиков, главным образом, сформировали официальную позицию ВНС по такому принципиальному вопросу, как определение сущности базовых категорий националистической доктрины – «нация», «национализм», создали концепцию понимания русского исторического процесса, разработали стратегию решения национального вопроса, наконец, определили схему идеального общественно-политического устройства, а также повлияли на официальное партийное мнение относительно многих актуальных вопросов действительности.

Вместе с тем, Ковалевский и Меньшиков представляли собой разные «полюса» в политическом движении русского национализма. Ковалевский являлся, на наш взгляд, последовательным правым националистом, стремясь использовать националистическую составляющую, в первую очередь, для обоснования необходимости сохранения традиционных ценностей русской государственности. Таким образом, Ковалевский был национал-консерватором в чистом виде. Меньшиков, как представляется, являлся «большим националистом», находясь в известной степени «вне» или «над» политическим движением русского национализма, что сам и не скрывал. В этой связи главной чертой его воззрений являлось следование принципу национального прагматизма, что и отличает национализм в «чистом виде». Именно поэтому его взгляды отличала крайняя противоречивость. Так, если в национальном вопросе публицист «Нового времени» занимал крайнюю позицию («правее крайне правых»), то относительно проблем реформирования общественно-политической системы Российской империи был готов пойти гораздо дальше левых националистов, во многом соглашаясь, особенно в последний период своей деятельности, даже с кадетами. Отмеченная отличительная особенность воззрений Меньшикова и обуслови-

ла его своеобразное положение в рамках ВНС. Тем не менее, Ковалевского и Меньшикова характеризовала общность идейных и практических установок, что позволяет говорить о них как о ведущих теоретиках движения.

Представляется, что сформулированная Ковалевским и Меньшиковым доктрина русского национализма являлась не только, как было показано выше, своеобразным феноменом общественной жизни, но и представляла концепцию безреволюционного развития Российской империи. Однако, как известно, русский национализм с началом Первой мировой войны оказался в кризисе, а к 1915 г. его политическая организация – ВНС фактически перестала существовать. Виной тому, на наш взгляд, являлся комплекс причин как объективного, так и субъективного порядка.

Объективными предпосылками этому явились характеристики идейной доктрины русского национализма. В первую очередь, отметим тот факт, что центральными категориями в ней становились понятия «нация» и «национализм». Нация представлялась Ковалевскому и Меньшикову в качестве своеобразного феномена общественной жизни, имеющего как естественно-антропологический, так и политический характер. При этом, продолжая традиции понимания исторической сущности нации, заложенные Н. Я. Данилевским, теоретики ВНС воспринимали данную общность в качестве главного субъекта исторического развития, подчиняющегося строгим законам социал-дарвинизма. На основе подобного понимания категории нации мыслители формулировали понятие «национализм» в качестве личностного мировоззрения, особой политической идеологии, отвечающей интересам национальной общности, обеспечивающей ее эволюционное развитие. При этом национализм в качестве универсальной идеологии не только прямо противопоставлялся всем другим существующим, но и в связи с тем, что декларировал возможность достижения пресловутого «светлого будущего» за счет создания на его основе национального единства, содержал элементы социальной утопии. В данном случае следует констатировать тот факт, что теоретики ВНС, выдвигая сформулированную общественно-политическую доктрину, безусловно, выступили

в качестве новаторов. Однако центральное противоречие этой части доктрины Ковалевского и Меньшикова заключалось в том, что, называя нацию базовой категорией общественности, оба теоретика ВНС не смогли четко определить содержание понятия «русская нация», так как выдвигали различные критерии его понимания. Таким образом, базовый элемент доктрины Меньшикова и Ковалевского применительно к русским условиям как бы повисал в воздухе, не имея конкретно-практического приложения.

Противоречивой представлялась и концепция понимания русского исторического процесса, служившая для обоснования практического подхода теоретиков ВНС к актуальным вопросам текущей общественно-политической жизни. Так, Ковалевским и Меньшиковым была создана последовательная и логичная схема исторического развития Российской империи, демонстрировавшая, с одной стороны, его прогрессивную эволюционную направленность, а с другой – обосновавшая принцип национализма в качестве руководящего. В этой связи, по мнению теоретиков ВНС, русская история развивалась в контексте общеевропейской. Как на Западе, так и в России, первоначально способствовали укреплению государственности религиозное мировоззрение (соответственно католицизм и православие), форма государственного правления (абсолютизм и самодержавие), а впоследствии национализм. Также теоретики ВНС подчеркивали и некоторое своеобразие исторического развития Российской империи, пытались выработать концепцию некоего «срединного» пути, совмещающая мировоззренческие установки славянофильства и западничества, что нашло отражение, прежде всего, в неоднозначной оценке ими петровских реформ. Данный факт во многом предопределил и противоречивость исторического идеала теоретиков ВНС, совмещавшего черты общественной системы Московской Руси, буржуазного реформирования Александра II, консервативного контрреформаторства Александра III. Подобная весьма эклектичная концепция понимания особенностей исторического развития Российской империи, естественно, весьма затрудняла выработку какого-либо последовательного и логичного отношения к тем или иным актуальным вопросам общественно-политического развития.

В рамках концепции решения национального вопроса Меньшиков и Ковалевский выдвигали весьма противоречивые тезисы о национальном государстве при признании прав в его составе других народностей, этнографической и национально-культурной автономии при приоритете единой державы, дифференцируемом подходе при необходимости проведения национальной политики, основанной на принципах гуманизма и патернализма. Формулируя подобные идеи, теоретики ВНС не только отказывались признавать необходимость кардинальных практических изменений в национально-территориальной структуре империи, но и не приветствовали дальнейшее усиление репрессивной политики в отношении народов империи. Таким образом, проявляя чрезвычайную непоследовательность и нерешительность, Ковалевский и Меньшиков «замораживали» свои идеи в их теоретической стадии и не предлагали каких-либо кардинальных мер, что только способствовало обострению ситуации.

Высказываясь по вопросам общественно-государственного устройства, Ковалевский и Меньшиков, хотя и настаивали на необходимости введения института Народного представительства в соответствии с лучшими европейскими образцами, наделяли его весьма значимыми полномочиями, подчеркивали объективное перераспределение в будущем прерогатив в структуре властного механизма в его пользу, но в то же время не считали возможным отказаться от приверженности к самодержавию. Отмеченные противоречия во взглядах Меньшикова и Ковалевского придавали их концепции черты непоследовательности и недосказанности, излишнего теоретизирования, философствования, повышенной эмоциональности.

Объективно способствовало краху русского национализма также то промежуточное положение, которое занимал ВНС в политическом спектре, находясь между крайне правыми, с которыми теоретиков русского национализма сближали взгляды на религиозный и национальный вопросы, и октябристами, с которыми они солидаризировались по вопросам политического реформирования государства. Данное обстоятельство являлось причиной двойственности политической позиции ВНС, расшатывало внутривластное единство.

Исчезновению русского национализма с политической арены способствовали и многие субъективные обстоятельства. Например, такие как неспособность теоретиков ВНС разработать ориентированную на поддержку широких масс населения четкую программу действий, ошибки, сделанные теоретиками ВНС в определении стратегии взаимоотношений с другими политическими силами. В этой связи изначальное позиционирование ВНС в качестве самостоятельной, независимой организации, единственной, обладающей всей монополией на политическую легитимность и оправданность, исключало даже теоретическую возможность для создания широкого фронта союзнических организаций, основанного на идеях русского национализма даже внутри правого общественно-политического спектра⁷. Как выяснилось впоследствии, поставленные перед собой задачи ВНС в одиночку разрешить не смог, что и предопределило его организационный и идейный крах.

Как представляется, в значительной степени отрицательно сказалась на судьбе политического движения русского национализма и гипертрофированная лояльность политической системе самодержавия, боязнь составить ему пусть даже конструктивную, но последовательную оппозицию, в связи с чем теоретики ВНС не могли занимать четкую позицию при проведении в жизнь политических решений, идущих вразрез с политической практикой самодержавия. Отметим также, что краху русского национализма способствовала и политическая линия властей, в рамках которой они отказывались идти на компромиссы и формировать союзнические отношения с какими-либо политическими силами, пусть даже и исходной промонархической ориентации, обрекая тем самым как себя, так и русских правых на изолированность.

Несмотря на существование подобных противоречий и недоработок в идейной доктрине Меньшикова и Ковалевского, представляется, что теоретики ВНС оставили весьма глубокий след в общественно-политической жизни Российской империи последних десятилетий ее существования. П. И. Ковалевский

---

⁷ Подробнее о подобного рода проблемах см.: *Давиденко В. И.* От азбуки – к высшей математике // *Наше мировоззрение.* 2001. № 1.

и М. О. Меньшиков впервые в истории русской общественно-политической мысли сделали попытку выполнить сложнейшую задачу – детально разработать идеологию русского национализма, сформулировать общегосударственную национальную идею, в рамках которой ими был не только предложен проект последовательного преобразования Российской империи на основе использования лучших образцов русской и западноевропейской общественности, но и впервые затронут в самостоятельном качестве важнейший аспект общественно-политической жизни – область межнациональных отношений. В этом смысле идеология ВНС являлась промежуточным звеном в историческом процессе эволюции русской национальной мысли. В частности, многие идеи П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова были творчески развиты позднейшими теоретиками русского национализма. В этой связи представляет очевидный интерес изучение степени влияния теоретиков ВНС на своих идейных последователей. Однако эта тема требует отдельного детального рассмотрения.

Исследование русского национализма несомненно стоит продолжать. Хотя бы потому что в настоящее время ряд исследователей, публицистов говорят о том, что национализм в ближайшее время станет в России господствующей идеологией и практикой. Так, например, С. М. Сергеев прямо заявляет, что «нынче внутри русского этноса происходят некие принципиальные сдвиги... с моей точки зрения, это первое пришествие русской нации. Массовое русское национальное движение еще только складывается, пока это лишь тенденция, но тенденция ощутимая, которая в ближайшее десятилетие неизбежно должна актуализироваться»⁸.

На наш взгляд, такие наблюдения действительно в какой то мере (хотя и не в полной) отражают имеющиеся тенденции в развитии массового сознания россиян. Учитывая это, властные круги и научное сообщество не должны противодействовать данным процессам, а тем более безосновательно навешивать на русский национализм всякие ярлыки, а, наоборот, приложить усилия к тщательному и объективному изучению данного явления с целью определения и реализации позитивного потенциала русского национализма.

⁸ Сергеев С. М. Пришествие нации? С. 155, 157.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

---

1. Архивные источники

Отдел рукописей

Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

1. ОР РГБ, ф.55, оп.4, д.47. Заметки к книге П. И. Ковалевского «Русский национализм и национальное воспитание» В. Волкович.
2. ОР РГБ, ф. 453 оп. 1, д. 12. Эпиграмма Э.Ф. Геллнера, посвященная М. О. Меньшикову.
3. ОР РГБ, ф. 55, оп. 6, д. 46. Письмо П. И. Ковалевского В. А. Волкович.
4. ОР РГБ, ф. 331, оп. 1, д. 51, 55. Письма М. О. Меньшикова А. П. Чехову.
5. ОР РГБ, ф. 249, оп. 1, д. 23. Письмо М. О. Меньшикова В. В. Розанову.
6. ОР РГБ, ф. 260, оп. 1, д. 5. Письмо Васильева к М. Рябушинскому.
7. ОР РГБ, ф. 224, оп. 1, д. 70. Письмо П. И. Ковалевского С. А. Петровскому.
8. ОР РГБ, ф. 386, оп. 1, д. 41. Письмо М. О. Меньшикова А. И. Брюсову.
9. ОР РГБ, ф. 93, оп. 6, д. 42. Письмо М. О. Меньшикова А. Г. Достоевской.
10. ОР РГБ, ф. 369, оп. 1, д. 38. Письмо Л. Н. Толстого М. О. Меньшикову.

11. ОР РГБ, ф. 540, оп. 1, д. 44. Письмо М. О. Меньшикова А. Н. Баранову.

*Российский государственный архив литературы
и искусства (РГАЛИ)*

12. РГАЛИ, ф. 427, оп. 1, д. 3556. Письмо П. И. Ковалевского Т. А. Гранской.

13. РГАЛИ, ф. 167, оп. 3, д. 176. Письмо П. И. Ковалевского А. В. Дружинину.

14. РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, д. 394. Рецензия Н. Дубровского на книгу П. И. Ковалевского «Иоанн Грозный».

15. РГАЛИ, ф. 2169, оп. 1, д. 10. Письма А. С. Суворина М. О. Меньшикову.

16. РГАЛИ, ф. 2169, оп. 1, д. 1. Черновики статей М. О. Меньшикова в газете «Новое время».

17. РГАЛИ, ф. 2169, оп. 1, д. 4. Письма М. О. Меньшикова А. С. Суворину.

18. РГАЛИ, ф. 2169, оп. 1, д. 5 Письмо М. О. Меньшикова С. Ю. Витте.

19. РГАЛИ, ф. 2169, оп. 1, д. 7. Статья Норманна «О новом плане национальной организации».

20. РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 1639. Статья Кравцова о М. О. Меньшикове.

21. РГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 913. Письма читателей к М. О. Меньшикову.

Российский государственный архив (ГАРФ)

22. ГАРФ, ф. 541, оп. 1, д. 65. Газетные вырезки по армянскому вопросу.

23. ГАРФ, ф. 541, оп. 1, д. 50. Статья Меньшикова «Западная Россия».

24. ГАРФ, ф. 541, оп. 1, д. 47. Газетные вырезки по польскому вопросу.

25. ГАРФ, ф. 541, оп. 1, д. 45. Газетные вырезки о русском национализме.

26. ГАРФ, ф. 579, оп. 1, д. 2007. Черновик по национальному вопросу. П. И. Милюкова.

27. ГАРФ, ф. 102, ДП-ОО, оп. 240, д. 249. Об охране М. О. Меньшикова.

28. ГАРФ, ф. 102 7 делопроизводство 1903 г., д. 4042; ГАРФ, ф. 102 3 делопроизводство 1884 г., д. 253. Наблюдение за университетами.

29. ГАРФ, ф. 1719, оп. 1, д. 1. Переписка ВНС с разными лицами.

30. ГАРФ, ф. 1719, оп. 1, д. 2. Об открытии отделов ВНС.

31. ГАРФ, ф. 1719, оп. 1, д. 5. Частные просьбы членов ВНС.

32. ГАРФ, ф. 1719, оп. 1, д. 6. Докладные записки, письма и телеграммы.

33. ГАРФ, ф. 1719, оп. 1, д. 9. Разные материалы, присланные в ВНС.

34. ГАРФ, р. 5919, оп. 1, д. 66. Письмо П. И. Ковалевского митрополиту Евлогию.

2. Работы П. И. Ковалевского

35. *Ковалевский П. И.* Александр III – царь националист / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. В. Коротеевой, 1912. – 144 с.

36. *Ковалевский П. И.* Библия и нравственность. В защиту слова Божьего / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1913. – 147 с.

37. *Ковалевский П. И.* Борьба с преступностью путем воспитания / П. И. Ковалевский. – СПб. : тов. Вульф, 1908. – 72 с.

38. *Ковалевский П. И.* Братья красного креста. Правила института милосердия Красного креста / П. И. Ковалевский. – СПб. (Б. и.), 1898. – 21с. // Приднепровский край. – 1898. – 22 января. – № 22.

39. *Ковалевский П. И.* Восстание в Чечне и Дагестане в 1877–1878 гг. Зелим-хан / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1912. – 88 с.

40. *Ковалевский П. И.* Вырождение и восхождение. Преступник и борьба с преступностью. (Социально-психологические эскизы). / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1903. – 370с.

41. *Ковалевский П. И.* Геройские подвиги наших моряков / П. И. Ковалевский. – СПб. : изд. ВНК, 1912. – 116с.

42. *Ковалевский П. И.* Душевные болезни нашего общества / П. И. Ковалевский. – СПб. : (Б. и.). 1911. – 223 с.
43. *Ковалевский П. И.* К учению об алкоголизме / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1888. – 20с.
44. *Ковалевский П. И.* Завоевание Кавказа Россией / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1914. Т.2. – 343 с.
45. *Ковалевский П. И.* Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. Народы Кавказа / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1911. Т. 1. – 334 с.
46. *Ковалевский П. И.* Значение национализма в современном движении балканских славян / П. И. Ковалевский. – Ростов-на Дону : тип. Полубатко, 1912. – 36 с.
47. *Ковалевский П. И.* Задачи русского национализма / П. И. Ковалевский // Подолянин. – 1912. – 20 марта.
48. *Ковалевский П. И.* Иоанн Грозный и его душевное состояние / П. И. Ковалевский. – Харьков : тип. Зильберга, 1893. – 202 с.
49. *Ковалевский П. И.* Иисус Галилеянин / П. И. Ковалевский. – СПб. : Вестник душевных болезней, 1908. – 185 с.
50. *Ковалевский П. И.* Император Петр III, император Павел I / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1901. – 314 с.
51. *Ковалевский П. И.* Институт для воспитания отсталых детей и эпилептиков / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Семёнукова, 1907. – 8 с.
52. *Ковалевский П. И.* История Малороссии / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. В. Коротаевой, 1912. – 220 с.
53. *Ковалевский П. И.* История России с национальной точки зрения / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Акинфиева, 1912. – 108 с.
54. *Ковалевский П. И.* Мироздание. Естественноисторический очерк / П. И. Ковалевский. – СПб. : тов-во Вульф, 1908. – 120 с.
55. *Ковалевский П. И.* Наполеон I и его гений / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. М. Акинфиева, 1901. – 392 с.
56. *Ковалевский П. И.* Национальное воспитание и образование в России / П. И. Ковалевский. – СПб. : изд. ВНК, 1910. – 94 с.

57. *Ковалевский П. И.* Национализм и национальное воспитание в России. Доклад / П. И. Ковалевский // Известия ВНС. – 1911. – № 3. – С. 181–239.

58. *Ковалевский П. И.* Наука, Христос и его учение / П. И. Ковалевский. – Брюссель, 1928. – 146с.

59. *Ковалевский П. И.* Немцы – психологический очерк / П. И. Ковалевский // Наши враги. Очерки. Вып. 1. – Пг., 1915. – С. 1–72.

60. *Ковалевский П. И.* Нервные болезни нашего общества / П. И. Ковалевский. – Харьков : тип. Зильберберга, 1894. – 128 с.

61. *Ковалевский П. И.* Нищие духом / П. И. Ковалевский. – СПб. : Русский медицинский вестник, 1902. – 116 с.

62. *Ковалевский П. И.* Основы русского национализма / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. М. Акинфиева, 1912. – 66 с.

63. *Ковалевский П. И.* Отцеубийцы. Социально-психологический очерк / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. Новицкого, 1903. – 11с.

64. *Ковалевский П. И.* Очерк состояния психического отделения для мужчин при Харьковской губернской земской больнице и клинического наблюдения, собранного в этом Отделении / П. И. Ковалевский. – М. : Университетская тип., 1877. – 90 с.

65. *Ковалевский П. И.* Петр Великий и его гений / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. М. Акинфиева, 1901. – 352 с.

66. *Ковалевский П. И.* Психология русской нации / П. И. Ковалевский. – Пг., 1915. – 93 с.

67. *Ковалевский П. И.* Психиатрические эскизы из истории в 2-х томах / П. И. Ковалевский. – М. : Терра, 1995. – 496 с.

68. *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь националист / П. И. Ковалевский. – М. : Граница, 2005. – 237 с.

69. *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России / П. И. Ковалевский. – СПб. : тип. М. Акинфиева, 1912. – 394 с.

70. *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт / П. И. Ковалевский. – М. : Книжный мир, 2006. – 259с.

71. *Ковалевский П. И.* Символ веры наших потешных / П. И. Ковалевский. – Ростов н/Дону : тип. Полубатко, 1911. – 32 с.

Работы М. О. Меньшикова

72. *Меньшиков М. О.* Вечное Воскресение. Сборник статей о Церкви и вере / М. О. Меньшиков. – М. : Русский Вестник, 2003. – 174с.

73. *Меньшиков М. О.* Выборный подлог / М. О. Меньшиков. – Екатеринбург : тип. братства св. Владимира, 1906. – 8 с.

74. *Меньшиков М. О.* Выше свободы. Статьи о России / М. О. Меньшиков. – М. : Современный писатель, 1998. – (<http://russsdom.ru/mom/indexm.html#m>). (9.10.2007).

75. *Меньшиков М. О.* Думы о счастье / М. О. Меньшиков. – СПб : тип. М. Меркушева, 1898. – 177 с.

76. *Меньшиков М. О.* Древние документы по еврейскому вопросу / М. О. Меньшиков. – Харьков : тип. Губернского правления, 1908. – 9 с.

77. *Меньшиков М. О.* Из писем к ближним / М. О. Меньшиков. – М. : Воениздат, 1991. – (<http://russsdom.ru/mom/indexm.html#m>). (9.10.2007).

78. *Меньшиков М. О.* Красное знамя / М. О. Меньшиков. – СПб. : кн-во Друзей свободы и порядка, 1906. – 16 с.

79. *Меньшиков М. О.* Народные заступники и другие нравственно-бытовые очерки / М. О. Меньшиков. – СПб. : тип. Меркушева, 1900. – 308с.

80. *Меньшиков М. О.* Начала жизни. Нравственно-философские очерки / М. О. Меньшиков. – СПб. : Труд, 1901. – 404 с.

81. *Меньшиков М. О.* Национальная империя / М. О. Меньшиков. Национальная империя. – М., Имперская традиция, 2004. – 512 с.

82. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1903 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1903. – 702 с.

83. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1904 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1904. – 719 с.

84. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1905 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1905. – 564 с.

85. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1907 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1907. – 794 с.

86. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1908 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1908. – 813 с.

87. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1909 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1909. – 896 с.

88. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1913 / М. О. Меньшиков. – СПб. : изд. М. О. Меньшикова, 1913. – 928 с.

89. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним за 1916 / М. О. Меньшиков. – Пг. : изд. М. О. Меньшикова, 1917. – 635 с.

90. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. – М. : изд. журнала Москва, 2005. – 560 с.

91. *Меньшиков М. О.* Русское пробуждение / М. О. Меньшиков. – М. : Книжный мир, 2007. – 416 с.

92. *Меньшиков М. О.* Что потеряно / М. О. Меньшиков. – Кременчуг: тип. И. Диковского, 1906. – 12 с.

Статьи из газеты «Новое время»

93. *Меньшиков М. О.* Алкогольное одичание // Новое время. – 1906. – 12 марта.

94. *Меньшиков М. О.* Ближайшее будущее // Новое время. – 1907. – 20 октября.

95. *Меньшиков М. О.* Восходящий полумесяц // Новое время. – 1906. – 4 марта.

96. *Меньшиков М. О.* Борьба с дикостью // Новое время. – 1910. – 16 октября.

97. *Меньшиков М. О.* Большой день // Новое время. – 1911. – 29 октября.

98. *Меньшиков М. О.* Быть ли России пустыней // Новое время. – 1912. – 6 сентября.

99. *Меньшиков М. О.* Все против всех // Новое время. – 1905. – 2 сентября.

100. *Меньшиков М. О.* Враги всесветного мира // Новое время. – 1910. – 24 июля.

101. *Меньшиков М. О.* Враги землеустройства // Новое время. – 1911. – 11 октября.

102. *Меньшиков М. О.* Вера без дел // Новое время. – 1907. – 28 января.

103. *Меньшиков М. О.* В гостях у Мавра // Новое время. – 1911. – 17 октября.

104. *Меньшиков М. О.* Великое дело // Новое время. – 1907. – 6 января.

105. *Меньшиков М. О.* Великое дело // Новое время. – 1907. – 11 января.
106. *Меньшиков М. О.* Великолепная теория господина Сазонова // Новое время. – 1912. – 17 апреля.
107. *Меньшиков М. О.* В чем подражать предкам? // Новое время. – 1912. – 28 августа.
108. *Меньшиков М. О.* В своих рассуждениях о национализме я выражаю лишь свое личное мнение // Новое время. – 1908. – 30 октября.
109. *Меньшиков М. О.* Война или аукцион // Новое время. – 1908. – 27 августа.
110. *Меньшиков М. О.* В русле всесветного мира // Новое время. – 1910. – 27 июля.
111. *Меньшиков М. О.* Вера и карьера // Новое время. – 1911. – 16 июня.
112. *Меньшиков М. О.* Великое дело // Новое время. – 1907. – 7 января.
113. *Меньшиков М. О.* В чем народность? // Новое время. – 1907. – 2 декабря.
114. *Меньшиков М. О.* В Москве // Новое время. – 1908. – 7 сентября.
115. *Меньшиков М. О.* Господская дума // Новое время. – 1907. – 5 июля.
116. *Меньшиков М. О.* Государственный язык // Новое время. – 1910. – 27 марта.
117. *Меньшиков М. О.* Гнездо крестьянское // Новое время. – 1908. – 5 июля.
118. *Меньшиков М. О.* Гнилой век // Новое время. – 1908. – 6 января.
119. *Меньшиков М. О.* Гений счастья // Новое время. – 1909. – 13 июня.
120. *Меньшиков М. О.* Дни раскаяния // Новое время. – 1905. – 28 марта.
121. *Меньшиков М. О.* Дума о думе // Новое время. – 1912. – 9 июня.
122. *Меньшиков М. О.* Дело веры // Новое время. – 1907. – 25 ноября.

123. *Меньшиков М. О.* Дни раскаяния // Новое время. – 1907. – 1 апреля.
124. *Меньшиков М. О.* Добрые министры // Новое время. – 1909. – 14 сентября.
125. *Меньшиков М. О.* Естественная власть // Новое время. – 1908. – 13 января.
126. *Меньшиков М. О.* Если бы мы были умными // Новое время. – 1908. – 5 октября.
127. *Меньшиков М. О.* Жертвы биржи // Новое время. – 1912. – 10 апреля.
128. *Меньшиков М. О.* Жрицы ваала // Новое время. – 1907. – 6 мая.
129. *Меньшиков М. О.* Земско-дворянский кризис // Новое время. – 1913. – 17 августа.
130. *Меньшиков М. О.* Злая воля // Новое время. – 1910. – 12 августа.
131. *Меньшиков М. О.* Заповеди жизни // Новое время. – 1907. – 30 декабря.
132. *Меньшиков М. О.* Завоевание власти // Новое время. – 1907. – 27 октября.
133. *Меньшиков М. О.* Засорение школы // Новое время. – 1910. – 7 сентября.
134. *Меньшиков М. О.* Захват Петербурга // Новое время. – 1908. – 26 июля.
135. *Меньшиков М. О.* Золотые цепи // Новое время. – 1909. – 4 июля.
136. *Меньшиков М. О.* И нашим и вашим // Новое время. – 1910. – 10 августа.
137. *Меньшиков М. О.* Искусство жить // Новое время. – 1906. – 3 декабря.
138. *Меньшиков М. О.* Инерция покоя // Новое время. – 1914. – 15 марта.
139. *Меньшиков М. О.* Казацкая сила // Новое время. – 1909. – 19 декабря.
140. *Меньшиков М. О.* Кадетская политика // Новое время. – 1908. – 26 февраля.
141. *Меньшиков М. О.* Как воскреснет Россия // Новое время. – 1908. – 13 апреля.

142. *Меньшиков М. О.* Кому подымать Россию // Новое время. – 1907. – 9 июня.
143. *Меньшиков М. О.* Кто кому должен // Новое время. – 1913. – 3 августа.
144. *Меньшиков М. О.* Кто кому изменил // Новое время. – 1916. – 18 марта.
145. *Меньшиков М. О.* Кадеты второго сорта // Новое время. – 1907. – 19 июня.
146. *Меньшиков М. О.* Крестьянский юбилей // Новое время. – 1910. – 28 июля.
147. *Меньшиков М. О.* Кооперация властей // Новое время. – 1917. – 16 февраля.
148. *Меньшиков М. О.* Конгресс мечтателей // Новое время. – 1910. – 24 июля.
149. *Меньшиков М. О.* Колыбель побед // Новое время. – 1914. – 20 марта.
150. *Меньшиков М. О.* Контрпропаганда // Новое время. – 1907. – 11 марта.
151. *Меньшиков М. О.* Кому нужна война // Новое время. – 1914. – 1 марта.
152. *Меньшиков М. О.* Кому поднимать Россию // Новое время. – 1907. – 9 июня.
153. *Меньшиков М. О.* Концы с концами // Новое время. – 1909. – 12 сентября.
154. *Меньшиков М. О.* Клятва юношей // Новое время. – 1907. – 27 мая.
155. *Меньшиков М. О.* Левый центр // Новое время. – 1907. – 28 января.
156. *Меньшиков М. О.* Люди понимания // Новое время. – 1907. – 21 октября.
157. *Меньшиков М. О.* Мироеды и ходоки // Новое время. – 1905. – 19 июля.
158. *Меньшиков М. О.* Мир всем // Новое время. – 1911. – 1 августа.
159. *Меньшиков М. О.* Милость народу // Новое время. – 1913. – 17 января.
160. *Меньшиков М. О.* Молодая Россия // Новое время. – 1911. – 26 июля.

161. *Меньшиков М. О.* Мрачные предсказания господина Милюкова // Новое время. – 1916. – 20 декабря.
162. *Меньшиков М. О.* Народное единодушие // Новое время. – 1909. – 14 ноября.
163. *Меньшиков М. О.* На восточном горизонте // Новое время. – 1912. – 21 июля.
164. *Меньшиков М. О.* Накануне революции // Новое время. – 1907. – 29 июля.
165. *Меньшиков М. О.* Нуждаются в наказании // Новое время. – 1910. – 18 сентября.
166. *Меньшиков М. О.* Нужна конкуренция // Новое время. – 1913. – 10 августа.
167. *Меньшиков М. О.* Нарастающий паралич // Новое время. – 1905. – 15–16 января.
168. *Меньшиков М. О.* Нация просыпается // Новое время. – 1909. – 6 октября.
169. *Меньшиков М. О.* Народоубийство // Новое время. – 1911. – 5 марта.
170. *Меньшиков М. О.* Националисты 4-ой Думы // Новое время. – 1912. – 30 октября.
171. *Меньшиков М. О.* Национальное правительство // Новое время. – 1907. – 25 октября.
172. *Меньшиков М. О.* Национальная беднота // Новое время. – 1906. – 5 ноября.
173. *Меньшиков М. О.* Национальная борьба // Новое время. – 1913. – 26 ноября.
174. *Меньшиков М. О.* Национальная работа // Новое время. – 1910. – 7 октября.
175. *Меньшиков М. О.* Национальная школа // Новое время. – 1909. – 4 апреля.
176. *Меньшиков М. О.* Невоспитанный народ // Новое время. – 1913. – 26 сентября.
177. *Меньшиков М. О.* Независимое славянство // Новое время. – 1910. – 13 февраля.
178. *Меньшиков М. О.* Ненужный юбилей // Новое время. – 1911. – 11 января.
179. *Меньшиков М. О.* Неуважение к народу // Новое время. – 1913. – 21 сентября.

180. *Меньшиков М. О.* Неприкосновенность // Новое время. – 1909. – 19 ноября.
181. *Меньшиков М. О.* Независимость и деловитость // Новое время. – 1914. – 4 января.
182. *Меньшиков М. О.* Не склоняйте знамени // Новое время. – 1910. – 23 марта.
183. *Меньшиков М. О.* Новая эра // Новое время. – 1914. – 1 февраля.
184. *Меньшиков М. О.* Нужно подталкивать // Новое время. – 1909. – 27 января.
185. *Меньшиков М. О.* Общая разверстка // Новое время. – 1912. – 16 октября.
186. *Меньшиков М. О.* Они возвращаются // Новое время. – 1911. – 11 августа.
187. *Меньшиков М. О.* Они размножились // Новое время. – 1914. – 17 февраля.
188. *Меньшиков М. О.* Около кафедры // Новое время. – 1909. – 10 ноября.
189. *Меньшиков М. О.* Обновление сил // Новое время. – 1905. – 6 августа.
190. *Меньшиков М. О.* Охрана мира // Новое время. – 1910. – 21 октября.
191. *Меньшиков М. О.* Образ правления // Новое время. – 1906. – 1 января.
192. *Меньшиков М. О.* Объект истории // Новое время. – 1906. – 6 марта.
193. *Меньшиков М. О.* Ответ на выстрел // Новое время. – 1911. – 22 октября.
194. *Меньшиков М. О.* Отбор худших // Новое время. – 1907. – 20 января.
195. *Меньшиков М. О.* Около пульса армии // Новое время. – 1910. – 17 августа.
196. *Меньшиков М. О.* Открытые двери // Новое время. – 1906. – 10 декабря.
197. *Меньшиков М. О.* Организованный труд // Новое время. – 1910. – 1 февраля.
198. *Меньшиков М. О.* Отпор раздору // Новое время. – 1910. – 26 января.

199. *Меньшиков М. О.* Опасное и напрасное // Новое время. – 1913. – 29 января.
200. *Меньшиков М. О.* Польский гнет // Новое время. – 1909. – 7 мая.
201. *Меньшиков М. О.* Почему все дорого // Новое время. – 1913. – 13 августа.
202. *Меньшиков М. О.* Печать антихриста // Новое время. – 1905. – 6 апреля.
203. *Меньшиков М. О.* Печать молчания // Новое время. – 1912. – 16 августа.
204. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1905. – 3 июня.
205. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1905. – 10 июля.
206. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1910. – 12 сентября.
207. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1910. – 4 июля.
208. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1910. – 22 августа.
209. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1910. – 19 сентября.
210. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1909. – 6 сентября.
211. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1909. – 30 августа.
212. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1909. – 19 июня.
213. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1909. – 3 мая.
214. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1909. – 29 ноября.
215. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1911. – 14 августа.
216. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1911. – 6 ноября.
217. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1911. – 16 января.

218. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1911. – 6 февраля.
219. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1912. – 29 июля.
220. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1910. – 21 октября.
221. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1912. – 16 сентября.
222. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1912. – 26 февраля.
223. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1913. – 22 сентября.
224. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1913. – 1 декабря.
225. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1913. – 15 декабря.
226. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1917. – 19 марта.
227. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1904. – 15 февраля.
228. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1904. – 29 февраля.
229. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1904. – 25 января.
230. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1904. – 18 мая.
231. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1903. – 7 сентября.
232. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1914. – 4 мая.
233. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. – 1911. – 25 сентября.
234. *Меньшиков М. О.* Побольше единодушия // Новое время. – 1912. – 1 декабря.
235. *Меньшиков М. О.* Пересмотр армии // Новое время. – 1911. – 3 февраля.
236. *Меньшиков М. О.* Перестройка партии // Новое время. – 1909. – 26 марта.

237. *Меньшиков М. О.* Подделка патриотизма // Новое время. – 1909. – 16 июня.
238. *Меньшиков М. О.* Правительство и евреи // Новое время. – 1909. – 27 июня.
239. *Меньшиков М. О.* Произвол доверия // Новое время. – 1907. – 7 января.
240. *Меньшиков М. О.* После декларации // Новое время. – 1907. – 17 ноября.
241. *Меньшиков М. О.* Погибающие расы // Новое время. – 1907. – 23 декабря.
242. *Меньшиков М. О.* Победа кагала // Новое время. – 1910. – 10 апреля.
243. *Меньшиков М. О.* Польский гнет // Новое время. – 1909. – 7 мая.
244. *Меньшиков М. О.* Польша и евреи // Новое время. – 1906. – 17 октября.
245. *Меньшиков М. О.* Пошла писать губерния // Новое время. – 1910. – 26 августа.
246. *Меньшиков М. О.* Помещичий национализм // Новое время. – 1911. – 23 августа.
247. *Меньшиков М. О.* Пятно невежества // Новое время. – 1906. – 23 марта.
248. *Меньшиков М. О.* Почти кадетские бунты // Новое время. – 1912. – 14 июля.
249. *Меньшиков М. О.* Пересмотр машины // Новое время. – 1908. – 3 июля.
250. *Меньшиков М. О.* Растущий промысел // Новое время. – 1912. – 25 октября.
251. *Меньшиков М. О.* Рогатки и скорпионы // Новое время. – 1913. – 7 мая.
252. *Меньшиков М. О.* Рост раздора // Новое время. – 1914. – 12 апреля.
253. *Меньшиков М. О.* Рост сознания // Новое время. – 1912. – 29 июня.
254. *Меньшиков М. О.* Раздел России // Новое время. – 1914. – 15 апреля.
255. *Меньшиков М. О.* Речи к народу // Новое время. – 1917. – 14 марта.

256. *Меньшиков М. О.* Развал востока // Новое время. – 1909. – 2 апреля.
257. *Меньшиков М. О.* Расстройство церкви // Новое время. – 1908. – 9 февраля.
258. *Меньшиков М. О.* Религия власти // Новое время. – 1906. – 8 января.
259. *Меньшиков М. О.* Революция в новом стиле // Новое время. – 1910. – 2 октября.
260. *Меньшиков М. О.* С высоты // Новое время. – 1908. – 12 июля.
261. *Меньшиков М. О.* С кем воевать? // Новое время. – 1912. – 12 апреля.
262. *Меньшиков М. О.* С Финляндией надо спешить // Новое время. – 1913. – 5 ноября; – 1913. – 7 ноября.
263. *Меньшиков М. О.* Серьезная угроза // Новое время. – 1914. – 5 апреля.
264. *Меньшиков М. О.* Собиратели земли // Новое время. – 1908. – 6 декабря.
265. *Меньшиков М. О.* Секрет немецких успехов // Новое время. – 1914. – 6 сентября.
266. *Меньшиков М. О.* Смена властей // Новое время. – 1912. – 18 декабря.
267. *Меньшиков М. О.* Серьезная угроза // Новое время. – 1914. – 5 апреля.
268. *Меньшиков М. О.* Сверхреформа // Новое время. – 1909. – 20 июня.
269. *Меньшиков М. О.* Свое и чужое // Новое время. – 1909. – 16 апреля.
270. *Меньшиков М. О.* Сословный раздор // Новое время. – 1914. – 24 мая.
271. *Меньшиков М. О.* Совет монархистам // Новое время. – 1909. – 15 сентября.
272. *Меньшиков М. О.* Связанные враги // Новое время. – 1911. – 6 октября.
273. *Меньшиков М. О.* Солнечная Россия // Новое время. – 1910. – 4 декабря.
274. *Меньшиков М. О.* Славянская проказа // Новое время. – 1910. – 18 декабря.

275. *Меньшиков М. О.* Светская чернь // Новое время. – 1906. – 20 января.
276. *Меньшиков М. О.* Скелет народов // Новое время. – 1907. – 24 мая.
277. *Меньшиков М. О.* Сильная машина // Новое время. – 1905. – 6 февраля.
278. *Меньшиков М. О.* Суть славянофильства // Новое время. – 1905. – 12 июля.
279. *Меньшиков М. О.* Союз славянофильства // Новое время. – 1910. – 27 октября.
280. *Меньшиков М. О.* Судьи праведные // Новое время. – 1910. – 7 ноября.
281. *Меньшиков М. О.* Спор сословий // Новое время. – 1912. – 8 сентября.
282. *Меньшиков М. О.* Старые инстинкты // Новое время. – 1907. – 22 марта.
283. *Меньшиков М. О.* Сочувствие народное // Новое время. – 1907. – 26 августа.
284. *Меньшиков М. О.* Стража общества // Новое время. – 1905. – 12 ноября.
285. *Меньшиков М. О.* Союз националистов // Новое время. – 1910. – 27 октября.
286. *Меньшиков М. О.* Тени мира // Новое время. – 1905. – 28 августа.
287. *Меньшиков М. О.* Тирания снизу // Новое время. – 1906. – 21 ноября.
288. *Меньшиков М. О.* Тело без души // Новое время. – 1912. – 10 декабря.
289. *Меньшиков М. О.* Тирания слабых // Новое время. – 1908. – 9 декабря.
290. *Меньшиков М. О.* Таланты и бездарности // Новое время. – 1911. – 13 августа.
291. *Меньшиков М. О.* Турецкие султаны // Новое время. – 1908. – 10 июля.
292. *Меньшиков М. О.* Террор в деревне // Новое время. – 1910. – 23 сентября.
293. *Меньшиков М. О.* Террор в деревне // Новое время. – 1910. – 12 октября.

294. *Меньшиков М. О.* Третья оппозиция // Новое время. – 1913. – 12 ноября.
295. *Меньшиков М. О.* Три опасности // Новое время. – 1917. – 9 марта.
296. *Меньшиков М. О.* У себя дома // Новое время. – 1912. – 21 октября.
297. *Меньшиков М. О.* У всех неблагополучно // Новое время. – 1908. – 15 ноября.
298. *Меньшиков М. О.* Уклон к республике // Новое время. – 1907. – 13 октября.
299. *Меньшиков М. О.* Уроки прошлого // Новое время. – 1912. – 21 августа.
300. *Меньшиков М. О.* Умиряющая империя // Новое время. – 1908. – 28 сентября.
301. *Меньшиков М. О.* Утомление власти // Новое время. – 1910. – 11 сентября.
302. *Меньшиков М. О.* Фальшь толстовщины // Новое время. – 1912. – 10 ноября.
303. *Меньшиков М. О.* Фронт и тыл // Новое время. – 1909. – 29 сентября.
304. *Меньшиков М. О.* Финляндский юбилей // Новое время. – 1909. – 8 сентября.
305. *Меньшиков М. О.* Финляндская операция // Новое время. – 1911. – 16 августа.
306. *Меньшиков М. О.* Финская дерзость // Новое время. – 1909. – 9 июня.
307. *Меньшиков М. О.* Хозяева Туркестана // Новое время. – 1908. – 22 ноября.
308. *Меньшиков М. О.* Ценз национальности // Новое время. – 1910. – 17 июля.
309. *Меньшиков М. О.* Центр брожения // Новое время. – 1908. – 13 октября.
310. *Меньшиков М. О.* Ценз и народ // Новое время. – 1907. – 27 марта.
311. *Меньшиков М. О.* Цвета партий // Новое время. – 1906. – 17 января.
312. *Меньшиков М. О.* Церковь и печать // Новое время. – 1917. – 5 января.

313. *Меньшиков М. О.* Чего бояться // Новое время. – 1910. – 19 октября.
314. *Меньшиков М. О.* Чего требуют правые // Новое время. – 1917. – 4 февраля.
315. *Меньшиков М. О.* Чаша с ядом // Новое время. – 1910. – 7 января.
316. *Меньшиков М. О.* Что мы выиграла // Новое время. – 1905. – 5 июня.
317. *Меньшиков М. О.* Чудовищный захват // Новое время. – 1908. – 15 июля.
318. *Меньшиков М. О.* Что прежде всего // Новое время. – 1910. – 15 октября.
319. *Меньшиков М. О.* Чиновники и герои // Новое время. – 1912. – 3 июня; – 1912. – 5 июля.
320. *Меньшиков М. О.* Школьные бунты // Новое время. – 1910. – 30 сентября.
321. *Меньшиков М. О.* Школьная каторга // Новое время. – 1914. – 29 апреля.
322. *Меньшиков М. О.* Эволюция власти // Новое время. – 1909. – 3 января.
323. *Меньшиков М. О.* Язва растущая // Новое время. – 1910. – 28 января.

Опубликованные документы и материалы

324. Воззвание главного совета ВНС. Устав и программа ВНС. – Екатеринбург: тип. Братства св. Владимира, 1912. – 43с.
325. Всероссийский национальный союз. Петербургский отдел. Отчет совета. – СПб. : изд. ВНС, 1912. – 24с.
326. Всероссийский национальный союз. Московский отдел. Обзор деятельности. – М. : изд. московского отдела ВНС, 1913–1914 гг. – 40с.
327. ВНС. Первое собрание представителей. 19–21 февраля 1912. – СПб. : тип. Г. Скачкова с сыновьями, 1912. – 31 с.
328. Всероссийский национальный союз. Проект устава. – СПб. : изд. ВНС, 1911. – 5 с.
329. ВНС. Московский отдел. Очерки программы. – М. : изд. московского отдела ВНС. – 16 с.

330. ВНС. К избирателям. – Одесса: (Б. и.), 1912. – 1 л.
331. ВНС. Московский отдел. Пожелания по предметам думской деятельности фракций националистов. – М. : изд. московского отдела ВНС, 1914. – 11 с.
332. Политические партии России: история и современность. – М. : РОССПЭН, 2000. – 433 с.
333. Полный сборник платформ всех русских политических партий, приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. – СПб. : ННШ, 1906. – 130 с. – (<http://humanities.edu.ru/db/msg/81230>) (9.10.2007).
334. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. В 2-х томах. – М. : РОССПЭН, 1998. Т. 1. – 718 с.
335. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. В 2-х томах. – М. : РОССПЭН, 1998. Т. 2. – 814 с.
336. Предвыборная программа русских националистов // Окраины России. – 1912. – № 9.
337. Программа группы умеренно-правых // Новое время. – 1907. – 10 ноября.
338. Программа группы националистов // Новое время. – 1908. – 29 января.
339. *Меньшиков М. О.* Материалы к биографии // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М. 1993. – Вып. IV. – 271 с.
340. Устав Всероссийского национального союза. – СПб. : изд. ВНС, 1908. – 4 с.
341. Устав Всероссийского национального союза. – СПб. : тип. Г. Скачкова, 1911. – 15 с.
342. Автономия, федерация и национальный вопрос. – М. : Народная свобода, 1906. – 48 с.
343. Автономия и федерация. – Харьков : (Б. и.), 1917. – 32 с.

Периодика

344. Вестник Всероссийского национального союза. 1912 (1–10).
345. Возрождение. Париж. – 1932. – 29 марта.
346. Известия Всероссийского национального клуба. 1911–1912.

347. Киевлянин. 1906–1909.
348. Новое время. 1899–1916
349. Окраины России. 1907, 1909, 1912.
350. Русский еженедельник в Бельгии. – 1931. – 228 / 193.
351. Северный курьер. – 1899. – № 35, 39.
352. Южный край. – 1893. – № 4123, – 1894. – № 4707.

**Произведения политических деятелей, публицистов
и ученых второй половины XIX в. – начала XX в.**

353. Александр II – царь освободитель, его дела и заветы. – СПб. : изд. ВНК, 1911. – 49 с.
354. Аксаков И. С. Сочинения Т.3. Польский и еврейский вопросы / И. С. Аксаков. – М.: тип. М. Волчанинова, 1886. – 844 с.
355. А. Г. Наши задачи на Востоке / А. Г. – СПб. : тип. А. Суворина, 1904. – 32 с.
356. Алексеев В. Народы России и их свободное устройство / В. Алексеев. – М. : Университетская библиотека, 1917. – 31 с.
357. Абрамович И. Я. «Новое время» и соблазны младенцы / И. Я. Абрамович. – Пг. : (Б. и.), 1916. – 43 с.
358. Авалов З. О единстве и неразделимости России / З. Авалов // Русская мысль. – 1912. – № 1. – С. 162–188.
359. Авалов З. Письма о национальностях и областях. Национальный вопрос на Кавказе / З. Авалов // Русская мысль. – 1911. – № 2, отд. 2. – С. 74–97.
360. Алекторов А. Е. Инородцы в России. Современные вопросы / А. Е. Алекторов. – СПб.: тип. И. Леонтьева, 1906. – 101 с.
361. Ардашев П. И. Национализм на Западе / П. И. Ардашев. – Киев : изд. ВНК, 1911. – 35 с.
362. Балашев П. Н. Вступительное слово Председателя «Всероссийского национального союза» Петра Николаевича Балашова на первом собрании представителей «Всероссийского национального союза» 19 февраля 1912 г. / П. Н. Балашев. – СПб. : изд. С-П. отд. нац. Союза, 1912. – 8 с.
363. Балашев П. Н. О национализме вообще и в частности о русском / П. Н. Балашев. – СПб. : изд. С-П. отд. нац. Союза, 1911. – 22с.

364. *Балашев П. Н.* Записка о современном состоянии России / П. Н. Балашев. – СПб : (Б. и.), 1906. – 21 с.

365. *Балашев П. Н.* О политике России в последние века и предстоящих ей задачах / П. Н. Балашев. – СПб. : изд. С-П. отд. нац. Союза, 1913. – 91 с.

366. *Балашев П. Н.* Заветная мечта каждого русского / П. Н. Балашев. – СПб. : изд. С-П. отд. нац. Союза, 1913. – 32 с.

367. *Балясный М. Я.* Чего ждать от русского национализма / М. Я. Балясный. – СПб. : изд. ВНС, 1911. – 33 с.

368. *Бернов В. А.* Национализм в качестве основы государственности / В. А. Бернов. – СПб. : Товарищество художественной печати, 1912. – 73 с.

369. *Бердяев Н.* Письмо четвертое о нации / Н. Бердяев // *Философия неравенства.* – (<http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/04.html>) (9.10.2007).

370. *Бердяев Н.* О русском национальном сознании / Н. Бердяев // *Слово.* – 1908. – № 643.

371. *Бердяев Н.* Национализм и антисемитизм перед судом христианского познания / Н. Бердяев // *Русская мысль.* – 1912. – № 2. Отд. 2. – С. 125–141.

372. *Бессонов А.* Рецензия на статью М. О. Меньшикова «Орлы и вороны» / А. Бессонов. – Киев, 1915. – 14 с.

373. *Булгаков С. Н.* Из размышлений о национальности / С. Н. Булгаков // *Вестник философии и психологии.* – 1910. – Кн. 103. – С. 385–412.

374. *Бегницкий Д. Р.* Русско-польский общественный договор. Его внешнеполитические последствия / Д. Р. Бегницкий. – СПб. : (Б. и.), 1906. – 56 с.

375. *Богданович Е. В.* Школа патриотизма / Е. В. Богданович. – СПб. : тип. Р. Голина, 1908. – 40 с.

376. *Бородкин М. М.* Необходимость самодержавия для России / М. М. Бородкин. – Харьков : тип. Харьковского отдела СРН, 1904. – 28 с.

377. *Бородкин М. М.* Финляндская окраина в составе Русского государства / М. М. Бородкин. – СПб. : тип. Бережливость, 1906. – 111 с.

378. *Будилович А. С.* Вопрос об окраинах России, в связи с теорией самоопределения народностей и требованиями госу-

дарственного единства / А. С. Будилович. – СПб. : тип. Войкова, 1906. – 26 с.

379. *Василевский Д.* Современная Польша и ее политические стремления / Д. Василевский. – СПб. : Библиотека общественной пользы, 1906. – 27 с.

380. *Выдрин Р.* Национальный вопрос в русском общественном движении / Р. Выдрин // Голос минувшего. – 1915. – № 1. С. 100 – 123; № 2. – С. 70–87.

381. *Выдрин Р.* Русская публицистика под знаком национального вопроса / Р. Выдрин // Современник. – 1915. – № 2. – С. 131–145.

382. Высочайший манифест 17 октября 1905 г. и его значение для русского народа. – СПб. : (Б. и.), 1906. – 18 с.

383. *Гессен Ю.* К истории еврейского вопроса / Ю. Гессен // Вестник Европы. – 1913. – № 5. – С. 176–189.

384. *Грушевский М. С.* Национальный вопрос и автономия / М. С. Грушевский. – СПб. : тип. Общественная польза, 1907. – 15 с.

385. *Грушевский М. С.* Единство или распадение России? / М. С. Грушевский. – СПб. : Общественная польза, 1907. – 15 с.

386. *Грушевский М. С.* На национальные темы: К вопросу о национально-территориальной автономии / М. С. Грушевский // Русское богатство. – 1913. – № 1. – С. 233–252.

387. *Грушевский М. С.* Освобождение России и украинский вопрос: Статьи и заметки / М. С. Грушевский. – СПб. : Общественная польза, 1907. – 294 с.

388. *Германсон Р. Ф.* Соображения относительно нынешнего положения Финляндии / Р. Ф. Германсон. – СПб. : тип. Ю. Мансфельд, 1907. – 15 с.

389. *Герасимов Н. И.* В защиту русского национализма / Н. И. Герасимов. – М. : тип. В. Сайлина, 1912. – 67 с.

390. *Гольцев В.* Национальный вопрос в XIX веке / В. Гольцев // Русская мысль. – 1901. – № 3. – С. 142–153.

391. *Голубцов С. А.* Русские политические партии – очерки программ / С. А. Голубцов, – М. : изд. МГУ, 1917. – 84 с.

392. *Градовский А. Д.* Национальный вопрос / А. Д. Градовский // Сборник государственных знаний. – СПб. : изд. Безобразова, 1877. Т. 3. – С. 222–265.

393. *Грингмут В. А.* Ближайшая будущность России / В. А. Грингмут. – М. : тип. Моск. ун-та, 1895. – 30 с.
394. *Грингмут В. А.* Греческая трагедия в русской школе / В. А. Грингмут. – М. : тип. Московского ун-та, 1901. – 21 с.
395. *Грингмут В. А.* К вопросу о воспитании и внимании / В. А. Грингмут. – М. : тип. Московского ун-та, 1899. – 29 с.
396. *Грингмут В. А.* Руководство черносотенца – монархиста / В. А. Грингмут // Московские ведомости. – 1906. – 3 июня.
397. *Грибовский В. М.* Что такое национальность в ее государственном значении / В. А. Грингмут // Известия ВНС. – 1911. – № 1.
398. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 573 с.
399. *Дживелегов А. К.* Армяне в России / А. К. Дживелегов. – М. : Ефимов, 1906. – 62 с.
400. *Дьяк.* Ограничена ли власть монарха по законам Российской империи / Дьяк. – СПб. : тип. Мильштейна, 1907. – 23 с.
401. *Демченка Я. Г.* Еврейская стратегия и тактика в деле покорения мира мирным путем / Я. Г. Демченка. – Киев : тип. Кушнерев и К, 1910. – 118 с.
402. *Демченка Я. Г.* Еврейское равноправие или русское порабощение / Я. Г. Демченка. – Киев : (Б. и.), 1907. – 184 с.
403. *Демченка Я. Г.* К вопросу о программе правых / Я. Г. Демченка. – Одесса : из газеты «Русская речь», 1908. – 35 с.
404. *Демченка Я. Г.* Правда о украинофильстве / Я. Г. Демченка. – Киев : (Б. и.), 1906. – 40 с.
405. *Дурново М.* Речь председателя рыбинского совета ВНС М. Н. Дурново / М. Дурново. – Рыбинск : изд. Рыбинского отдела ВНС, 1912. – 8 с.
406. *Жаботинский В.* Письма о национальностях и областях / В. Жаботинский // Русская мысль. – 1911. – № 1. – С. 45–58.
407. *Золотарев А. М.* Национальная политика императора Александра III / А. М. Золотарев. – СПб. : тип. Коротаевой, 1910. – 16 с.
408. *Изгоев А. С.* Национальные и религиозные вопросы в России / А. С. Изгоев // Русская мысль. – 1908. – № 5. – С. 122–138.
409. *Иловайский Д. И.* История России / И. Д. Иловайский. – М. : тип. Кушнерев и К, 1906. Т. 1. – 775 с.

410. *Князьков С.* Как сложилось и как пало крепостное право в России. Исторический очерк / С. Князьков. – М.: тип. Московского ун-та, 1911. – 153 с.

411. Крепостное право в России и реформа 19 февраля. – М. : изд. им. Сытина, 1911. – 400 с.

412. *Казанский П. Е.* Народность и государство / П. Е. Казанский // Русская речь. – 1912. – № 1884.

413. *Казанский П. Е.* Современное положение Червонной Руси / П. Е. Казанский. – Одесса : Славянская типография, 1914. – 37 с.

414. *Кокошкин Ф. Ф.* Областная автономия и единство России / Ф. Ф. Кокошкин. – М. : Народное право, 1906. – 15 с.

415. *Кокошкин Ф. Ф.* Автономия и федерация / Ф. Ф. Кокошкин. – Пг. : Партия народной свободы, 1917. – 30 с.

416. *Ковалевский М. М.* Национальный вопрос в России и равенство подданных перед законом / М. М. Ковалевский. – Варшава : Правда, 1906. – 15 с.

417. *Коялович М. О.* Историческая живучесть русского народа и его исторические особенности / М. О. Коялович. – СПб. : тип. Елонского и К, 1883. – 28с.

418. *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – Минск : Лучи Софии, 1997. – 688 с.

419. *Куплевасский Н. О.* Исторический очерк преобразований государственного строя в царствование Николая II / Н. О. Куплевасский. – Спб. : изд. ВНК, 1912. – 76 с.

420. *Куплевасский Н. О.* Всероссийский национальный союз. Очерк / Н. О. Куплевасский. – СПб. : тип. Леонтьевича, 1908. – 8 с.

421. *Кулаковский П. А.* Поляки и вопрос об автономии Польши / П. А. Кулаковский. – СПб. : тип. Смирнова, 1906. – 36 с.

422. *Кулаковский П. А.* Польский вопрос в прошлом и настоящем / П. А. Кулаковский. – СПб.: тип. Суворина, 1907. – 48 с.

423. *Костомаров Н. И.* Русские инородцы / Н. И. Костомаров. – М. : Чарли, 1996. – 604 с.

424. *Ландер К. К* теории национального вопроса / К. К. Ландер // Современник. – 1915. – № 10. – С. 180–190.

425. *Ленин В. И.* Политические партии России / В. И. Ленин // ПСС. Т.21. – М. : Политическая литература, 1980. – С. 280.

426. *Левин И.* Национальный вопрос и социал-демократия / И. Левин // Русская мысль. – 1909. – № 10. – С. 165–185.
427. *Левицкий В.* Правые партии // В. Левицкий // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. – СПб. : Товарищество общественная польза, 1908. – 643 с.
428. *Логанов И. А.* К учению о национализме / И. А. Логанов // Окраины России. – 1907. – № 21.
429. *Любинский А. И.* Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородническим движением / И. А. Любинский. – Киев : тип. Горбунова, 1907. – 16 с.
430. Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся национал-демократии. – СПб. : тип. Сатирикон, 1911. – 240 с.
431. *Локоть Т. В.* Оправдание национализма / Т. В. Локоть. – Киев : изд. ВНК, 1910. – 52 с.
432. *Лодыгин Я.* Националисты и другие партии / Я. Лодыгин. – СПб. : изд. ВНС, 1910. – 60 с.
433. Мысли и факты. К еврейскому вопросу. Письма еврея. – Одесса : тип. Нового телеграфа, 1895. – 318 с.
434. *Медем К.* К постановке национального вопроса в России / К. Медем // Вестник Европы. – 1912. – № 8. – С. 150–163; № 9. – С. 149–166.
435. *Молоховец Е.* Монархизм, национализм и православие / Е. Молоховец. – СПб. : (Б. и.), 1910. – 33 с.
436. *Милюков П. Н.* Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России) / П. Н. Милюков. – М. : РПИБ, 2005. – 159 с.
437. *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. Воспоминания / Евлогий. – М. : Московский рабочий ВПМД, 1994. – 620 с.
438. Националисты в третьей Государственной Думе. – СПб. : тип. А. Суворина, 1912. – 327 с.
439. Национализм и его враги. Псковское отделение ВНС. – Псков : тип. Губернского земства, 1912. – 59 с.
440. *Никон.* Орлы и вороны. Мысли по поводу статьи Меншикова / Никон // Биржевые ведомости. – 1905. – 24 июля.
441. *Новицкий Л.* Рецензия к статье М. О. Меншикова «К вопросу о расстройстве армии» / Л. Новицкий. – М. : (Б. и.), 1906. – 12 с.

442. Немецкое зло: сборник статей о борьбе с нашей внутренней Германией Вып. I. – М. : тип. Момонтова, 1915. – 107 с.
443. *Носков Н. Д.* Охранительные и реакционные партии в России / Н. Д. Носков. – СПб. : тип. Проппера, 1906. – 64 с.
444. *Писаревский Г. Г.* Лекции по новой русской истории / Г. Г. Писаревский. – Варшава : изд. Варшавского ун-та, 1913. – 525 с.
445. *Пуришкевич В. М.* Материалы к вопросу о разложении современного русского университета / В. М. Пуришкевич. – СПб. : Рус нар. союз им. Михаила Архангела, 1914. – 8 с.
446. *Пуришкевич В. М.* Перед грозю. Правительство и русская народная школа / В. М. Пуришкевич. – СПб. : тип. И. Четверикова, 1914. – 4 с.
447. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем / А. Н. Пыпин. – СПб. : Колосс, 1913. – 189 с.
448. Памяти Александра III. Сборник «Московских ведомостей». – М. : Издание С. Петровского, 1894. – 404 с.
449. «По вехам». Сборник статей об интеллигенции и национальном лице. – М. : Заря, 1909. – 174 с.
450. *Павлович М.* Россия и армянский вопрос / М. Павлович // Современник. – 1913. – № 11. – С. 58–74.
451. *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи / В. Строганов. – СПб. : тип. Суворина, 1912. – 151 с.
452. *Сидоров А. А.* Инородческий вопрос и идея федерализма в России / А. А. Сидоров. – М. : тип. Саблина, 1912. – 68 с.
453. *Сикорский И. А.* О психологических основах национализма / И. А. Сикорский. – Киев : тип. Кушнерев и К, 1910. – 15 с.
454. *Сикорский И. А.* Что такое нация и другие формы этнической жизни? / И. А. Сикорский. – Киев : тип. С. В. Кульмежко, 1913. – 56 с.
455. *Самарин Ю. О.* Сочинения. Том 8. Окраины России / Ю. О. Самарин. – М. : тип. А. И. Момонтова и К, 1890. – 621 с.
456. *Степанец Б.* О воспитании и обучении / Б. Степанец. – Вильно : типография Сыркина, 1911. – 45 с.
457. *Степанец Б.* Национализм как социологическая идея / Б. Степанец. – Вильно : тип. Русский почин. – 30 с.

458. *Струве П. Б.* Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества / П. Б. Струве. – (<http://www.i-u.ru/biblio/archive/struve%5Fvelikrus/>) (9.10.2007).

459. *Струве П. Б.* Интеллигенция и национальное лицо / П. Б. Струве. – (<http://www.ushakov.org/society/str.htm>) (9.10.2007).

460. *Славинский М. А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос / М. А. Славинский // Интеллигенция в России. – СПб., 1910. С. 220–234.

461. *Смирнов Е. С.* Национализм в Третьей Думе / Е. С. Смирнов // Современный мир. – 1912. – № 10. – С.196–221.

462. Старое и новое: (К национальному вопросу на Кавказе). – Баку : Труд, 1912. – 22 с.

463. *Светский Л.* Отзыв на статью М. О. Меньшикова «Мир или борьба» / Л. Светский. – Житомир, 1908. – 5 с.

464. *Спасский П. Н.* В защиту ветхозаветных патриотов. Беседы по поводу статьи М. О. Меньшикова «Читайте Библию» / П. Н. Спасский. – Новгород : Труженик, 1914. – 27 с.

465. Сборник клуба русских националистов. Выпуск первый. – Киев : тип. Кульженко, 1909. – 77 с.

466. Сборник клуба русских националистов. Выпуск третий. – Киев : тип. Кульженко, 1911. – 162 с.

467. *Слонимский Л. З.* Национальный «Всероссийский союз» / Л. З. Слонимский // Политическая энциклопедия. – СПб., 1909. Т. 2. Вып. 8. – С. 1115–1116.

468. *Тихомиров Л. А.* Необходимость поместного собора / Л. А. Тихомиров // Русская цивилизация и соборность. – М. : АКИРН, 1994. С. 212–220.

469. *Тихомиров Л. А.* К реформе обновленной России / Л. А. Тихомиров // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М. : АКИРН, 1995. – С. 153–163.

470. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 619 с.

471. *Троицкий В.* Письма о нациях и областях / В. Троицкий // Русская мысль. – 1911. – № 8. Отд. 2. – С. 77–101.

472. *Трубецкой Н.* Об истинном и ложном национализме / Н. Трубецкой. – (<http://evraz-info.narod.ru/93.htm>) (9.10.2007).

473. Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Том VI. – М. : изд. им. Сытина, 1913. – 354 с.

474. *Устрялов Н. И.* К вопросу о русском империализме / Н. И. Устрялов // Проблемы Великой России. – 1916. – № 15. – С. 1–5.

475. Уравнение национальных прав как основная реформа в Российском государстве. – СПб. : тип. Вейерман, 1909. – 60 с.

476. *Ульянов Н. И.* Об одном проекте разрешения национального вопроса в России / Н. И. Ульянов. На темы и русские и общие. – Нью-Йорк, 1965. – С. 297–304.

477. Формы национальных движений в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. – СПб. : Общественная польза, 1910. – 821 с.

478. *Черняев Н. И.* Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал / Н. И. Черняев. – Харьков : изд. харьковского отдела СРН, 1901. – 373 с.

479. *Чихачев Д. Н.* Политическая программа П. А. Столыпина / Д. Н. Чихачев. – СПб. : изд. ВНС, 1914. – 23 с.

480. *Шульгин В. В.* Дни / В. В. Шульгин. – М. : Современник, 1989 – 557 с.

481. *Юзефович Б. Г.* Меньшиков о гр. С. Ю. Витте / Б. Г. Юзефович. – СПб. : Русская печатня, 1907. – 4 с.

482. *Эрн В.* Время славянофильствует / В. Эрн. – М. : тип. М. Сытина, 1915. – 48 с.

Исследовательская литература

483. *Авдеев В. Б.* Интегральный национализм / В. Б. Авдеев. – (http://xromo.com/ruskolan/avdeev/ma_02_integral.htm) (9.10.2007.).

484. *Анфимов А. М.* Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 58–76.

485. *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьба реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : изд. политической литературы, 1991. – 287 с.

486. *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1968. – 518 с.

487. *Аврех А. Я.* Царизм и третьиюньская система / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1966. – 180 с.

488. *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1981. – 290 с.

489. *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей / Э. А. Баграмов. – М. : Полиздат, 1982. – 336 с.
490. *Барсенков Е. С.* Русский вопрос в зеркале истории / Е. С. Барсенков // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М. : АКИРН, 1995. – С. 52–56.
491. *Берников М. П.* Соплеменнику о русской национальной идее / М. П. Берников. – Вятка : Кир. обл. тип. 2001. – 309 с.
492. *Бурмистрова Т. Ю.* Национальный вопрос в программных документах и тактика политических партий в России / Т. Ю. Бурмистрова, В. С. Русакова. – М. : Мысль, 1976. – 263 с.
493. *Бутаков Я.* Правые концепции экономического развития России в начале XX в. / Я. Бутаков. – (<http://www.pravaya.ru/side/584/1864?print=1>) (9.10.2007).
494. *Вахитов Р.* Национализм. Сущность, происхождение, проявления / Р. Вахитов // Восток. – 2004. – № 5. – (http://www.situation.ru/app/j_artp_421.htm) (9.10.2007).
495. *Вальков А. А.* Идея нации в свете русской социально-философской мысли / А. А. Вальков. – Уфа : изд. Башкирского университета, 1996. – 157 с.
496. *Волхонский М. Н.* Национальный вопрос в Российской империи и правительственные круги: указ 12 декабря 1904 г. // Вестник моск. ун-та. Серия 8. История. – 2002. – № 3. – С. 55–72.
497. *Гоголевский А. В.* Очерки истории русского либерализма в начале XIX–XX века / А. В. Гоголевский. – СПб. : изд. СПГУ, 1996. – 203 с.
498. *Голубев Н. Р.* Взгляд политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец XIX начало XX века) / Н. Р. Голубев. – Пермь : изд. ПГУ. 1998. – 214 с.
499. *Гончаров С. М.* О. Меньшиков. Завещаю своему потомству / С. Гончаров // Москва. – 1993. – № 6. – С.176–184.
500. *Гречко В. А.* Русский народ как общность / В. А. Гречко // Русская нация : историческое прошлое и проблемы возрождения. – М. : АКИРН, 1995. – С. 70–71.
501. *Григоров Е. В.* Ценности консерватизма / Е. В. Григоров. – (<http://conservatism.narod.ru/grigorov/grigorov.html>) (9.10.2007).
502. *Григоров Е. В.* Иррациональные элементы русского консерватизма / Е. В. Григоров. – (<http://conservatism.narod.ru/grigorov/grigorov.html>). (9.10.2007).

503. *Гулыга А.* Формулы русской идеи / А. Гулыга. – (http://www.patriotica.ru/religion/gulyga_rusidea.html) (9.10.2007).

504. *Гусев В. А.* Русский консерватизм: Основные направления и этапы развития / В. А. Гусев – Тверь : изд. ТГУ, 2001. – 235 с.

505. *Давиденко В. И.* От азбуки – к высшей математике / В. И. Давиденко // Наше мировоззрение. – 2001. – № 1.

506. *Джунусов М. С.* Национализм в различных измерениях / М. С. Джунусов. – Алма-ата, 1990. – 230 с.

507. *Джунусов М. С.* Национализм – словарь-справочник / М. С. Джунусов. – (http://skinheads.narod.ru/nazionalizm.m_s_gunusov.html) (9.10.2007).

508. *Дугин А.* Апология национализма / А. Дугин. – (<http://my.arcto.ru/public/konsrev/natio.htm>) (9.10.2007).

509. *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. // В. С. Дякин. – М. : Наука, 1978. – 246 с.

510. *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. – М. : Наука. 1978. – 227 с.

511. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX века) // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 39–73.

512. *Елисеев А. В.* Русские националисты начала XX века и социализм / А. Елисеев. – (<http://www.nationalism.org/eliseev/rusnat-socialism.htm>) (9.10.2007).

513. *Елисеев А. В.* Русские националисты и рабочий вопрос / А. Елисеев. – (<http://www.nationalism.org/eliseev/rusnat-work-question.htm>) (9.10.2007).

514. *Елисеев А. В.* Русский национал-консерватизм начала XX века и промышленная модернизация России / А. Елисеев. – (<http://www.nationalism.org/eliseev/national-conservatism-modernization.htm>) (9.10.2007).

515. *Елисеев А. В.* Столыпинщина: раскол в русском национализме начала XX века / А. Елисеев. – (<http://www.nationalism.org/eliseev/stolypin.htm>) (9.10.2007).

516. Евреи и русская революция. – Иерусалим: Гешарим, 1999. – 479 с.

517. *Егоров Б.* О национализме и панславизме славянофилов / Б. Егоров. – (http://www.auditorium.ru/books/296/vopli91-7_chapter2.html). (9.10.2007).

518. *Зеленская О. А.* Национальное самосознание как фактор сохранения национальной самобытности / О. А. Зеленская. – (<http://ostu.ru/conf/soc2002/papers/index.html>) (9.10.2007).

519. *Заславский Д. О.* Рыцарь монархии Шульгин / Д. О. Заславский. – Л. : Прибой, 1927. – 68 с.

520. *Залежский В.* Монахи / В. Залежский. – Харьков : Прометей, 1930. – 36 с.

521. *Иванов О. А.* Идеология «православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова / О. А. Иванов. – (http://conservatism.narod.ru/sb_cons1/sb_cons1.html) (9.10.2007).

522. *Иванов А.* Профессор – националист. К 75-летию кончины П. И. Ковалевского // Агентство «Русская линия». – 2006. – 17 октября.

523. *Искра Л. М.* Консерватизм – стратегия будущего / Л. М. Искра // Москва 2003. – № 9.

524. *Искра Л. М.* Чичерин и проблемы консерватизма // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. – 2001. – Вып. 1. – С. 129–146.

525. *Искра Л. М.* Б. Н. Чичерин о политике, государстве, истории / Л. М. Искра. – Воронеж : изд. ВГУ, 1995. – 216 с.

526. *Ильин С. А.* Русские национал-патриотические организации и манифест 17 октября 1905 г. / С. А. Ильин // Общественно-политическое развитие российской провинции (XIX–XX вв.). – Тамбов : изд. ТГУ, 1999. – Вып. 1. – С. 33–41.

527. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М. : Прогресс-традиция, 2000. – 344 с.

528. *Калтахчян С. Г.* Марксистско-ленинская теория нации и современность / С. Г. Калтахчян. – М. : Прогресс. – 343 с.

529. *Казин А.* Тишина, в которой слышно слово (Метафизика консерватизма) / А. Казин // Москва. – 1998. – № 9.

530. *Киржниц А.* Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. / А. Киржниц. – М. : изд. всесоюзного общества политкаторжан и СС.-поселенцев, 1930. – 123 с.

531. *Козлов В. И.* Русские, россияне, русскоязычные / В. И. Козлов // Национальная газета. – 1998. – № 6–7.

532. *Костомаров Г. Д.* Черная сотня под флагом религии в 1905 г. / Г. Д. Костомаров. – М. : Безбожник, 1931. – 46 с.

533. *Карцев С. П.* Правовая идеология русского консерватизма / С. П. Карцев. – М.: Моск. общественный научный фонд, 1999. – 224 с.

534. *Кисиль Л. В.* Русский консерватизм и национализм. Дореволюционный опыт взаимоотношений / Л. В. Кисиль, Л. А. Попов. – (<http://rustrana.ru/article.php?nid=3160&sq=19,23,118,531,963&crypt=>) (9.10.2007).

535. *Ковалев А. М.* Особенности российской цивилизации / А. М. Ковалев // Русская цивилизация и соборность. – М.: АКИРН, 1994. – С. 63–70.

536. *Коротеева В. В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? / В. В. Коротеева. – (<http://nationalism.org/library/science/nationalism/koroteeva/koroteeva-p&c-1997.htm>) (9.10.2007).

537. *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. В. Коротеева. – М.: изд. РГГУ, 1999. – 139 с.

538. *Козловский В. В.* Либеральный консерватизм в России / В. В. Козловский // Российская социология. – СПб.: изд. СПбГУ, 1993. С. 79–95.

539. *Кольев А. Н.* Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М., Теории нации и государства, 2005. – 800 с.

540. *Кондратенко А. И.* У истоков русской национальной идеи / А. И. Кондратенко. – Орел: изд. ОГУ, 2002. – 172 с.

541. Консерватизм: Современные интерпретации. – М.: Наука, 1990. – 40 с.

542. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. – 1995. – № 4. – С. 33–59.

543. *Копченова И. В.* Национальный вопрос в Российской империи / И. В. Копченова. – (<http://real-st.chat.ru/refKopchenovaNation20.htm>) (9.10.2007).

544. *Кагromanов Ю.* Черносотенство: прошлое и перспективы / Ю. Кагromanов // Новый мир. – 1999. – № 6. – С. 151–160.

545. *Кочетов А.* Что такое национализм. Национализм больших и малых наций / А. Кочетов. – (<http://warrax.net/83/kochetov6.html>) (9.10.2007).

546. *Кирьянов Ю. И.* Крайне правые партии и общество / Ю. И. Кирьянов // Политические партии и общество в России 1914–1917 гг. – М. : изд. РАН, 2000. – С. 162–180.

547. *Кирьянов Ю. И.* Эволюция парламентского поведения русских консерваторов в III Думе / Ю. И. Кирьянов // Исторические метаморфозы консерватизма. – Пермь : изд. ПГУ, 1998. – С. 132–147.

548. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии России 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – М. : РОССПЭН, 2001. – 464 с.

549. *Кирьянов Ю. И.* Правые и конституционные монархисты / Ю. И. Кирьянов // Вопр. истории. – 1997. – № 6. – С. 82–102.

550. *Кокшаров К. Н.* Этничность. Этнос. Нация. Национализм / К. Н. Кокшаров // Credo New. – 2002. – № 4.

551. *Комин В. В.* История помещичьих, буржуазных, мелкобуржуазных политических партий в России / В. В. Комин. – Калинин : изд. КГУ, 1970. – 277 с.

552. Кризис самодержавия в России в 1895–1917 гг. – Л. : Наука, 1984. – 665 с.

553. *Коцюбинский Д. А.* Утопия русского консерватизма на примере партии ВНС / Д. А. Коцюбинский // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности) : Сборник статей. – СПб. : изд. СПбГУ, 2004. С. 79–105.

554. *Коцюбинский Д. А.* Всероссийский национальный союз // Программа партии русских националистов (ВНС) / Д. А. Коцюбинский // Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М. : РОССПЭН, 1995. С. 135–137.

555. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализма в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. – М. : РОССПЭН, 2001. – 528 с.

556. *Кочеров С. Н.* Русская идея: сущность и смысл / С. Н. Кочеров. – Н. Новгород : изд. ИГПУ, 2003. – 186 с.

557. Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. : Сборник статей. – М. : Иерусалим; Минск : Мосты культуры : Гешарим : Met, 2002. – 598 с.

558. *Кувшинов В. А.* Программа «Союза 17 октября» / В. А. Кувшинов // Кентавр. – 1994. – № 5.

559. *Лебедев С. В.* Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века / В. Лебедев. – СПб. : Нестор, 2004. – 223 с.

560. *Лебедев С. В.* Альтернатива справа. Национально-патриотическое движение в России. Историческая традиция. Идеологическое направление и перспективы / С. В. Лебедев. – СПб. : Нестор, 1999. – 341 с.

561. *Лукьянов М. Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914 гг. / М. Н. Лукьянов. – Пермь : Изд. ПГУ, 2001. – 211 с.

562. Лукьянов М. Н. «Россия для русских» или «Россия для русских подданных»? Консерваторы и национальных вопрос накануне Первой мировой войны / М. Н. Лукьянов // Отечественная история. – 2006. – № 2.

563. *Леонтьева О. Б.* Властители дум: интеллектуальная история России от великих реформ Петра до революции 1917 / О. Б. Леонтьева. – Самара : изд. СГУ, 2000. – 215 с.

564. *Любош С. Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич / С. Б. Любош. – Л., 1925. – 54 с.

565. *Миллер А.* Русский национализм в империи Романовых / А. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

566. Малинова О. Ю. Феномен нации в интерпретации либералов и консерваторов / О. Ю. Малинова. – (<http://www.ideashistory.org.ru/pdfs/03malinova.pdf>) (9.10.2007).

567. *Морозов И. А.* «Нация» и «национализм» / И. А. Морозов. – 1994. – № 6–7. – С. 108; 1994. № 8. – С. 46.

568. *Мусаев И. М.* Теории национализма: анализ современных зарубежных концепций / И. М. Мусаев. – СПб. : изд. РГПУ, 2005. – 140 с.

569. *Мнацаканян М. О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни / М. О. Мнацаканян. – М. : Юнити-ДАНА, 2004. – 367 с.

570. *Михайлов В. А.* Субъективные основы национально-го движения / В. А. Михайлов. – Саратов: изд. саратов. ун-та, 1993. – 147 с.

571. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократи-

ческой семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. / Б. Н. Миронов – СПб. : изд. Дмитрий Буланин, 1999. – 548 + 568 с.

572. Национализм. Полемика. (1909–1917 гг.) / сост. М. А. Колеров. – М. : ДИК, 2000. – 237 с.

573. Нации, этносы, национализм. Опыт социально-философского и методологического анализа / под ред. С. Г. Кагияна. – М. : Гуманитарий, 2003. – 296 с.

574. Национальная политика в императорской России. Цивилизационные окраины – М. : Старый сад, 1997. – 538 с.

575. Национальный вопрос в России в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX века: Документы и материалы. – Томск: изд. ТГУ, 1998. – 206 с.

576. *Нарвский И. В.* Взгляд на российский консерватизм, либерализм начала XX века из историко-культурной перспективы / И. В. Нарвский // *Либеральный консерватизм: история и современность.* – М. : РОССПЭН, 2001. С. 216–222.

577. *Никонов А. В.* Национальное самосознание русского народа и традиции отечественной государственности / А. В. Никонов // *Русская нация и государство.* – М. : Граница, 2002. С. 173–183.

578. *Овчинников А. И.* Национальный вопрос в истории политико-правовой мысли / А. И. Овчинников. – Ростов-на-Дону : изд. РГДУ, 2004. – 52 с.

579. *Овчинникова Б. В.* История России с древнейших времен до второй половины XIX века. Курс лекций. Ч. 1. Под ред. академика Б. В. Личмана. Уральский государственный технический университет. Екатеринбург, 1995. – (http://his95.narod.ru/lec3_1.htm.) (9.10.2007).

580. *Омельянчук И. В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в российской империи / И. В. Омельянчук. – (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=102666>). (9.10.2007).

581. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в российской империи (1901–1914 гг.). / И. В. Омельянчук. – Киев : МАУП, 2006 – 744 с.

582. *Омельянчук И. В.* Проблемы экономического развития России во взглядах правых монархистов ХХв. // Отечественная история. – 2006. – №1. – С.16–23.

583. *Оспинов А.* Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сборник статей. Выпуск 1. – СПб. : изд. СПбГУ. 2004. С. 106–118.

584. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Захаров, 2004. – 496 с.

585. *Платонов О. А.* История русского народа в ХХ веке. Том. 1 / О. А. Платонов. – М. : Родник, 1997. – 896 с.

586. *Петрюк П. Т.* Павел Иванович Ковалевский – известный отечественный психиатр / П.Т. Петрюк // История Сабуровой дачи: Успехи психиатрии, неврологии, нейрохирургии и наркологии: сб. научн. тр Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи). – Харьков, 1996. – Т. 3. С. 57–61.

587. *Парсамов В. С.* Национальная идея у Пестеля / В. С. Парсамов. – (conservatism.narod.ru/parsamov/parsam2.doc) (9.10.2007).

588. *Павленко А. А.* К вопросу о развитии теории нации / А. А. Павленко // Русская нация и обновление общества. – М. : АКИРН, 1990. С. 121–125.

589. *Платонов О. А.* Мифы и правда о погромах / О. А. Платонов. – М. : Яуза. Пресском, 2005. – 352 с.

590. *Пустарнаков В. Ф.* Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX века: различия и сходства / В. Ф. Пустарнаков // Либеральный консерватизм: история и современность. – М. : РОССПЭН, 2001. С. 11–30.

591. *Пушкин С. Н.* Историческая философия русского консерватизма XIX века / С. Н. Пушкин. – Н. Новгород: изд. Волго–Вятской академии гос. службы, 1998. – 251 с.

592. *Поздняков Э. А.* Нация, национализм, национальные интересы / Э. А. Поздняков. – М. : Прогресс-культура, 1994. – 128 с.

593. *Поспелов М.* Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М.О. Меньшикова / М. Поспелов, И. Ли-

совой. – (<http://www.rus-sky.org/history/library/menshikov3/>) (9.10.2007).

594. *Репников А. В.* Консервативная традиция и современность / А. В. Репников // *Либеральный консерватизм: история и современность.* – М. : РОССПЭН, 2001. С. 197–204.

595. *Репников А. В.* Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века / А. В. Репников // *Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса.* – М. 2001. С. 48–53.

596. *Репников А. В.* Консервативная концепция российской государственности / А. В. Репников. – М. : Сигнал, 1999. – 147 с.

597. *Репников А. В.* Современная историография российского консерватизма / А. В. Репников. – (<http://conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov.html>) (9.10.2007).

598. *Репников А. В.* Русская армия глазами консерваторов / А. В. Репников. – (<http://conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov.html>) (9.10.2007).

599. *Репников А. В.* М. О. Меньшиков о рабочем вопросе / А. В. Репников // *Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность.* – М., 2002. С. 179–186.

600. *Репников А. В.* М. О. Меньшиков – возвращенное имя / А. В. Репников // *Международный сборник научных трудов.* – М. – Смоленск – Луганск, 1999. – С. 149–152.

601. *Репников А. В.* Консервативные представления о путях внутренней политики в период правления Александра III / А. В. Репников. – (<http://conservatism.narod.ru/repnikov/repnikov.html>) (9.10.2007).

602. *Репников А. В.* Русский консерватизм – вчера, сегодня, завтра / А. В. Репников. – (<http://fox.ivlim.ru/showarticle.asp?id=2116>) (9.10.2007).

603. *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков) / А. В. Репников. – М. : Готика, 2006. – 424 с.

604. *Раскин Д. И.* Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. / Д. И. Раскин // *Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические*

очерки. Часть 1. Россия и русское зарубежье. – СПб., 1992. С. 3–39.

605. Российские консерваторы. – М. : Русский мир, 1997. – 402 с.

606. Российские либералы: кадеты и октябристы. – М. : РОССПЭН, 1996. – 304 с.

607. Русский вопрос: история и современность. Материалы третьей всероссийской научной конференции (17–18 декабря 1996 г. Омск.). – Омск : изд. ОмГПУ, 1998. – 344 с.

608. Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной конференции. Москва 27–29 октября 1998 г. – М. : РОССПЭН, 1999. – 567 с.

609. *Рылов В. Ю.* Деятельность ВНС в воронежской губернии (1908 – 1913 гг.) / В. Ю. Рылов // Российская империя: стратегия стабилизации и опыт обновления. – Воронеж : изд. ВГУ, 2004. С. 377–394.

610. *Рылов В. Ю.* Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917 гг. / В. Ю. Рылов. – Воронеж : Полиграф, 2002. – 192 с.

611. *Савельев А. Н.* Нация. Русская формула профессора П. И. Ковалевского / А. Н. Савельев // Русский национализм и национальное воспитание в России. Репринт. – М. : Книжный мир, 2006. – С. 7–12.

612. *Санькова С. М.* Владимир Алексеевич Бобринский как представитель консервативно-либерального направления общественно-политической жизни России начала XX века / С. М. Санькова. – (<http://conservatism.narod.ru/sankova/sankova.html>) (9.10.2007).

613. *Санькова С. М.* Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М. Н. Каткова / С. М. Санькова. – (<http://conservatism.narod.ru/sankova/sankova.html>) (9.10.2007).

614. *Санькова С. М.* Выявление основных составляющих российской национальной идеи на базе анализа ее развития в XIX – начале XX вв. / С. М. Санькова // Национальная идея и национальная безопасность современной России. – Орел: изд. ОГТУ, 2003. – С. 198–202.

615. *Санькова С. М.* Век русского национализма (Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX – по начало XX вв.) / С. М. Санькова // Россия в условиях трансформации. Историко-политологический семинар – М. : изд. МГОУ, 2003. С. 34–42.
616. *Санькова С. М.* ВНС и польский вопрос во II Думе / С. М. Санькова // Проблемы славяноведения. – Брянский гос. ун-т. Вып.2. 2000. – С. 130–137.
617. *Санькова С. М.* Русская партия в России: образование и деятельность ВНС. 1908–1912 гг. / С. М. Санькова. – Орел : издатель Светлана Зенина, 2006. – 370 с.
618. *Сергеев С. М.* Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М., 2003. – С. 6–17.
619. *Сохряков Ю. И.* Национальная идея в отечественной публицистике XIX начала XX вв. / Ю. И. Сохряков. – М. : Наследие, 2000. – 251 с.
620. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.) / С. А. Степанов. – М. : изд. ВЗПИ, 1992. – 330 с.
621. *Степанов С. А.* Программы черносотенных организаций (1905–1907 гг.) / С. А. Степанов // Непролетарские партии России в трех революциях. – М. : Наука, 1989. – С. 105–111.
622. *Степанский А. Д.* Проблемы политического строя в программах русских непролетарских партий / А.Д. Степанский // Непролетарские партии России в трех революциях. – М. : Наука, 1989. – С. 29–36.
623. *Селецкий В. Н.* Прогрессизм: идейно-политическая платформа / В. Н. Селецкий // Непролетарские партии России в трех революциях. – М. : Наука, 1989. – С. 85–101.
624. *Струнникова М. Н.* Либерально-консервативная концепция государства и России / М. Н. Струнникова. – (<http://www.transpress.ru/vlast/0506/65.html>) (9.10.2007).
625. *Спирин А. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / А. М. Спирин. – М. : Мысль, 1977. – 365 с.
626. *Строев С. А.* Нации и национализм / С. А. Строев. – (<http://www.contrtv.ru/common/1559/>) (9.10.2007).

627. Социологические теории национализма. – М. : ИНИОН, 1991. – 34 с.

628. Столыпин. Жизнь и смерть. – Саратов: Поволжское книжное издательство, 1991. – 472 с.

629. *Троицкий Е. С.* Государство – этнополитический статус русского народа / Е. С. Троицкий // Русская нация и государство. – М. : Граница, 2002. С. 5–107.

630. *Троицкий Е. С.* Вступительная статья / Е. С. Троицкий // П. И. Ковалевский. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь националист. – М. : АКИРН, 2005. С. 4–18.

631. *Филимонов В.* Монархист поневоле / В. Филимонов // Монархист. – 2006. – № 58–59.

632. *Фененко А. В.* «Национальная идея» и «национальная идентичность» в произведениях Гюстава Лебона / А. В. Фененко // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. научн. тр. – Воронеж, 2002. – С. 239–253.

633. *Хатунцев С. В.* К. Н. Леонтьев и национальный вопрос / С. В. Хатунцев. – (<http://conservatism.narod.ru/khatun/khatun.html>) (9.10.2007).

634. *Хатунцев С. В.* К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике / С. В. Хатунцев // Страницы истории и историографии отечества: Сборник научных трудов. Воронеж, 2001. Вып. 3. –(<http://conservatism.narod.ru/khatun/khatun.html>) (9.10.2007).

635. *Хоскинг Дж.* Россия и русские : В 2 кн. / Дж. Хоскинг. – М. : Транзиткнига: АСТ, 2003. Кн. 1. – 494 с.

636. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. – М. : Наука, 1986. – 269 с.

637. *Чаадаева О.* Помещики и их организации в 1917 г. – М-Л. : (Б. и.), 1928. – 56 с.

638. *Чернавский М. Ю.* Два подхода к определению консерватизма / М. Ю. Чернавский. – (<http://conservatism.narod.ru/chernav/chernav.html>). (9.10.2007).

639. *Чернавский М. Ю.* Идея прогресса и русский консерватизм / М. Ю. Чернавский // Поиск молодых. Сборник научных статей аспирантов. – Уссурийск, 1998. – С. 21–25.

640. *Чернавский М. О.* Религиозно-философские основы консерватизма в России. Научная монография / М. Ю. Чернавский. – М. : изд. Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности, 2004. – 188 с.

641. *Чернышевский А.* Русский национализм: несостоявшееся пришествие / А. Чернышевский. – (http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_15.html). (9.10.2007).

642. *Шелохаев В. В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. / В. В. Шелохаев. – М. : Наука, 1991. – 232 с.

643. *Шевцов А. В.* Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века. Библиографический указатель / А. В. Шевцов. – СПб. : РНБ, 2002. – 416 с.

644. *Шлемин П. И.* Национальные отношения и права человека в России. (Диалоги с М. О. Меньшиковым. 1906–1908 гг.) / П. И. Шлемин // Россия и современный мир. – 1995. – № 1.

645. *Шлемин П. И.* М. О. Меньшиков: мысли о России / П. И. Шлемин. – М. : ИНИОН, 1997. – 208 с.

646. *Шлемин П. И.* Авторитаризм и либерализм в России (Русская идея М. О. Меньшикова) / П. И. Шлемин // Политическая наука в России (История, современность, модели будущего). – М. : ИНИОН РАН, 1994. – С. 81–123.

647. *Шлемин П. И.* М. О. Меньшиков о национально-территориальном переустройстве России (1911–1912 гг. в публицистике М. О. Меньшикова) / П. И. Шлемин // Политическая наука в России (История, современность, модели будущего). – М., 1994. – С. 74–116.

648. *Шиманов Г.* Положение русских в императорской России / Г. Шиманов. – (<http://www.rustrana.ru/article.php?nid=4492&sq=19,23,118,531,1022&crypt>). (9.10.2007).

649. *Шиманов Г.* Оккупация и геноцид русских в императорской России, или что мы знаем о самодержавии / Г. Шиманов // Молодая Гвардия. – 1994. – № 1. – С. 143–166.

650. *Щербинина А. В.* Эволюция этнического состава населения российской империи и ее влияние на имперскую политику правительства XIX – начала XX вв. (постановка проблемы) / А. В. Щербинина // Россия XIX – начала XX века: Государств.

строй, реформы, обществ.-полит. мысль, экон. развитие. – Ростов, 1997. – С. 49–59.

651. *Щербинина А. В.* Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. – М., 2001. С. 225–232.

652. *Эктон Д.* Принцип национального самоопределения / Д. Эктон // Нации и национализм. – М. : Праксис, 2002. – С. 29–40.

653. *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationlist Party. 1907–1917. – New Brunswick, New Jersey. 1980.

Работы публицистов XX века

654. *Ильин И.* Опасности и задания русского национализма / Ильин И. – (<http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/nz/nz-113-114.htm>). (9.10.2007).

655. *Ильин И.* О русском национализме. Сборник статей / И. Ильин. – М. : Российский фонд культуры, 2007. – 152 с.

656. *Ильин И.* Что есть истинный национализм / И. Ильин. – (http://www.patriotica.ru/religion/ilin_nat.html). (9.10.2007).

657. *Ильин И.* Россия есть живой организм / И. Ильин. – (<http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/ilin/nz/nz-92-93.htm>). (9.10.2007).

658. *Кузнецов П.* Катехизис русского / П. Кузнецов. – (<http://ndpr.tomsknet.ru/stati/katehis.html>). (9.10.2007).

659. *Севастьянов А. Н.* Чего от нас хотят евреи / А. Н. Севастьянов. – М. : Национальная газета, 2000. – 175 с.

660. *Севастьянов А.* Социализм против национализма / А. Н. Севастьянов // Русский строй. Сборник электронных публикаций под ред. А. И. Савельева. – М., 2003. – (<http://lindex.lenin.ru/Lindex1/Shire02/Est02/0330.htm>). (9.10.2007).

661. *Солоневич И.* Народная монархия / И. Солоневич. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1973. – (<http://rusmonarx.narod.ru/monarxia/01.htm>). (9.10.2007).

662. *Холмогоров Е.* Русский националист / Е. Холмогоров. – М. : Европа, 2006. – 432 с.

663. *Холмогоров Е.* Русская доктрина / Е. Холмогоров // Спецназ России. – 2002. – № 1 – (<http://nationalism.org/library/>

publicism/holmogorov/holmogorov-specnaz-2002-01-1.htm). (9.10.2007).

664. *Холмогоров Е.* Самодержавие / Е. Холмогоров. – (<http://pravaya.ru/leftright/472/5091>). (9.10.2007).

Диссертации и авторефераты диссертаций

665. *Вельможко Н. И.* Национальный вопрос в деятельности III и IV государственных дум : дисс... канд. ист. наук / Н. И. Вельможко. – М., 1998. – 200 с.

666. *Дьяченко А.Н.* Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ : дисс... канд. фил. наук / А. Н. Дьяченко. – Ростов-на Дону, 2004. – 167 с.

667. *Дегтярев А. К.* Идеология национализма: социокультурный подход : дисс... д-ра. фил. наук / А. К. Дегтярев. – Ростов-на-Дону, 1998 – 232 с.

668. *Елисеев А. В.* Социально-экономические воззрения русских националистов XX века : дисс... канд. ист. наук / А. В. Елисеев. – М., 1997. – 241 с.

669. *Кагиан С. Г.* Нации, этносы и национализм: социально-философский анализ : дисс... д-ра фил. наук / С. Г. Кагиан. – Н. Новгород, 2004. – 296 с.

670. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.) : дисс... д-ра ист. наук / И. В. Омельянчук. – Воронеж, 2006. – 890 с.

671. *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX в. : автореф. дисс... д-ра ист. наук / А. В. Репников. – М., 2006. – 54 с.

672. *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной Думе (1907–1912 гг.) : дисс... канд. ист. наук / Р. Б. Ромов. – М., 2003. – 543 с.

673. *Шарова Н. В.* Деятельность русских национальных объединений в 1907–1914 гг. (на материалах Тамбовской губернии). : автореф. дисс... канд. ист. наук / Н. В. Шарова. – Тамбов, 2004. – 19 с.

Энциклопедии. Справочники

674. Венгеров А. Источники словаря русских писателей
Т. III / А. Венгеров. – Петроград : (Б. и.), 1914. – 236 с.

675. Современники. Альбом биографий Н. И. Афанасьева
Т. 1. – СПб. : тип. А. Суворина, 1909. – 193 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ. П. И. КОВАЛЕВСКИЙ И М. О. МЕНЬШИКОВ КАК ИДЕОЛОГИ ВНС.....	9
ГЛАВА II. М. О. МЕНЬШИКОВ И П. И. КОВАЛЕВСКИЙ О НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМЕ.....	48
ГЛАВА III. ВЗГЛЯДЫ П. И. КОВАЛЕВСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА НА ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА.....	73
ГЛАВА IV. ВЗГЛЯДЫ П. И. КОВАЛЕВСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.....	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	174

Научное издание

Стукалов Петр Борисович

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
И ЕГО ИДЕОЛОГИ**

Монография

Воронежский институт ФСИН России
394072 г. Воронеж, ул. Иркутская, 1а

Подписано в печать 15.06.2011 г.
Формат 60 × 90 1/16. Усл. печ. л. 13,75.
Тираж 500 экз. Заказ _____.